

Брат и сестра в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка»

© Н. А. КЛАДОВА,
кандидат филологических наук

Не раз произносимые героиней повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» слова «сестра», «брат» несут в произведении важную смысловую нагрузку. С помощью этих слов выражается сюжетоорганизующая идея родственной связанности в художественном мире повести. Кольцевая композиция отражает мотив одиночества Ордынова, его вырванность из семейного круга. Сестринско-братские отношения, предлагаемые герою Катериной, не становятся основой образования истинной семьи, но они даны как идеал, норма человеческого сосуществования.

Ключевые слова: Достоевский, Хозяйка, повесть, родственные отношения, сестра, брат, мотив одиночества.

Not just spoken by the heroine of the novel F.M. Dostoevsky «The Mistress», the words *sister*, *brother* are in work to work. The article is devoted to analysis of the idea of kinship to the artistic world of the novel. This idea organizes the plot. Ring composition reflects the loneliness of Ordinov, his verwendest from the family circle. Sisterly-brotherly relations, proposed hero Katerina, do not become the basis for the formation of a true family, but they are given as an ideal norm of human coexistence.

Key words: Dostoevsky, Mistress, story, relationship, sister, brother, motive of loneliness.

«Люди рассказывают, как жили двенадцать братьев в темном лесу и как заблудилась в том лесу красная девица. Зашла она к ним и прибрала им всё в доме, любовь свою на всем положила. Пришли братья и спознали, что сестрица у них день прогостила. Стали ее выкликать, она к ним вышла. Нарекли ее все сестрой, дали ей волюшку, и всем она была ровня» [1. С. 276]. Данный сказочный сюжет, являющийся интертекстом в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка», выполняет важную функцию организации

художественного мира произведения. Это — антитеза действительности, отраженной автором.

Характеристику-представление главного героя пронизывает метафизический мотив одиночества, который явственно прозвучит и в финале: «Он всегда вел жизнь тихую, совершенно уединенную», «отрешился от света», «одичал совершенно» [С. 264]; «чужд тому миру, который кипел и грохотал кругом него» [С. 266]. В какой-то момент «ему вдруг пришло в голову, что всю жизнь свою он был одинок, что никто не любил его, да и ему никого не удавалось любить» [С. 267]. Ордынов испытывает чувство разъединенности с человечеством [2].

О семье героя сведений немного, но это немногое заключает в себе огромную смысловую емкость: «Родителей он не знал...»; «Получив свою ученую степень и став по возможности свободным, он пошел к одному старичку (опекуну своему, другу и сослуживцу его отца. — *Н.К.*), которого доселе знал понаслышке, и долго ждал, покамест ливрейный камердинер согласился доложить о нем в другой раз. <...> Старичок вручил ему щепоточку денег. Сумма оказалась очень ничтожною; это был остаток проданного с молотка за долги прадедовского наследия. Ордынов равнодушно вступил во владение, навсегда откланялся опекуну своему и вышел на улицу» [С. 264–265]. У героя с детства отнято самое главное чувство — родственной связанности.

Повесть начинается с того, что Ордынов *выходит в мир* — и вся «мелочная жизнь», «обыденная дребедень», «пошлая проза и скука» возбуждает в нем «тихо-радостное, светлое ощущение» [С. 264]. Он делает шаг на пути воссоединения с миром... Но этот путь оборвется. Перед нами кольцевая замкнутость сюжета, отражающая безысходный жизненный круг героя. «Мало-помалу Ордынов одичал еще более прежнего» [С. 319], — заключает автор, рассказывая историю духовного отчуждения человека.

Для того чтобы разомкнуть круг одиночества, человек должен быть способным вступить с другим человеком в такие отношения, которые предлагает Ордынову Катерина.

Героиня, рассказывая процитированную сказку, хочет истинных человеческих отношений — сестринско-братских, при этом убеждая Ордынова в том, что сама готова быть с ним в таких отношениях: «Я тебя с первых слов в сердце мое приняла. Заболеешь, опять буду ходить за тобой. Только ты не болей, нет. Встанешь, *будем жить, как брат и сестра*. Хочешь? *Ведь сестру трудно нажать, как Бог, родив, не дал*» [С. 276. Курсив здесь и далее наш — *Н.К.*].

Она остро почувствовала боль одиночества героя, поняла его духовную муку и захотела помочь, поддержать. Именно Катерина проявила к Ордынову — в первый раз для него — человеческое сострадание. Эта теплота сердца усилена в произведении солнечным светом. «Он проснулся поутру часов в восемь. Солнце сыпало золотым снопом лучи свои сквозь

зеленые, заплесневелые окна его комнаты; какое-то отрадное ощущение нежило все члены больного. Он был спокоен и тих, бесконечно счастлив. <...> На сердце его было ясно, и лучи солнца, казалось, согревали его какою-то торжественною, светлою радостью. Он чувствовал, что новая, сильная, невидимая жизнь началась для него» [С. 275]. Позже он произнесет, обращаясь к героине: «У меня в глазах темнеет; я на тебя как на солнце смотрю» [С. 276]. В тексте повести оказывается устойчивым метафорическое сопряжение душевного добра, отзывчивости и солнечного света. Световой луч (и солнечный, и отраженный от иконы Богородицы) становится символом человеческой связанности, сородственности друг другу. Когда Ордынов первый раз заходит в церковь, «лучи заходящего солнца широкою струею лились сверху сквозь узкое окно купола и освещали морем блеска один из приделов; но они слабели всё более и более, и чем чернее становилась мгла, густевшая под сводами храма, тем ярче блистали местами раззолоченные иконы, озаренные трепетным заревом лампад и свечей» [Там же]. Катерина горячо молится пред образом Богородицы, «сиявшим у алтаря ослепительным блеском огней, отражавшихся на горевшей золотом и драгоценными камнями ризе» [С. 268]. В следующий раз герой снова видит в церкви Катерину озаренную светом; встав рядом с ней, он тоже оказывается в светлом круге [С. 270].

Но Ордынов не способен еще принять этот свет негасимым в свою душу. Трагедия героя в том, что он хочет обращенности других на него и не понимает, что чувство со-единенности с другой душой требует от человека значительных духовных усилий. Более того, очень сложно эту связь не порвать в самые напряженные, духовно кризисные моменты, когда другому человеку нужна поддержка и помощь.

Образ Катерины — это олицетворение любви, не требующей ничего взамен: «Полно же, полно о чужом горе слезы ронять! Прибереги их на черный день, когда самому, одинокому, тяжело будет и не будет с тобой никого!..» [С. 290]. Пережившая тяжелую любовь-страсть, героиня предлагает Ордынову иные отношения — со-родственности, просит полюбить ее не *так*, как он полюбил, но обрести *любю-сестрицу*: «*Сестрицу* ж возьми, и сам будь мне *брат*, и меня в свое сердце прими» [С. 291]. Примечателен ответ Ордынова: «Я не знаю, не понимаю тебя, я не помню, что ты мне теперь говорила, разум тускнеет мой, сердце ноет в груди, владычица моя!..» [С. 292]. Судьба Катерины изломана. Ее проклята родная мать. Катерина косвенно причастна и к смерти отца. В ее тайной связи с Муриным с самого начала звучит мотив торга.

Ордынов также готов выступить в роли купца, заявляя Катерине: «Куплю ж я тебя, красота моя, у купца твоего, коль тебе души моей надобно!» [С. 310].

Героиня идет со своей мукой к Ордынову, но тот не слышит ее: «— Пожалея меня, пощади меня! <...> Ты сгубила меня! Я твоего горя не знаю,

и душа моя смутилась... Что мне до того, об чем плачет твое сердце! Скажи, что ты хочешь... я сделаю. Пойдем же со мной, пойдем, не убей меня, не мертви меня!..» [С. 300]. Однако в финале у него остается воспоминание о Катерине как о сестрице: «Часто по целым часам, забыв себя и всю обыденную жизнь свою, забыв всё на свете, просиживал он на одном месте, одинокий, унылый, безнадежно качал головой и, роняя безмолвные слезы, шептал про себя: “Катерина! голубица моя ненаглядная! *Сестрица моя одинокая!*..”» [С. 318–319].

В сюжете повести, в образе каждого героя отражена трагедия потери человечности души, вырванности из прочного семейного целого. Катерина — образ из разрушенной семьи, Ордынов — образ без семьи. Мурин — воплощение злого, дьявольского начала, разрушающего семью; в нем явлена крайняя степень поругания святости семейных уз. И семья каждый раз не образовывалась или разрушалась «усилиями» самих героев, их мистической способности влиять на окружающих людей [3]).

Вспомним слова Катерины: «Ведь сестру трудно нажать, как Бог, родив, не дал», то есть трудно обрести братско-сестринскую связь с другими и не порвать ее. Именно поэтому сказка о двенадцати братьях остается *сказкой*, контрастирующей с реальностью. Но через этот сказочный сюжет писатель обозначил суть истинных человеческих отношений, тот идеал, к которому каждый должен стремиться, ибо это образ семьи по евангельскому слову: «И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» [Мф., 12: 47–50].

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972. Т. 1. Далее указ. только стр.
2. Евтушенко Э.А. Фольклорные и агиографические традиции в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» // Фольклор народов России. Миф, фольклор, литература. Уфа, 1997. С. 145–152.
3. Евлампиев И.И. Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Ф. Достоевского (повесть «Хозяйка») // Ценности и смыслы. М., 2010. № 6 (9). С. 86

Образовательный центр «Forward-school»

**Религиозно-философские мотивы и образы
«Стихотворений Юрия Живаго»
в романе Бориса Пастернака**

© ВАН ЛЭЙ,

кандидат филологических наук

В статье предпринята попытка анализа религиозно-философских мотивов и образов в поэтическом цикле Б.Л. Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго». Выявлено, что данный цикл, отличающийся глубоким философско-нравственным содержанием, посвящен библейской истории, последним дням земной жизни Иисуса Христа, спасшего мир, победив смерть воскресением.

Ключевые слова: религиозно-философские мотивы, образы, Христос, жизнь, смерть, духовный путь, воскресение, пространство, время.

This article mainly analyzed the religious and philosophical motifs and images of B. Pasternak's poetic cycle «Poems of Yuri Zhivago». It was revealed that this poetic cycle, characterized by deep philosophical and moral content, was dedicated to the biblical history, to the last days of the earthly life of Jesus Christ, who saved the world, conquered death by resurrection.

Key words: Religious and philosophical motifs, images, Christ, life, death, spiritual path, resurrection.

«Стихотворения Юрия Живаго» — поэтические произведения, завершающие роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», написанные в период с 1946 по 1953 год. Данный поэтический цикл отличается высоким

духовно-художественным содержанием, глубокой мировоззренческой, философско-нравственной проблематикой.

Из образной системы цикла «Стихотворения Юрия Живаго», обращенной к лирическому герою, мы узнаем о труднейшем внутреннем пути главного героя. Как отмечают исследователи, «имя Живаго восходит к выражению из церковнославянского текста Евангелия: “Сына Бога Живаго” (Мф. 16:16). Переживаемая героем “драма” оказывается воплощением сакрального сюжета, и этот ее глубинный смысл раскрывается в стихотворениях доктора Живаго. Фамилия Живаго является новым воплощением своего сакрального источника» [1].

В структуре лирического цикла Пастернаком отражена «квинтэссенция русского и христианского характера» [2]. В цикле от «Гамлета» до «Гефсиманского сада» воссоздан путь души человека, идущей к Богу.

Поэтический цикл открывает стихотворение «Гамлет», в основе которого заложена мысль о предопределенности судьбы человека. Образ Гамлета воплощает драму самоотречения, жертвенности, что роднит его с образом Иисуса Христа. В стихотворении звучат слова Христа — моление о чаше: «Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси». В «Гамлете» лирический герой пребывает на распутье, стоит перед необходимостью выбора. Но, несмотря на принятие Божественной воли, он страшится своего будущего:

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь [3].

Тем не менее, ощущение предопределенности собственного пути не оставляет его.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути,
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Лишь пройдя долгий путь, наполненный мытарствами и страстями, лирический герой осознает свое духовное предназначение и принимает его.

Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я твой завет,
И как от обморока ожил.

Стихотворение «Сказка» (тринадцатое из двадцати пяти стихотворений Юрия Живаго) отличается знаковостью и глубокой значимостью, определяется как «ключ» к романному целому [4]. Оно представляет собой

поворот от начального «Гамлета» к евангельским стихам, завершающимся «Гефсиманским садом» [5]. В «Сказке» житийный сюжет ассоциируется с иконическим образом Георгия Победоносца («Чудо Георгия о Змие»). Возникает мотив жертвы — в языческом осмыслении (насильственная жертва) и в христианском понимании: самопожертвование Христа (добровольная жертва), жертва — молитва, совершаемая за других людей. Мольба переломный момент в «Сказке»:

Посмотрел с мольбою
Всадник в высь небес
И копьё для боя
Взял наперевес.

Приятие жертвенного пути требует, главным образом, победы над самим собой. В стихотворении звучат мотивы вечности («Годы и века»), духовности («Выси. Облака»), тема выбора пути («Воды. Броды. Реки»). История создается из поступков, личного выбора отдельного человека.

Семь стихотворений поэтического цикла из двадцати пяти посвящаются библейской теме: «На Страстной», «Рождественская звезда», «Чудо», «Дурные дни», «Магдалина» (два стиха), «Гефсиманский сад». В каждом из них, при интерпретации автором евангельских событий, раскрывается философия веры Пастернака. В стихах евангельская тема сопряжена с духовным становлением лирического героя и постижением основных событий жизни Христа (рождество, чудеса, последние дни).

Цикл объединяется главной идеей христианского мировоззрения — идеей воскресения — победы Иисуса Христа над смертью. Христос пришел в мир, даровав людям путь к спасению, путь к вечной жизни.

В «Стихотворениях Юрия Живаго» образ Христа — это образ страждущего Бога. Последние дни Его жизни наполнены тоской, горечью, одиночеством. Так, в стихотворении «Дурные дни», в котором изображаются последние дни Богочеловека в земном мире, Христос показан одиноким. В последний момент жизни Христа человечество становится безумной толпой: «И с пылкостью тою же самой, / Как славили прежде, клянут».

В стихотворении «Чудо» Господь испепеляет бесплодную смоковницу дотла. Бог властен дарить спасение от смерти всякому существу. Но человек должен приносить плод покаяния, чтобы не стать застигнутым врасплох, как смоковница.

Пастернак в стихотворении «Рождественская звезда» завуалировал идею воскресения во временных и пространственных рамках рождественской ночи как начального пути избавления от смерти. Родился Спаситель, Бог, даровавший воскресение человеческому роду. Уже первая строфа «Рождественской звезды» стирает временные грани, передает тревожное состояние этой ночи (холод, таинственность, ветер).

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было Младенцу в вертепе
На склоне холма...

Передача онтологического смысла библейского события осуществляется автором посредством соединения пространственно-временных характеристик. Пастернак показывает, что чудо рождения Младенца Христа происходит одновременно в различных местах земного и неземного (духовного) мира, так возникают степь, вертеп, склон холма, пещера, ясли, утес, небо, полное звезд и т.д.

Звезда Рождества соединяет все миры, все жизненные сферы: «Все мысли веков, все мечты, все миры, / Всё будущее галерей и музеев...», что изображается автором географически. Пространство и время связываются рождественской звездой. В каждой строфе Пастернак заложил смысловую и эмоциональную градацию, показал смену образных характеристик, передавая усиление света звезды Рождества:

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем. <...>
Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой Вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Поэт приоткрывает завесу времени, прошлое и будущее сливаются воедино, цепь событий происходит вне времени. Без Рождества нет и воскресения, невозможно спасение мира от греха и вечной смерти. Рождество является важнейшим событием всей истории человечества. Именно с Рождества Богомладенца началось человеческое спасение, переустройство греховного естества человека, его духовно-нравственное совершенствование.

В стихотворениях «Магдалина I» и «Магдалина II» показаны страдания Христовой ученицы, бывшей блудницы, преданной Ему до конца. Через образ Магдалины передается чувственно-эмоциональное переживание смерти Христа. Пастернак изобразил Магдалину как образ раскаявшейся, возлюбившей и обретшей спасение души. Первый стих наполнен покаянием, очищением и любовью, а вместе с этим и великой болью. Второе стихотворение экспрессивно изображает скорбные чувства Магдалины:

Брошусь на землю у ног распятыя,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.

В стихотворении «На Страстной» Пастернак соединяет в единое целое пространство и время, небесное и земное:

Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

Обычная городская площадь перед церковью уже не обозначает пространство, а превращается в символ вечности: ночная мгла до Воскресения — смерть (тьма, ночь) побеждается Воскресением, рождается рассвет, жизнь.

Стихотворением «Гефсиманский сад» завершается последняя глава романа «Доктор Живаго». «Гефсиманский сад» — вольное поэтическое переложение 26-й главы Евангелия от Матфея.

В стихотворении описывается ночь накануне предательства. «И, глядя в эти черные провалы, / Пустые, без начала и конца, / Чтоб эта чаша смерти миновала, / В поту кровавом Он молил Отца». Чаша смерти — символ мученичества, крестного пути, самопожертвования ради искупления грехов человека и обретения бессмертия.

Стихотворение «Гефсиманский сад», изображая поворотный момент земного пути Христа, представляет поворотный момент и в жизни всех людей, человеческой истории, которая приобретает смысл именно за счет этого пути Христа. У Пастернака пространство смерти преобразено во время воскресения.

«Стихотворения Юрия Живаго» завершает светлая идея воскресения человеческого рода:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

В поэтическом цикле «Стихотворений Юрия Живаго» раскрывается духовный путь лирического героя, начинающийся сомнениями, мытарствами и заканчивающийся покаянием, духовным очищением и воскресением. Пастернак противопоставил в цикле целый ряд основных слов-образов: Воскресение, Чудо, Бог, Рождество, жизнь, победа, земля, небо, сказка, рассвет, но и: ночь, зима, ужас, тревога, смерть. Главная тема цикла — освещение библейских событий и образа Христа, даровавшего миру воскресение, избавление от греха и вечной смерти.

Литература

1. *Гаспаров Б.С.* Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 240.
2. *Бетеа Д.Н.* Мандельштам, Пастернак, Бродский: иудаизм, христианство и создание модернистской поэтики // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 382.
3. *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. М., 1988.
4. *Власов А.С.* «Стихотворения Юрия Живаго»: Значение поэтического цикла в общем контексте романа Б.Л. Пастернака // Литература в школе. 2001. № 8. С. 2.
5. *Ляхова Е.И.* Время воскресения (последнее стихотворение Юрия Живаго) // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 116.

Нанкинский университет (КНР)

Статья выполнена при финансовой поддержке общественных наук провинции Цзянсу в рамках «A Study of Poetic Creation of B. Pasternak» (15WWC002).

«Язык и есть Россия...»

Русский язык в художественном сознании А. С. Кушнера

© Н. М. ШЕДРИНА,

доктор филологических наук

© Н. Н. ШАХОВСКАЯ

В статье рассматриваются стихотворения А.С. Кушнера, посвященные русскому языку (в частности, фонетике, синтаксису, стилистике) и прослеживается важная для поэта мысль о необходимости каждого элемента лингвистической системы для развития художественной словесности и сохранения культурного кода.

Ключевые слова: Кушнер, Тургенев, поэзия, русский язык, Россия.

The article deals with A. Kushner's poems dedicated to the Russian language (and, in particular, phonetics, syntax, stylistics), traces the thought that is important for the poet: every element of the linguistic system is necessary for the development of literature and the preservation of the cultural code.

Key words: Kushner, Turgenev, poetry, Russian language, Russia.

Александр Семенович Кушнер — современный поэт, живет в Петербурге, (родился в 1936 году). Лауреат отечественных и зарубежных литературных премий: «Северная Пальмира» (1994), Государственная премия РФ (1996),

премия журнала «Новый мир» (1997), Пушкинская премия фонда А. Тёпфера (1999), Пушкинская премия РФ (2001), Царскосельская худ. премия (2004), премия «Поэт» (2005), премия имени К. Чуковского (2007), сербская поэтическая премия «Золотой ключ» (2007), премия Московской международной книжной выставки-ярмарки «Книга года» (2011), международная премия «Балтийская звезда» (2013), китайская лит. премия «Золотая тибетская антилопа» (2015). Автор более пятидесяти книг, литературоведческих эссе, стихов для взрослых и детей: «Первое впечатление» (1962), «Приметы» (1969), «Голос» (1978), «Таврический сад» (1984), «На сумрачной звезде» (1994), «Летучая гряда» (2000), «Кустарник» (2002), «Холодный май» (2005), «Земное притяжение» (2015), «Облака выбирают анапест» (2008), «Вечерний свет» (2013) и др. Произведения поэта переводились на полтора десятка мировых языков, в том числе на английский, болгарский, голландский, иврит, итальянский, каталанский, китайский, немецкий, сербский, французский, чешский, японский.

Предисловия к книгам стихов Кушнера писали И.А. Бродский, Д.С. Лихачев, В.С. Шефнер. Творчество поэта анализировали А.Ю. Арьев, Л.Я. Гинзбург, Т.А. Бек, А.Г. Машевский, Е.В. Невзглядова, И.Б. Роднянская, И.О. Шайтанов и др.

В жизни Кушнера было такое время, когда он преподавал в школе русский язык и литературу — с 1959 по 1969 год. Русскому языку поэт посвящал свои произведения в разные периоды. В стихотворении 1983 года «Во дни сомнений (Я не понимал...)» поэт обращается к произведению И.С. Тургенева «Русский язык» (1882). Интертекст вплетается в стиховую ткань не за счет включения аллюзий, повторения ритмико-интонационного рисунка или других художественных приемов, а при помощи диалога с классическим текстом русской литературы. Первые три строфы содержат чередующиеся реплики или внутренний монолог школьника во время повторения: учителя, читающего текст вслух, и ученика, мысленно недоумевающего, зачем учить стихотворение наизусть и какое значение оно имеет:

Во дни сомнений (Я не понимал,
Каких еще сомнений?) В дни раздумий
(Каких раздумий?..) [1].

«Вставочка», которая «в пенал / укладывалась вроде древних мумий», интересует мальчика больше, чем произведение классика, «тьень», «шум» и «сумерки» школьных помещений поглощают остатки его внимания. Тургеневские строчки не запоминаются, ежеминутно изменяясь в детском сознании:

*Ты мне один — опора и порука.
(Или подмога? Кто бы мне помог?
Стихотворенье в прозе, что за мука!..)
(Курсив наш. — Н.Ш., Н.Ш.).*

Ученик пытается затвердить первую фразу тургеневского стихотворения в прозе: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора...» [2], по-прежнему плохо понимая заключенный в нем смысл:

(Как это можно выучить? *Во дни?*)
Во дни сомнений, тягостных раздумий
 (Каких? Зачем?...) [1].

Но в последнем четверостишии звучит голос повзрослевшего поэта, спустя годы осознавшего значение и важность выученного в школьные годы лирического текста. Кушнер, вслед за Тургеневым, приходит к мысли, что русский язык драгоценен: «*Свободный и могучий*» [Там же]; сравним у Тургенева: «великий, *могучий*, правдивый и *свободный* русский язык!» [2]. Он воплощает в себе складывающийся веками код русской культуры: «Язык и есть Россия» [1] и способен утешить в самый «черный день» [Там же].

В стихотворениях «Буквы», «Вводные слова», «Пунктуация, радость моя!..», «Я люблю тиранию рифмы — она добиться заставляет...» речь идет об особенностях языка. Так, в стихотворении «Буквы» («В латинском шрифте, видим мы...» (31 декабря 1967 года)) поэт говорит о фонетической стороне речи. Для Кушнера важна звукопись: звуки «же» и «ша» ассоциируются с огромными русскими пространствами, их размахом, ширию и выюгами:

А в русских буквах «же» и «ша»
 Живет размашисто душа,
 Метет метель, шумя и пенясь [3. С. 66].

В стихотворении «Вводные слова» («Возьмите вводные слова...» (14 мая 1961 года)) Кушнер обращается к синтаксису русского языка, речь идет о функциях вводных конструкций. В первой строфе поэт говорит о том, что роль вводных слов в предложении — заключать в себе не смысловое ядро предложения, а оттенки смысла:

Возьмите вводные слова.
 От них кружится голова,
 Они мешают суть сберечь
 И замедляют нашу речь [Там же. С. 7].

Указание на чувства говорящего — одна из четырех основных функций вводных конструкций, к которой обращается Кушнер:

И все ж удобны потому,
 Что выдают легко другим,
 Как мы относимся к тому,
 О чем, смущаясь, говорим.

Мне скажут: «К счастью...»
И потом
Пусть что угодно говорят,
Я слушаю с открытым ртом
И радуюсь всему подряд [Там же].

Еще одно назначение вводных слов — обозначать последовательность мыслей, и о нем тоже упоминается в стихотворении:

Меня, как всех, не раз, не два
Спасали вводные слова,
И чаще прочих среди них
Слова «во—первых», «во—вторых».
Они, начав издалека,
Давали повод не спеша
Собраться с мыслями, пока
Не знаю, где была душа [Там же].

В стихотворении «Пунктуация, радость моя!..» поэт говорит о насущной ее необходимости для русского языка и о своем отношении к ней. Кушнер убежден, что она обогащает язык оттенками смысла, фиксируя интонацию при помощи знаков:

Пунктуация — радость моя!
Как мне жить без тебя, запятая?
Препинание — честь соловья
И потребность его золотая.
Звук записан в стихах дорогих... [Там же. С. 344].

Во второй строфе он повторяет многократно им высказанную (и Е. Незвлядовой, женой поэта, посвятившей множество работ интонационной теории стиха) мысль о том, что интонация вплетается поэтом в ткань стихотворения, прочно в нем закрепляется (поэтому, с его точки зрения, актерская декламация и авторская песня искажают смысл):

Что точней безоглядного пенья?
Нету нескольких способов их
Понимания или прочтения [Там же].

Особое внимание поэт уделяет конкретному пунктуационному знаку — тире, отмечая одно из его назначений — сопоставление и разграничение:

Нас не видят за тесной толпой,
Но пригладить торопятся челку, —
Я к тире прибегал с запятой,
Чтобы связь подчеркнуть и размолвку [Там же].

Есть у Кушнера стихи, в которых он с сожалением отмечает, что современные поэты и писатели-постмодернисты часто пренебрегают знаками препинания. Для него это неприемлемо (как и любое радикальное изменение в художественной словесности — плодотворным он считает внутреннее, подспудное, почти незаметное изменение в традиционной поэтике — новую интонацию, оттенок смысла и т.д.):

Огорчай меня, постмодернист,
Но подумай, рассевшись во мраке:
Согласились бы Моцарт и Лист
Упразднить музыкальные знаки? [Там же].

Большое значение поэт придает рифме, которую считает необходимым элементом стихотворения и подчеркивает ее роль в смыслообразовании и художественном воплощении авторской идеи (об этом же поэт говорит в стихотворении «Не я поклонник белого стиха...»):

Я люблю тиранию рифмы — она добиться
Заставляет внезапного смысла и совершенства,
И воистину райская вдруг залетает птица,
И оказывается, есть на земле блаженство [Там же. С. 407].

Поэт выступает приверженцем русского рифмованного, регулярного стиха, «возможности которого (прежде всего, интонационные)», по его словам, «далеко не исчерпаны, бесконечно разнообразны (новая русская поэзия молода, значительно моложе своих европейских сестер, насчитывает всего лишь три века)» [4].

Скоро мы на верлибр перейдем и забудем рифму;
Учатся сторожевые рычать по-английски львы;
Битва при Гастингсе в школе Полтавскую сменит битву [5].

Кушнер утверждает, что русский язык «придумал гений» [3. С. 407], что это наше достояние, которое необходимо хранить, бережно относиться к каждому его элементу, иначе он потускнеет и ослабнет, распадется и может быть замещен другим, чужим:

Русский язык, как латынь, постепенно сойдет на нет.
Те, кто писал на нем, промахнулись с заветной лирой...
Горе нам, бедным, теряющим речь, увы... [5].

Литература

1. Кушнер А.С. В новом веке. М., 2006. С. 68.
2. Тургенев И.С. Собр. соч. В 12 т. М., 1956. Т. 10. С. 57.

3. Кушнер А.С. Избранные стихи. СПб., 2016.
4. Персональный сайт А.С. Кушнера [Электронный ресурс]. URL: <http://kushner.poet-premium.ru/bio.html> (дата обращения: 31.05.2017).
5. Кушнер А.С. Тысячелистник: [Книга стихов; Заметки на полях]. СПб., 1998. С. 64.

Московский государственный областной университет

О письмах князя Н. С. Трубецкого

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В статье анализируется эпистолярное наследие князя Н.С. Трубецкого — выдающегося лингвиста и философа, одного из идеологов евразийского движения. Публикуется текст письма Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому о ключевых вопросах «местодействия» русской культуры.

Ключевые слова: Язык и стиль, евразийство, русская культура, родная речь, философия языка, языковая личность, свой — чужой.

The article analyzes the epistolaries and legacy of Prince N.S. Trubetskoy, a prominent linguist and philosopher, one of the ideologists of the Eurasian movement. We publish the text of the letter by N.S. Trubetskoy to P.N. Savitsky, revealing key issues of «metadata» of Russian culture.

Key words: language and style, Eurasianism, Russian culture, native language, the philosophy of language, language personality, friend or foreigner.

Мир русской культуры едва ли возможно понять без осмысления тех событий и подчас трагических эпизодов, которые разлучили не только людей, но и целые эпохи. Русская эмиграция стала уже историческим фактом. Имея глубоко национальные корни, она старалась сохранить облик родной речи, не принимая чуждые традиции отечественной культуры «изобретения» новой власти. Известны многочисленные выступления историков, литераторов, филологов в эмигрантской прессе 1920–1930-х годов с резкой критикой «новояза».

Князь Николай Сергеевич Трубецкой, один из самых ярких ученых нынешнего столетия, не раз высказывался по актуальным вопросам

языкознания и полемизировал с евразийцами. В статье «Вавилонская башня и смешение языков» он выдвинул один из основных тезисов своей программы. По его мнению, только в пределах национальной культуры «могут возникнуть морально-положительные, духовно-возвышающие человека ценности» [1].

Все же самая сокровенная, если так можно выразиться, часть творческого его Трубецкого выражена в его письмах к родным и соратникам. Дух и язык этих посланий, особый «микрокосм» стилистики их автора, простота и ясность изложения сложных лингвистических и философских понятий — предстоит еще раскрывать и исследовать.

«Грамотки» Трубецкого — это не жанр в принятом понимании, а особое мироощущение, «копилка» мыслей, событий, ситуаций. И везде автор стремится к предельной сжатости слога, информативности, пунктуальности, свойственной вообще его строгому аналитическому уму.

Письма ученого почти всегда деятельно-философичны. Его воображение как бы направлено на иную ипостась бытия — он жил не прошлым, как многие его соратники, а настоящим и даже чаще — будущим. Философия языка Трубецкого выражается и в способности к постоянному совершенствованию пропорций «языкового пространства». Событийность как свойство стиля его писем имеет часто оценочный характер и приобретает иногда весьма выразительную языковую форму.

Переписка была для него едва ли не единственной возможностью сохранить общение со «своими». Такие послания нередко «разрастались» до нескольких страниц, переходя в научные эссе, где большую часть повествования занимали именно рабочие вопросы. Оттого слова и термины истории и филологии постоянно присутствуют в его текстах.

Такой строгой стилистике писем соответствует и назначение самих посланий — деловое, не отвлеченно-романтическое, а конкретно-действенное. Вот как он характеризует традицию Екатерининского века (Курсив здесь и далее наш. — О.Н.): «В литературе XVIII века вряд ли можно найти материал по интересующему Вас вопросу. Эту литературу вообще характеризует особый *род мышления*, который можно бы назвать “*алгебраическим*” и который исключает *конкретизацию*, в том числе и географическую. Менее других “алгебраичен” Державин. У него имеются географические приурочения, но очень случайные».

Письма Н.С. Трубецкого информативны и полемичны. Твердый и уверенный голос автора (см. публикуемое далее письмо), четкие ученые постулаты как бы отражаются в словесной материи предложения. Так, он пишет П.Н. Савицкому: «Занимаюсь я, главным образом, местными дрязгами и борьбой с антониевцами. Что касается до науки, то исключительным предметом моих занятий является русская литература XVIII в. в связи с читаемым мною курсом» [Там же]. При этом автор часто скрывает свои

мысли, маскирует сказанное. Иносказательность Трубецкого-политика сочетается с прямой Трубецкого-ученого.

Для него было характерно глубоко осмысленное восприятие Слова в его бытийном и духовном ипостасях. *Быт* понимается Трубецким как *культура*, без чего замирает и скудеет духовная жизнь. Недаром ему полюбилось выражение «бытовое исповедничество».

Преданный друг и коллега ученого П.Н. Савицкий выразился однажды о Трубецком как ученом в весьма изящной поэтической форме. В стихотворении, посвященном своему другу, Савицкий написал:

Твоей идеи заостренной
Ни в чем нельзя предугадать,
И нам с улыбкою смущенной
Одно осталось — бдеть и ждать.

Ждать всплеска мысли вдохновенной,
Парадоксальной глубины,
Зарницы острой и мгновенной
Над темной бездною волны,

И ощущать неотвратимо,
Как ширится охват зарниц,
И чувствовать огонь незримый
За сенью чуткою ресниц.

(ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 514. Л. 63 об.).

Историософ языка, Трубецкой столь же умело владел прошлыми связями логоса, как и настоящими. Его острый ум чувствовал стремительный бег времени, где многое способно прекратиться в один миг. У него почти отсутствуют модные ныне «лингвистические изыски». Но его язык имеет символику, где облик России и думы о ее трагическом пути пронизывают композицию всех писем. Находясь вдалеке от Родины, он жил современной российской действительностью и надеждой увидеть новую Россию, где, как и прежде, культура языкового общения и словотворчества была бы мерилom духовных традиций, связующих народные корни и высокий слог образованного общества. Интересны найденные нами высказывания ученого об отношении к русскому языку.

В письме от 11 сентября 1929 года к известному эмигрантскому историку и географу П.Н. Савицкому он замечает: «То, что Вы пишете о писании статей на русском языке, конечно, верно (здесь П.Н. Савицкий сделал приписку: «Я боролся и борюсь (впрочем, без большого успеха) против “денационализации” научной продукции Н.С. Трубецкого». — О. Н.). Но, все же, нельзя отрываться от своего главного предмета слишком часто. Время от времени, когда “набежит” подходящая тема, я буду писать ... на русском языке. Только, полагаю, что научные статьи лучше помещать

не в эмигрантских журналах, а в той же *Slavia*: ее получают и читают в России. Что же касается до статей научно-публицистического характера, то в ближайшее время я считаю нежелательным выступать с ними ввиду вышеуказанных соображений. Свои лингвистические статьи на иностранных языках я рассматриваю все-таки как *работу в области русской культуры*. А, если состоится проектируемый Р.О.Я<кобсон>ом сборник “Языки СССР”, — то это будет крупный вклад в русскую культуру и демонстрация культуры в международном масштабе» (ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 520. Лл. 127–127 об.).

Мы публикуем далее один из ярких образцов полемики «евразийцев» — письмо их идеолога и вдохновителя (подробнее об этом см.: [2; 3]) Николая Сергеевича Трубецкого известному «географу» литературы, историку и экономисту, одному из «первопроходцев» этнологии языка и культуры, имя которого было предано забвению в течение почти полувека, Петру Николаевичу Савицкому. Это послание представляет интерес и как фактологический источник (в нем обсуждаются центральные проблемы евразийского движения: «местодействие» языкового союза, «русское мирозерцание», «литературный фон» эпохи, русская культура XVIII века и др.), и как редкий по «гармонии стиля» эпистолярный документ эпохи, в котором отразились искания и надежды поколения 1890-х, их вера в торжество «русской идеи», поиски «социального идеала» и неиссякаемая любовь к Отечеству, отвергнувшему самых талантливых и одаренных интеллектуалов, волею судеб скитавшихся по миру, но живших внутренним единением с родной Землей, вскормившей и воспитавшей ее преданных служителей.

Н.С. Трубецкой — П.Н. Савицкому[4]

<Вена>, 21 февр<аля> 1929

Дорогой Петр Николаевич!

Конечно, наши личные и научные отношения прекращаться не должны. Да, в сущности, и идеологические остаются в силе. Признаться, я ожидал что вы мне хоть что-нибудь напишите о том, что произошло в Париже после моего отъезда (тем более, что П.П.С<увчинский>[5] ничего мне не писал). Не получая от Вас никаких известий, я подумал, что, м<ожет> б<ыть>, Вы на меня обижены и думал уладить это при ближайшем свидании (думал быть в Праге в конце февраля, но из этого ничего не вышло). Очень рад, что мои опасения были неосновательны.

Занимаюсь я, главным образом, местными дразгами и борьбой с антониевцами. Что касается до науки, то исключительным предметом моих занятий является русская литература XVIII в. в связи с читаемым мною курсом. Ваша тема «местодействия» интересна и важна, но мне кажется, что тут

можно пока только поставить вопрос, наметить самую проблему, конкретной же разработки пока дать невозможно. При постановке вопроса следует, по-моему, строго различать два понятия «литературы», — с одной стороны, литературного фона, слагающегося из совокупности более или менее общепринятых в данную эпоху литературных навыков, приемов и трафаретов и являющегося неперменным условием всякого литературного бытия, а с другой стороны, большой литературы, всегда индивидуальной, отталкивающейся от фона, но в то же время все-таки в этом фоне укорененная и им обусловленная. «Литературный фон» бытует, главным образом, в произведениях бездарных или второстепенных писателей, «большая литература» — в произведениях писателей даровитых. Модное местодействие — явление из области литературного фона; лишь очень редко эту моду создает большой писатель. Поэтому изучать перемещение местодействий (литературную колонизацию) приходится не на произведениях (далее написано и зачеркнуто: *великих*. — *О. Н.*) крупных писателей, а на массовой литературе. Между тем, история массовой литературы очень мало разработана: историки литературы больше прельщаются изучением отдельных крупных писателей. Методы изучения массовой литературы (литературного фона) и большой литературы довольно различны. Об этом есть мысли у Якобсона. Поговорите с ним. — В литературе XVIII в. вряд ли можно найти материал по интересующему Вас вопросу. Эту литературу вообще характеризует особый род мышления, который можно бы назвать «алгебраическим» и который исключает конкретизацию, в том числе и географическую. Менее других «алгебраичен» Державин. У него имеются географические приурочения, но очень случайные. Общая его географическая ориентация скорее на север. То же, пожалуй, можно сказать и о Ломоносове. Но, в общем, до Пушкинской эпохи местодействие вообще несущественно. Кстати, по поводу Вашей прежней работы над местодействием в русской литературе [6] я высказывал Вам мысль, что в XVIII в. живопись влияла на литературу, а в XIX в. — наоборот, литература на живопись. При более близком ознакомлении с литературой XVIII в. я, однако, теперь отказываюсь от этого обобщения: «живописен» из писателей XVIII в. один только Державин, только он один действительно вдохновлялся живописью. Кроме того, известны ещё некоторые второстепенные поэты, которые одновременно были и живописцами и архитекторами (Львов, Вельяминов); однако, в их поэтических произведениях этот биографический факт никак не отразился.

По поводу зодчества Вы, конечно, читали статью А.И. Некрасова в первом № *Slavische Rundschau*. Любопытно, но вряд ли убедительно.

Целую ручки Вере Ивановне
(имеется в виду жена П.Н. Савицкого. — *О. Н.*).
Обнимаю Вас.

Ваш Н.Т.

Литература

1. *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. III. Берлин, 1923. С. 111.
2. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
3. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
4. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 520. Лл. 114–115 об.
5. *Сувчинский П.П.* (1892–1985) — публицист, музыковед, литературный критик, В 1920-е годы активно публиковал статьи в эмигрантских изданиях по евразийской проблематике. См. о нем: *Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 577–578.
6. Н.С. Трубецкой имеет в виду работу П.Н. Савицкого «Местодействие в русской литературе (Географическая сторона истории литературы)», тезисы которой сохранились в архивном собрании последнего: ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 71.

Московский государственный областной университет

Лингвофольклористика: перспективы развития

© А. Т. ХРОЛЕНКО,

доктор филологических наук

Обсуждается статус и логика развития лингвофольклористики, научной дисциплины, исследующей язык устной народной поэзии в трех основных направлениях — семантика фольклорного слова, лексикография народно-песенной речи и фольклорная диалектология.

Ключевые слова: лингвофольклористика, фольклористика, фольклорная диалектология, кросскультурная лингвофольклористика.

The publication contains a discussion of the status and the logics of development of linguafolklore that is a scientific subject in which one investigates the language of oral folk poetry in three directions — semantics of folklore words, lexicography of folk songs speech and folklore dialectology.

Key words: linguafolklore, folklore dialectology, cross-cultural linguafolklore.

В 1974 году в первом номере журнала «Русская речь» впервые появилось слово *лингвофольклористика*, которое вскоре стало общепризнанным термином, обозначающим активно становящуюся научную дисциплину. Статья называлась «Что такое лингвофольклористика?» [1].

Автор статьи констатировал, что полтора века интереса к фольклорному слову привели к формированию специальной области гуманитарного познания. Активный процесс фиксации произведений устного народного творчества, начавшийся с программы собрания народных песен А.Х. Востокова, обнаруженной им в 1810 году в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, положил начало формирования базы эмпирического материала.

Рождавшаяся в XIX веке великая русская художественная литература и формирующийся современный русский литературный язык обнаружили в народнопоэтическом слове колоссальный эстетический и воспитательный потенциал. Выдающиеся русские филологи Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и А.Н. Веселовский высказали ценные мысли о специфике языка фольклора. Чуждые современной дробности науки, они видели этот язык как нечто целое во всем богатстве связей с другими эстетическими и коммуникативными системами. Как промежуточный итог всех указанных процессов в 40–50-е годы XX века сложился новый подход

к исследованию устно-поэтической речи, связанный с именами А.П. Евгеньевой, П.Г. Богатырёва и И.А. Оссовецкого. Их труды вдохновили немало число филологов, работавших в вузах России.

Размышляя о путях формирования новой научной дисциплины, мы не станем описывать конкретную деятельность ученых, внесших в нее свой вклад, обратим внимание исключительно на цели и задачи, итоги и перспективы того целого, что и было названо лингвофольклористикой.

Составными частями термин предполагает межпредметность — лингвистику и фольклористику — в нашем случае основывающуюся на единстве объекта — на фольклорном тексте. Логичен вопрос, а не является ли лингвофольклористика частью фольклористики. На наш взгляд, нет. Фольклористика, по существу, — это собирание, классификация и комплексный анализ *фольклорных произведений*. Фольклорист имеет дело прежде всего с *живым* фольклорным словом. Отсюда необходимость полевой работы в экспедиции, контакты с исполнителями и носителями исследуемой традиции. Что же касается лингвофольклористики, то она изучает *фольклорный текст*, точнее, корпусы фольклорных текстов методами филологии. Лингвофольклористика, в отличие от фольклористики, имеет дело исключительно с *запечатленным* фольклорным словом. Если фольклористика — это отрасль литературоведения и музыковедения, раздел этнографии, искусствоведческая научная дисциплина, то лингвофольклористика — это филологическая научная дисциплина, объектом которой является фольклорный текст, а предметом — смыслы, воплощенные в языковые и параязыковые структуры этого текста, а также все явные и неявные его закономерности, свойства составляющих его единиц.

Логика развития новой филологической дисциплины предопределялась стремлением собрать в одно исследовательское поле все участки познавательного интереса к тем или иным фактам языка устного народного творчества. Это естественно расширяющееся поле требовало системности (комплексности) подхода к нему и инструментальной оснащенности.

Интерес к фольклорному слову начинается не только с констатации ярких языковых и стилистических явлений в виде постоянных эпитетов, многоприставочных глаголов, формул и иных устойчивых структур, с вопроса, как соотносятся бытовая диалектная речь и речь устно-поэтическая. Она начинается с удивления, недоуменных вопросов. Так, литературный критик В.Г. Белинский, цитируя былинные строчки: *в тридцать пуд шелепуга подорожная, В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого*, недоумевал, как же шелепуга могла быть в тридцать пудов, если одного свинцу в ней было пятьдесят пудов. Таких «аномалий», «алогизмов» в фольклорных текстах подмечено немало: *За Доном, за Доном, За тихим Дунаем; Спроси гуся-лебедя; Под белым шатром, под лазоревым почивает добрый молодец* и т.д. В одной из своих заметок А.А. Потебня, объясняя художественную природу алогизмов, посчитал их не нарушением логического

закона, а способом обозначения понятия высшего порядка, способом общения, формой идеализации.

Пытаясь объяснить случаи алогизма, лингвофольклористика обратила внимание на природу и структуру семантики фольклорного слова и обнаружила ее своеобразие. Народнопоэтическое слово не ограничено функцией номинации, обозначения предмета, свойства или действия, в нем сопряжены видовая и родовая номинации, прямое и переносное значение, а также обязательное наличие оценки. Фольклорное слово шире и глубже своего нефольклорного эквивалента. «Белое» в бытовой речи и в фольклорных текстах во многом различается. Только в лирической песне отметим парня белого, белый рыбный гребешок, белый бережок, пчелу белую, белый перстень на руке, белые румяна на лице и т.п. В прилагательном *белый* оценочный компонент вытесняет номинативное значение, и слово становится своеобразным артиклем сверхположительной оценки. Списки таких слов обширны (*палаты белокаменные, покои белодубовые, цветы белорозовые* и др.).

Цветовые прилагательные — яркое средство представления в фольклоре феномена чуда: *Как первое там чудо белым-бело, А другое-то чудо красным-красно, А третьёе-то чудо черным-черно*. Масть лошади у русских — сущностная характеристика животного, а потому обозначение масти, сохраняя сему цветовой определенности, приобретает потенциальную сему «сверхъестественность». Концентрация нескольких обозначений масти для одной и той же лошади («сивка бурка, вещая каурка») — форма представления существа с необычайными свойствами. Смешение цветов — знак сказочности животных. Превращение цветика в семицветик — тоже знак предельной концентрации эстетического воздействия (*Аленький мой беленький цветочек, Желтый лазоревый василёчек*).

Предназначение лингвофольклористики — выявить секрет народной поэзии, проявляющийся в редком умении создавать многообразие из небольшого количества исходных элементов. А.А. Потебня предупреждал, что мнение о якобы простоте, даже примитивности языка фольклора — лишь следствие недоразумения, принимающего прозрачную глубину языка, которая открывается исследователю, за близость дна. Показать эту прозрачную глубину устно-поэтической речи, ее гармонию и эстетические возможности — основная задача лингвофольклористики.

Исследуя феномен фольклорной семантики, современная лингвофольклористика обратила внимание на природу морфемики народнопоэтического слова. Строка народно-песенного произведения пульсирует, сжимаясь и разжимаясь, гибко подчиняясь напеву или плясовому ритму. Это отражается на грамматической структуре стиха: слово может разорваться, и тогда его части функционируют в качестве эквивалента полного слова. С другой стороны, слова сжимаются, прессуются в композиты, наличествующие исключительно в фольклорных текстах. Один и тот же комплекс

то меняется, уподобляясь слову, то окостеневает и в силу этого сливается с последующим словом.

В своем становлении и развитии лингвофольклористика эффективно использует основной прием научного познания — прием сравнения. Оно ведется прежде всего в рамках одной этнической традиции по жанрам (лексика лирической и исторической песни, лирики и былин, лексиконы произведений, бытующих на разных территориях и т.д.). Это направление получило название сопоставительной лингвофольклористики, в рамках которой сложилась, например, такая перспективная область филологии, как фольклорная диалектология [2]. Внимание к фактам территориальной дифференцированности устно-поэтических лексиконов обогащает современную лингвофольклористику массой исследовательских вопросов, например, почему кафтан в курских народных песнях XIX века исключительно зелёный, а в архангельских — синий или голубой, почему действие в лирических песнях Юга России происходит в основном во дворе, а в северных песнях — на улице, и т.п.

Сравнение лексиконов народных песен различной этнической принадлежности лежит в основе другого направления — кросскультурной лингвофольклористики, которая основывается на сопоставлении фольклорно-языковых явлений, принадлежащих устному народному творчеству двух и более этносов. Цель кросскультурной лингвофольклористики — выявление культурных смыслов, аккумулированных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в совокупностях текстов как атрибутов фольклорной картины мира и как манифестантов этнической ментальности, поиск общего и специфического в традиционной культуре этносов, углубленное исследование феномена этнической ментальности, разработка эффективного инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка. Кросскультурная лингвофольклористика выходит за пределы собственно языка фольклора и вторгается в область антропологии, лингвокультуроведения и этнолингвистики. В целом сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика исследует феномен фольклорного слова во всем объеме его внутренних и внешних связей и отношений.

Кросскультурная лингвофольклористика выявила, например, своеобразие этнического портрета в русских и английских народных песнях. У русских «фокус красоты» — брови и глаза («брови черна соболя, очи ясна сокола»). А у англичан — губы и щеки. Если обратиться к концепту «золото» в равных по объему корпусах текстов, то видно, что английская лексема *gold* используется в семь раз чаще, чем русское слово *золото*, что само по себе примечательно. В английской народной песне золото предстает в своей вещной ипостаси и в слове *gold* на первый план выступает сема «ценность». В русской лирике в слове *золото* господствует сема «красота». Поскольку золото в русской народной лирике — знак особой выделенности и красоты, то чаще всего используется не существительное,

а прилагательное *золотой* в переносном значении, особенно в тех случаях, когда речь идет о народно-лирической флоре и фауне (*навушка золотые перышки, олень золотые рога, конский хвост золотая труба, верба золотая ветка, груша-яблонь кора золотая* и др.).

Изучение конкретного материала позволяет сделать вывод о существенном этническом своеобразии в отборе и функционировании языковых единиц, выражающих одни и те же концепты, например, наименования реалий мира пернатых. Так, птицы в русских лирических песнях воспринимаются как одна из ипостасей человека. Птицы во всех их проявлениях в песенных ситуациях отчетливо антропоморфны. Лирический жанр предопределяет наличие мужской и женской ипостаси почти каждой птицы. Те или иные биологические свойства конкретной птицы отражаются и оцениваются только в той мере, в какой они хотя бы эмоционально близки человеку. Русские орнитонимы в фольклорном тексте функционируют либо как символ, либо как метафора и в значительной части выступают как опорные элементы всех типов поэтических приемов. Преобладание эмоционального, оценочного над номинативным в орнитониме приводит к их тотальной синонимизации, взаимозаменяемости (девушка-невеста может быть и лебедушкой, и галкой, и перепелкой, и утушкой).

Мир птиц в английской лирике с миром человека не сливается. Поведение пернатых, их характеристики совпадают с их биологической природой. В каждой птице видится один какой-то конкретный видовой признак, и он примеривается к человеку: умение летать, петь, плавать и т.п. оцениваются с точки зрения желательности этого умения у лирического персонажа. По этой причине орнитонимы часто функционируют в сравнительных оборотах. Мир птиц воспринимается не эмоционально-оценочно, а эстетически-оценочно. В этом принципиальное отличие английского поэтического взгляда на мир от русского.

Поскольку лингвофольклористика, в отличие от фольклористики, постоянно имеет дело с большими текстовыми массивами, постольку уместной в ее арсенале выглядит лексикография. Только в рамках лингвофольклористики осуществились попытки создать словари языка фольклора, которые до недавней поры в отечественной и мировой науке о фольклорном слове отсутствовали. Известен опыт создания словаря былинной лексики, в основе которого лежит учет основных связей и отношений описываемого слова в былинных текстах. Стали очевидными перспективы конкордансов к собраниям фольклорных текстов. В ходе кросскультурных исследований окрепла идея контрастивного словаря [3].

Фольклорная лексикография стимулировала разработку и активное применение современных информационных технологий, в частности автоматизированных конкордансов, обеспечивающих обе основные функции лексикографии — поисковую и эвристическую. Первая функция основывается на возможности быстрого поиска всех требуемых фрагментов того

или иного текста с необходимым словом, а эвристическая функция предполагает решение целого ряда задач исследовательского характера, касающихся семантики слова, тематических групп лексики, особенностей семантических конструкций, выявление сопоставительных наблюдений и др.

Хотя лингвофольклористика, в свое время благословлённая журналом «Русская речь», достигла почтенного возраста почти в полсотню лет, по-прежнему есть фольклорно-языковые пространства, в научном отношении освоенные еще недостаточно. К тому же в недрах становящегося информационного общества появляются формы массового анонимного творчества, по сути, фольклорного, ждущего своих исследователей.

Литература

1. Хроленко А.Т. Что такое лингвофольклористика? // Русская речь. 1974. № 1. С. 36—41.
2. Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск, 2010.
3. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск, 2004.

Курский государственный университет

«Молчит как партизан»

Прецедентные сравнения из сферы истории

© М. Н. КРЫЛОВА,

кандидат филологических наук

Исследование посвящено анализу функционирования прецедентных феноменов из сферы истории в содержании сравнительных конструкций современного русского языка. Отмечается, что современная языковая личность обращается к историческим фактам и именам разных периодов. Уровень образованности носителя языка достаточно высок, он владеет знаниями о разных этапах мировой и российской истории. Однако языковая личность стремится нивелировать значение исторически важных для России событий.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентная ситуация, прецедентное имя, история, сравнительные конструкции.

The study is devoted to the analysis of the functioning of precedent phenomena from the sphere of history in the content of comparative constructions of the modern Russian language. The modern language personality appeals to historical facts and names of different periods. The level of education of the native speaker is quite high, he knows the various stages of the world and Russian history. However, the language personality seeks to neutralize the significance of historically important events for Russia, for example, related to the period of Soviet power.

Key words: precedent phenomenon, precedent situation, precedent name, history, comparative constructions.

Отражение, закрепление культуры в явлениях языка не представляет сомнения для исследователей. В.Н. Телия отмечает: «...Язык фиксирует практически всё, что принято считать национально-культурным достоянием народа — носителя языка» [1]. Одним из стержневых источников формирования культуры являются прецедентные феномены, к которым относятся прецедентные тексты, прецедентные имена, ситуации, высказывания.

Прецедентные феномены воздействуют на культуру и сами подвергаются влиянию со стороны культуры, ибо культура, в свою очередь, не может не транслировать свой опыт через интерпретацию прецедентных феноменов. Как отмечает С.В. Моташкова, «система прецедентных феноменов,

формирующая концептосферу индивидуальных носителей языка, национальной и мировой культуры, вольно или невольно вбирает в себя информационно-ценностные, ассоциативно-образные явления» [2. С. 42].

Широкое использование прецедентных феноменов в современном русском языке, насыщенность современного текста элементами из других текстов свидетельствуют об интертекстуальности современного языкового пространства, включенности языковой личности в систему функционирования общей базы знакомых всем текстов, ситуаций, имен. По словам С.В. Моташковой, «интертекстуальность, как одна из самых активных исследовательских зон в теории текста, достигла в последнее время впечатляющих успехов количественного и качественного порядка» [Там же. С. 42–43]. При этом введение в текст прецедентного феномена дает тексту очень многое. Е.А. Нахимова отмечает: «Доминантные прецедентные феномены представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста, они усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Удачное использование прецедентного феномена — мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании». [3. С. 112].

Исследованию прецедентных феноменов уделяют внимание многие современные лингвисты: В.В. Красных [4], С.В. Моташкова [2], Е.А. Нахимова [3], Е.В. Родионова [5], П.П. Ярыгина [6] и др.

Прецедентные феномены разнообразны по составу и охвату реалий; они могут быть, по В.В. Красных, «как вербальными, так и невербальными: к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым — произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.» [4]. Предметом нашего анализа являются прецедентные феномены второй группы, относящиеся к сфере истории.

Анализ семантической составляющей более 6300 сравнительных конструкций, отобранных нами методом сплошной выборки из различных разновидностей современного русского языка, позволил заметить, что обращение к прецедентным феноменам с целью найти яркий образ для сравнения встречается примерно в 8% примеров. Чаще всего языковая личность апеллирует к прецедентам из сферы кино, литературы [7], телевидения, шоу-бизнеса, политики и т.д.

Целью данной статьи стало рассмотрение обращения говорящего при создании сравнения к прецедентам из сферы истории, наблюдаемое не так часто (не более 1% примеров).

Проблема отражения истории в культурном, языковом и мировоззренческом пространстве современной языковой личности недостаточно изучена. Задача нашего исследования — посредством анализа качественно- и количественного состава данных прецедентов оценить восприятие

современной языковой личностью исторических событий, фактов, персонажей, истории вообще и своего места в истории.

Особенность аллюзий из сферы истории проявляется уже в том, что из обозначенных типов прецедентных феноменов при создании сравнений задействованы только прецедентные ситуации и имена. Как и прецедентные тексты, они зафиксированы в сознании носителей языка и являют собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, стереотипы, марки для сравнения, которые помогают человеку ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве. Рассмотрим их подробнее.

Прецедентные ситуации, к которым обращается языковая личность при создании сравнения, включают набор представлений о наиболее знакомых языковой личности и наиболее значимых для неё исторических событиях. Поэтому в сравнениях чаще фигурируют самые знаменитые исторические эпизоды, например: «Сжечь на костре? *Как Джордано Бруно?* — Юрка взглянул на англичанина с любопытством» (Б. Акунин. Детская книга).

Часто наблюдается юмористическая трактовка известных исторических эпизодов. При этом, обращаясь к событиям, которые на слуху, о которых что-то знает каждый потенциальный реципиент, говорящий может быть уверен, что его шутка будет понята: «Ипотека — такая штука, *как монголо-татарское иго*» (телепередача «КВН»).

Однако апелляция к не очень известным, требующим фоновых знаний историческим фактам тоже наблюдается: «Мы уже сейчас видим, что лейтенанты Путина, *как сыновья Чингисхана*, начинают драться за власть» (телепередача «Времена»). Создающая сравнение языковая личность в этой ситуации понимает, что названный факт может быть понятен не всем, и стремится максимально разъяснить образ, точно обозначить основание сравнения. Тогда значение сравнения становится понятным из контекста: «*Я вроде Петра Первого*, — усмехнулся Стар, поймав удивленный взгляд гостя. — В личной жизни излишеств не признаю» (Б. Акунин. Долина Мечты).

Такие сравнения можно расценивать не только как проявление познаний говорящего, но и как стремление расширить исторический кругозор слушающего, оживить в его восприятии полузабытое историческое событие: «Этот город застрял во времени, / *Как “Челюскин” во льдах*» (песня А. Макаревича).

Неисчерпаемый источник прецедентных ситуаций для сравнения — Великая Отечественная война, многие эпизоды которой даже играют роль символов. Благодаря усилиям современной пропаганды, об этой войне многое известно не только представителям старших поколений, но и молодежи, поэтому молодые люди с готовностью и даже удовольствием апеллируют к ней, к ее наиболее известным эпизодам: «Ну что расслабились-то? *Как немцы в сорок пятом*» (телепередача «КВН»); «Мой любимый цвет, красный, *как знамя над Рейхстагом*» (телесериал «Кто в доме хозяин?»).

Иногда историческая ситуация не обрисовывается полностью, но угадывается. К примеру, многочисленные сравнения с образом партизана отсылают

к отечественным войнам (в первую очередь, Великой Отечественной), давшим примеры героического молчания партизан под пытками. Поэтому сравнение «молчит как партизан» стало устойчивым: «Ты глянь на него, молчит как партизан!» (худ. фильм «Нежный барс»); «И мама молчит как партизан, — говорит Катя, но я не лезу» (Г. Щербакова. Моление о Еве).

Важность, первостепенность для современной языковой личности прецедентов из сферы кино явна даже при анализе исторических прецедентов, ведь особенно активно обращается говорящий к тем историческим фактам, которые поддерживаются кинофильмами, как современными, например: «Банк издал прощальный гудок и *“Титаником”* пошел ко дну» (О. Маркеев. Черная луна), так и снятыми давно, но прочно вошедшими в культурный фонд нации: «Когда же в школах и в армии учеников и курсантов перестанут, как на броненосце *“Потёмкине”*, травить гнилым мясом?» (газета «Аргументы и факты»).

Прецедентные имена из сферы истории включают имена исторических личностей, названия и нарицательные существительные. В первую очередь, это наиболее известные исторические имена, собственные наименования, которыми свободно оперируют носители языка: Сфинкс, Нефертити, Петр Первый, Суворов, Наполеон, Ленин, Троцкий, батька Махно, и др.

Большую группу прецедентных имен составляют имена нарицательные: мумия, гладиатор, фараон, фашист, плантатор и др. В этом случае имя является собирательным, символизирующим что-либо, например, безграничную власть: «...Полномочия президента больше, чем у советского генсека и египетского фараона» (Г. Зюганов, интервью).

Широкий диапазон актуальных для языковой личности исторических эпох (от древнейшей до новейшей истории) заставляет вспомнить школьный курс истории. По-видимому, именно школьному историческому образованию мы обязаны обыгрыванием современной языковой личностью имен из различных исторических периодов.

Анализ прецедентных имен из сферы истории демонстрирует связанную с политической ситуацией быстроту смены исторических личностей, ухода, забвения одних и выдвижения других. Например, сравнение: «Он будет обегать вас лучше, чем *Коржаков президента*» (Б. Акунин. Алтын-Толобас).

При упоминании персонажей, связанных с историей СССР, современный носитель языка их деидеологизирует. Имена, вставляемые в сравнение, отсылают к определенному историческому периоду, но не несут идеологической окраски, а, наоборот, совершенно аполитичны. Это может выражаться в выделении при апелляции к некогда идеологическим образам не политических, а внешних качеств: «Такой молодой, а все волосы уже порастерял. *На дедушку Ленина похож*» (телепередача «Малахов+»).

Часто использование при создании сравнительных конструкций символов, значимых в советскую эпоху, не просто аполитично, а даже наполнено желанием снизить значимость образа, например: «Марина плоская,

как *доска почета*» (газета «Моя веселая семейка»); «И сразу появится моя подруга Верка, которая будет меня пытать, как *фашисты Молодую Гвардию*» (телесериал «Моя прекрасная няня»). Часто такие сравнения позволяют себе авторы молодые, в новой обстановке отказавшиеся от старых идеалов и не успевшие приобрести новых.

Анализ обращений к историческим ситуациям и именам может дать представление о том, насколько знает и любит историю современный носитель русского языка, и о том, как он относится к истории и ее интерпретирует. Мы наблюдаем в образной сфере современного сравнения обращение к историческим фактам и именам разных периодов, свидетельствующее об уровне образованности носителя языка, владении им знаниями о разных этапах мировой и российской истории. При этом мы видим распространение сниженного, шутливого употребления прецедентных феноменов.

Литература

1. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 175.
2. *Моташкова С.В.* Основные проблемы и пути верификации и вербализации прецедентных концептов в интертекстуальном дискурсе // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. № 5. С. 42.
3. *Нахимова Е.А.* Прецедентное имя Буратино в современных СМИ // Известия Уральского гос. ун-та. 2007. № 52. С. 105–112.
4. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002. С. 46.
5. *Родионова Е.В.* Семантическая классификация прецедентных феноменов в заголовках периодических изданий // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: Сб. научн. тр. М., 2015. С. 244–250.
6. *Ярыгина П.П.* Прецедентный феномен в рекламном тексте // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12–3. С. 177–179.
7. *Крылова М.Н.* Художественный текст как прецедентный феномен (на материале сравнительных конструкций) // Русская словесность. 2010. № 1. С. 62–65.

Кушает ли супруг щи?

© Э. Д. ГОЛОВИНА,

кандидат филологических наук

Абсолютные синонимы, или лексические дублеты, — это лишь частный случай синонимии в современном русском языке: правописание — орфография, промышленный — индустриальный и т.п. Подавляющее же большинство синонимов разнится теми или иными параметрами, что может создавать ситуации, проблемные в плане культуры речи.

Ключевые слова: лексическая дублетность, семантическая и коннотационная дифференциация синонимов, традиционно-контекстная дифференциация синонимов.

Absolute synonyms or lexical doublets is only a special case of synonymy in the modern Russian language: правописание — орфография, промышленный — индустриальный etc. The vast majority of synonyms differ by various parameters that might create a situation problematic in terms of culture of speech.

Key words: lexical doubletness, semantic and connotational differentiation of synonyms, the traditional contextual differentiation of synonyms.

Во-первых, синонимы могут отличаться друг от друга оттенками значения, например: верить — веровать, запасы — припасы, базар — рынок. Во-вторых, они бывают различными по сфере употребления: проверка — поверка (*спец.*), разморозить — дефростировать (*спец.*), заказ — заказуха (*жарг.*). В-третьих, у синонимов может быть разная активность употребления: полька — полячка (*устар.*), словарь — лексикон (*устар.*),

книгообмен — буккроссинг (*нов.*). В-четвертых, у синонимов бывает разная экспрессивно-эмоциональная маркировка: сказать — ляпнуть (*неодобр.*), сыщик — легавый (*презр.*), потомок — отпрыск (*ирон.*). В-пятых, синонимы отличаются друг от друга стилистической маркировкой: ничком — ниц (*книжн.*), доносчик — ябеда (*разг.*), лошадь — коняга (*прост.*).

Игнорирование стилистической уместности того или иного слова в контексте — это одно из нарушений лексических норм современного русского литературного языка. Типичный пример такой лексической ошибки — неразличение синонимов *муж* и *супруг*. Данные имена существительные тождественны по значению (женатый мужчина по отношению к своей жене), но первое из них стилистически нейтрально, второе же сопровождается в словарях пометой «*офици.*»: визит Маргарет Тэтчер с супругом.

При выборе нужного синонима чувство меры и вкус не подводит, например, известных актеров и телеведущих: «Каждая встреча с *мужем* — свидание!» (Телесемь. 2016. № 2, Е. Боярская); «Моего *мужа* зовут Станислав...» (Источник новостей. 2016. 27 авг., А. Добровольская. Курсив здесь и далее наш. — Э.Г.).

Однако, к сожалению, в современной речи остается фактом частое злоупотребление синонимом *супруг*: «Помним, любим, скорбим! Любящие — *супруг*, дети, внуки» (Аргументы недели. 2015. № 3); «А насчет занятий под контролем *супруга* могу сказать только одно: Сережа меня не жалеет» (Эфир. 2015. № 47); «Эту работу взял на себя *супруг* Елены Олег Семенов» (Навигатор. 2016. № 45).

Что касается конкуренции синонимичных существительных *жена* — *супруга*, то здесь языковая ситуация еще острее. Освященных нормой канонов придерживаются лишь редкие представители сильного пола, рискующие публично называть свою жену *женой*: «Я не верю в Бога. Я верю только в свою *жену* и в себя!» (АиФ. 2010. № 9, И. Кобзон); «У нас с *женой* единое литературное кредо — писать о людях, которые в жизни, в своем деле чего-то достигли, конечно, не каких-то материальных благ» (Вятский епархиальный вестник. 2016. № 11); «Кое-как мы с *женой* Светланой, моим соавтором, наскребли несколько тысяч и издали книжку» (Кировская правда. 2017. № 49); «Светлой памяти моей *жены* Евгении» (Вятский епархиальный вестник. 2016. № 5).

Большинство же современных мужчин публично называет своих жен не иначе как *супругами*, например: «Мы с *супругой* очень стараемся, чтоб наши дети дольше верили в чудеса... Моя любимая мужская игрушка и моя любимая женщина — это один и тот же человек, моя *супруга*... Моя *супруга* говорит, что у нас всё, как в сериале “Друзья”» (Конкурент. 2012. № 42).

Именно с *супругами*, а не с женами они путешествуют: «Во время поездки во Францию нас с *супругой* больше всего впечатлил не Париж и не Сена» (Навигатор. 2016. № 7); «Пока *супруга* с дочкой были в кофейне,

я просто разглядывал людей» (Бизнес Класс. 2016. № 3); «Несколько лет назад нам с *супругой* Ириной посчастливилось в скиту побывать» (Вятский епархиальный вестник. 2016. № 11); «Мне больше нравится спокойно любоваться красотой природы, чистым воздухом, гулять. И в одиночестве, и с *супругой*» (Меркурий. 2015. № 3). С *супругой* занимаются профессиональной, общественной деятельностью и проводят досуг: «По образованию я учитель физики, а *супруга* у меня учитель математики. После окончания университета мы поехали работать учителями. Зарабатывал я тогда 325 рублей, *супруга* — 305 рублей. И по полгода нам их не платили» (Бизнес Новости. 2013. № 37); «Мы вместе с *супругой* Ниной создали такой фонд» (Российская газета. Неделя. 2012. № 282); «Сейчас мы выступаем вместе с моей *супругой* Людмилой Кочуровой» (Навигатор. 2013. № 35). *Супруга* упоминается в рассказах о своей семейной жизни: «Семья: *супруга* Мария и дочери Амалия и Милана» (Источник новостей. 2016. 11 июня); «Обычной трехкомнатной квартиры нам с *супругой* хватает» (Бизнес Новости. 2013. № 4); «Начались проблемы со здоровьем у *супруги*» (Собеседник. 2016. № 6); «Однажды принес неошипанную добычу. *Супруге* стало жалко птицу» (Про город. 2016. № 22).

Преобладание лексики *супруга* всемерно поддерживается и самими журналистами: «Насколько я знаю, вы вместе с *супругой* учредили международный гуманитарный фонд» (Российская газета. Неделя. 2012. № 282); «На фото: Н.В. Пересторонин с *супругой* Евгенией» (Вятский епархиальный вестник. 2016. № 5); «Игорь Петренко представил новую *супругу*» (Эфир. 2016. № 18) и т.д.

В рамках одного текста употребление обоих синонимов, очевидно, мотивируется стремлением к лексическому разнообразию: «Моя *супруга* весьма умна. Я с *женой* никогда не спорю» (Источник новостей. 2016. 27 авг.); «Актер сообщил, что они с *супругой* решили назвать новорожденную Марией. По его словам, *жена* подарила ему ребенка точно в срок» (Эфир. 2016. № 22); «Марата Башарова поддержала *жена*. Марата Башарова пришла поддержать его *супруга* Елизавета Шевыркова» (Эфир. 2016. № 51).

У людей со сложившимся вкусом экспансия существительных *супруг*, *супруга* вызывает активное неприятие. Так, категорически против них высказалась в телепередаче «Вечерний Ургант» 4 апреля 2017 года известная телеведущая Дуня Смирнова: «Ненавижу слова "супруг" и "супруга"!».

Особые сомнения вызывает, на наш взгляд, правомерность сочетаний «гражданский супруг», «гражданская супруга»: «Дмитрий Шепелев, *гражданский супруг* Жанны Фриске, долго хранил молчание» (Эфир. 2016. № 48); «Малыш появился на свет в Тбилиси. Его мамой стала *гражданская супруга* шоумена Ольга Курочкина» (Эфир. 2016. № 28).

Добавим, что в устной речи случается слышать и просторечные синонимы рассматриваемых имен существительных: *супружница* и *супружник*.

Ситуация с синонимами *муж* — *супруг* и *жена* — *супруга* проанализирована в ортологических справочниках [1; 2]. Исследователи предупреждают, что использование существительных *супруг* и *супруга* без учета контекста придает «высказыванию характер напыщенности, манерности, особенно если речь идет о молодых людях» [1. С. 439].

В речевом обиходе следует также учитывать тот факт, что в окружении неофициальной по стилю лексики слова *супруг*, *супруга* придают контексту шуточный или иронический оттенок, на который, может быть, не нацелен автор.

Что касается формы множественного числа «супруги», то она равноценна нейтральному словосочетанию «муж и жена» и ограничительными пометами или комментариями в словарях не сопровождается, например: дом супругов Ивановых.

В плане культуры речи интерес представляют также синонимы *семья* — *семейство*. В прошлом они были равноценны не только по значению (родственники, живущие вместе), но и коннотационно. Так, в 1863 году председатель земской управы Иван Кошурников писал о задачах вновь открытого Вятского епархиального училища: «Будущая роль учениц заключается в том, чтобы быть женами и матерями в *семействах* православного духовенства, быть помощницами своих мужей» (Бизнес Новости. 2013. № 37).

Послереволюционные толковые словари, начиная со словаря под редакцией Д.Н. Ушакова [3], трактуют слово *семейство* как устаревшее или имеющее шуточно-ироническую окраску. Поэтому не выглядят безупречными предложения типа «Жестокое убийство *семейства* из трех человек раскрыто всего за сутки» (МК. 2001. № 24). Однако органично его употребление в составе оборотов «прибавление *семейства*», «отец *семейства*».

Кроме семантических и коннотационных различий, описанных в начале статьи, синонимическая пара может быть охарактеризована и по другим признакам. В современном русском литературном языке наличествуют синонимы, которые не отмечены в словарях какими-либо дифференцирующими пометами, но не являются при этом взаимозаменяемыми по ряду параметров.

Их функционирование регламентируется традициями словоупотребления, которые приобрели нормативный статус. Это касается, например, глаголов *есть* и *кушать*. Контекстные регламентации, но — практически во всех руководствах по культуре речи и в толковых словарях: *есть* — это принимать пищу: когда я ем, я глух и нем; *кушать* — то же самое, но при вежливом или ласковом приглашении к еде: кушайте, дорогие гости! Кушай, детка!

Еще в 1939 году академик Л.В. Щерба пояснял: «*Кушать* занимает особое место рядом с *есть*. Оно, кстати сказать, является прекрасным примером сложности системы литературного языка: *кушать* не употребляется ни в первых, ни в третьих лицах, а только в повелительном наклонении,

где оно заменяет формы *ешь, ешьте*, являющиеся уже фамильярными, и с осторожностью в форме вежливости (2 лицо мн.ч.), где оно легко может получить слащавый оттенок». Однако и в наши дни академические каноны нередко нарушаются и в живой речи, и в языке СМИ.

Во-первых, глагол *кушать* то и дело манерно употребляют в 1 лице: «Буду *кушать* лобстера во вкуснейшем соусе» (Жизнь. 2010. № 48); «Еду на дачу или на море, *кушаю* мороженое» (Про Город. 2010. № 24); «Постоянные тренировки, стараюсь *кушать* раздельную пищу и не ем после 18.00» (Источник новостей. 2010. 24 дек.); «Я часто бываю в других городах, *кушаю* в местах общепита» (Бизнес Новости. 2010. № 42).

Во-вторых, *кушать* помещают в ненадлежащий, эстетически чужеродный по своим смысловым нюансам контекст: «Юная жена Грибоедова Нина Чавчавадзе упала в обморок на обеде у султана, когда увидела, как *кушают* руками жирную пищу с общего блюда» (Русская Европа. 2012. № 1); «Когда я волнуюсь или расстраиваюсь, то начинаю *кушать*, даже переедать» (Про Город. 2012. 7 янв.); «В пасхальную неделю мы приглашаем гостей. *Кушаем*, иногда обедаемся» (Источник новостей. 2014. 12 апр.).

В-третьих, анализируемая формула вежливости незакономерно употребляется по отношению к самым разным видам животных. Это кошки и собаки: «Зимой у кошек и собак повышенная потребность в калориях — *кушают* они больше» (Питер Инфо. 2010. 18 янв.); «Молодой кот ищет дом. *Кушает* всё, активный, окрас — черепаховый» (Про Город. 2017. № 22); белки и бурундуки: «Кормим белочек дважды в день. *Кушают* они грецкие орехи, фундук, курагу, яблочки» (Про Город. 2007. № 51); «Бурундуки на Востоке *кушают* прямо из рук!» (Про Город. 2010. № 34); волки и крокодилы: «Волк, как и все хищники, питается мясом, но *кушает* он и землянику, и полевки, и крупнокопытных» (Досуг в Москве. 1999. № 44); «Интересно, а могут ли крокодилы *кушать* что-то кроме мяса?» (АиФ. 2014. № 16); летучие мыши и пауки: «Летучие мыши в полете *кушают* не только насекомых, но и мелких птиц» (Кировская правда. 2013. № 74); «Около суток перед линькой паук может не *кушать* и не двигаться вообще» (Репортеръ. 2013. № 46) и т.д.

Всё сказанное относится и к соответствующим однокоренным словам типа *скушать, покушать, докушать, накушаться* и т.п. Поэтому нижеследующие предложения нуждаются в правке: «Спокойный взрослый песик. Характер кошечки: *покушать* да поспать» (Источник новостей. 2016. 7 мая); «Чем больше желудей свинья *скушала*, тем лучше будет мясо» (НТВ. Кулинарный поединок. 2008. 29 нояб.); «Пару отменили, погода отличная, только что *скушал* конфетку» (Источник новостей. 2008. 1 окт.).

Таким образом, современная медийная практика еще раз подтверждает известную с античных времен истину: и в жизни, и в языке самое трудное — чувство меры.

Литература

1. Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста. М., 1974.
2. Головина Э.Д. Трудности современного словоупотребления: Словарь-справочник. Киров, 2011.
3. Толковый словарь русского языка /Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М., 1935–1940.

Киров

Спряжение односложных глаголов на -ять

© Е. М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается спряжение односложных глаголов на -ять в русском языке. Показаны разные схемы спряжения таких глаголов. Рассматриваются формы повелительного наклонения. Особое внимание уделено необычному глаголу «внять».

Ключевые слова: русский язык, односложные глаголы на -ять, спряжение, повелительное наклонение, глагол «внять».

The article is devoted to conjugation of one-syllable verbs with ending -ять in Russian. Different schemes of conjugation of such verbs are shown. Forms of Imperative mood are examined. The unusual verb «внять» is examined thoroughly.

Key words: Russian, one-syllable verbs with ending -ять, conjugation, Imperative mood, verb «внять».

В русском языке группа глаголов, имеющих в инфинитиве один слог, немногочисленна. И уж совсем немногочисленна группа односложных глаголов, оканчивающихся на — *ять*.

Рассмотрим их спряжение в современном срезе языка без обращения к этимологии, что находится в русле провозглашенного Фердинандом де Соссюром четкого разделения синхронии и диахронии.

В этой группе единственный глагол несовершенного вида — «мять». Посмотрим, как спрягается этот глагол: *мять* (*мну, мнёшь, мнёт, мнём, мнёте, мнут*). Появляется *н*. Можно провести аналогию с глаголом *жать* (в значении: срезать под корень), не относящимся к рассматриваемой группе: *жать* (*жну, жнёшь, жнёт, жнём, жнёте, жнут*); *мну-жну, мнёшь-жнёшь* и т.д.

Остальные глаголы — совершенного вида. Соответственно у них нет формы настоящего времени. Посмотрим, как они спрягаются в будущем времени.

При спряжении глагола *встрять* тоже появляется *н*: *встрять* (*встряну, встрянешь, встрянет, встрянем, встрянете, встрянут*). Но в отличие от глагола *мять* я сохраняется, и формы спряжения двусложные (кроме 2 лица мн.ч.). ударение — на основе. Можно провести аналогию с глаголом

стать (стану, станешь, станет, станем, станете, станут); *встряну-стану, встрянешь-станешь* и т.д.

Глаголы *снять, внять, взять* имеет смысл рассмотреть параллельно.

Глаголы *снять* и *взять* спрягаются совершенно по-разному: *снять* (*сниму, снимешь, снимет, снимем, снимете, снимут*), *взять* (*возьму, возьмёшь, возьмёт, возьмём, возьмёте, возьмут*). Общим является то, что в обоих глаголах при спряжении появляется *м*. Различие в том, что при спряжении *взять* после *в* появляется беглая гласная *о*, а после *з* появляется *ь*. Кроме того, при спряжении *взять* ударение во всех формах на окончании, а при спряжении *снять* ударение на окончании только в форме 1 лица ед.ч., а в остальных формах — на основе.

А глагол *внять* стоит как бы посередине между *снять* и *взять*: у него есть формы спряжения, аналогичные формам спряжения *снять*, и формы спряжения, аналогичные формам спряжения *взять*.

Глагол *внять*, более всего известный по фразеологизму «внять голосу разума», очень необычен. Его стоит рассмотреть особо. При всем уважении к великолепному, тщательно разработанному «Краткому словарю трудностей русского языка» Н.А. Еськовой мы не можем согласиться с автором в отношении того, что у глагола *внять* формы будущего времени и повелительного наклонения не употребляются [1]. Этот глагол спрягается в будущем времени, и даже в 4-х вариантах. Первый вариант: *вниму, внімешь, внімет, внімем, внімете, внімут*. Пример: «Почему же никак не *внімем* мы, жадные, этой проповеди?» (А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, 1958—1973. Курсив здесь и далее наш. — *Е.Р.*). Второй вариант: *вонму́, во́нмешь, во́нмет, во́нмем, во́нмете, во́нмут*. Пример: «И мнили мы, что он последний встретит час, / Простертый на щите, в виду победных строев. / И, угасающий, с улыбкой *во́нмет* глас / О нем рыдающих героев» (В.А. Жуковский. На смерть фельдмаршала графа Каменского. 1808). Третий вариант: *вонму́, вонмёшь, вонмёт, вонмём, вонмёте, вонму́т*. Пример: «Да милосердный наш Отец / *Вонмёт* несчастного моление, / И за терновый мой венец / Невинным даст благоволение!» (И.И. Козлов. К Светлане, 1821). Четвертый вариант: *вонму́, вонмёшь, вонмёт, вонмём, вонмёте, вонму́т*. Пример: «Если *вонмём* себе, то в последней своей глубине, в сокровенной святая святых и тайная тайных усмотрим полнейшую разруху, пустоту, мертвенность, опустошенность» (В.Я. Береславский. Глас вопиющего. 1991). Второй, третий, четвертый варианты — архаичные, но, как видно из примеров, употребляющиеся в художественной литературе. Причем четвертый вариант архаичный, но русифицированный. Он ближе всего к спряжению глагола *взять*: *вонмёшь-возьмёшь* и т.д., а первый вариант (неархаичный) аналогичен спряжению глагола *снять*: *внімешь-снімешь* и т.д.

Рассмотрим, как образуется форма повелительного наклонения у этих глаголов.

Единственный глагол, оканчивающийся в повелительном наклонении на *ь*, — это *встрять* — *встрянь* (так же, как у глагола *стать* — *стань*).

У остальных глаголов в форме повелительного наклонения окончание *и* (ударное): *снимй*, *внимй* (первый вариант), *вонмй* (второй, третий, четвертый варианты), *возьмй*, *мни*. Интересно отметить, что последняя словоформа является омоформой по отношению к форме повелительного наклонения от глагола *мнить*: «не мни цветы», «не мни себя героем» (подробнее об омоформах [2]).

Все рассмотренные выше глаголы являются глаголами первого спряжения. Существует несколько схем спряжения односложных глаголов на *-ять*.

Литература

1. Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994. С. 54
2. Ручимская Е.М. К вопросу об омонимии на уровне слов и на уровне морфов в естественных языках // Ученые записки РГСУ. 2008. № 3. С. 106–110.

Москва

Хайпить и фиксить: новейшие слова интернет-общения

© П. Д. ДОРОНИНА

В статье рассматриваются явления интернет-коммуникации, появившимся в 2017 году. Приводится анализ современной молодежной лексики, а также некоторых выражений и устойчивых форм, популярных в веб-среде. Изученный материал может быть полезен как филологам-лексикографам, так и специалистам по культуре устной и письменной речи.

Ключевые слова: сленг, интернет-коммуникация, разговорная речь, молодежный жаргон, карнавализация языка, современный русский язык.

The article tells about the recent facts, appeared in 2017, in the internet-communication. The author provides an overview of modern youth vocabulary and some expressions and stable forms, which are popular in the web resources. The analyzed material can be useful to both lexicographer philologists and specialists of colloquial and written speech culture.

Key words: slang, internet communication, colloquial speech, young people jargon, carnivalization of language, modern russian language.

Идея «карнавализации» языка принадлежит М.М. Бахтину [1], однако это явление наиболее ярко выразилось в современной коммуникации. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова пишут о нем следующее: «Переломный, кризисный момент в жизни российского общества тут же был отражен языком. Карнавализация окружающей действительности стимулировала карнавализацию языка» [2]. Действительно, начиная с рубежа XX–XXI веков, начинают стремительно развиваться компьютерные технологии и сеть Интернет. Как следствие, повышается интенсивность и скорость межличностного общения, способы взаимодействия становятся более разнообразными. Набирает популярность своеобразный интернет-жаргон, используемый коммуникантами в веб-среде. М.Н. Крылова справедливо отмечает в своей статье «Процесс “карнавализации” русского языка и сравнительные конструкции»: «Говорящий при этом бравирует “неправильностями” в своей речи, стремится подчеркнуть свою обособленность от вековых традиций русского литературного языка...» [3]. Коммуниканты обычно включают в речь бранную лексику разной степени запретности и многочисленные окказионализмы, подчас неумело

образованные и не оправданные контекстом, что создает неудобства для восприятия и понимания.

Интернет-жаргон является неотъемлемой частью постоянно развивающейся современной разговорной речи. В 2016 году был издан «Словарь языка интернета.ru» под редакцией М.А. Кронгауза, авторский коллектив которого ставил цель «показать и сохранить особенности бытования русского языка в интернете...» [4]. В «Словаре» были включены окказионализмы, жаргонизмы, речевые клише и мемы, пользующиеся популярностью в веб-среде. Однако лексическое пространство Интернета постоянно обновляется и появляются новые сленговые слова и выражения, которые могут стать синонимами понятий, описанных в «Словаре языка интернета.ru».

Такие лексемы являются заимствованиями из английского языка или, по крайней мере, восходят к англоязычным аналогам: *хайп*, *изи*, *по фану* и др.

Лексема *хайп* образована от английского *hype* «непомерная реклама», «раскручивание», «шумиха», «ажиотаж», а также «мошенничество», «обсчет» [5]. *Хайп* означает «ажиотаж» и «шумиху» (в медиа, в СМИ, в Интернете) вокруг необычного происшествия, получившего широкую огласку, или яркой личности. *Хайпить* — это, соответственно, «разводить эту самую шумиху», «преподносить что-либо как сенсацию». В качестве иллюстрации приведем пример из личной переписки социальной сети Вконтакте.ру: *Зы ласт Дей! хайпим хайпим!* («Последний день перед каникулами! Празднуем!»), *хайпище намечается...* («Намечается шумное мероприятие...»).

В определенный момент в социальной сети Вконтакте.ru получил распространение хэштег *#хайпим*. Таким образом, пользователи подписывали фотографии, на которых было запечатлено красочное мероприятие, вечеринка или же другая активная деятельность. Позднее указанный хэштег приобрел и противоположную коннотацию, сугубо ироническую: его стали использовать для обозначения скучного времяпрепровождения.

Лексема *изи* от англ. *easy* — «легкий», «спокойный», «удобный», либо как наречие «легко» [6. С. 290] собственно в русском языке и означает «просто», «легко». Для исследователей интернет-коммуникации интерес представляет то, что данное слово может употребляться в двух формах: *изи* и *на изи*. Вариант *на изи* обычно используется с глаголом. Иллюстрацией могут послужить следующие высказывания, взятые нами из личной смс-переписки: *Как контра? — Да ваще на изи прошла* («Как контрольная работа? Я легко все решила»), *Го гулять? — Ваще изи!* («Пойдем гулять? — Запросто»). Также существует сленговая форма написания — *EZ*, которая часто встречается на международных форумах и чатах.

По фану (от английского *for fun* — «забавы ради») означает «совершить что-либо несерьезно, ради удовольствия» и часто употребляется для характеристики занятий на досуге. Однако, несмотря на то, что выражение

по фану больше связано с играми и отдыхом, подобные развлечения могут возникнуть и в повседневной жизни. В контексте *по фану* часто сближается по значению с лексемой *изи*. Примером из взятой нами частной переписки Вконтакте.ru может послужить высказывание: *Зафоткаешь? — Да по фану ваще!* («Сфотографируешь меня? — Легко, с удовольствием это сделаю!»). На подобного рода вопрос можно ответить и *на изи* (то есть «с радостью, легко»).

Одним из самых популярных слов в интернете в последнее время стала лексема *фиксить*. Она восходит к английскому *to fix* — «чинить», «исправлять», «уладить», «урегулировать», «устанавливать» [Там же. С. 342]. Изначально данный жаргонизм был широко распространен в среде программистов в значении «исправлять обнаруженные ошибки программного кода, которые были допущены в процессе написания программы». Однако после выхода на телевидении детского шоу «Фиксики» и его последующей рекламной кампании, рассматриваемый глагол приобрел дополнительную коннотацию. Слово *фиксить* (чаще употребляемое как *пофиксить*) стало использоваться повсеместно. Приведем в качестве примеров следующие высказывания из переписки в социальной сети Вконтакте.ru: *Пофикси мне комп* («Почини мне компьютер»). *Ща пофиксим картинку и норм будет* («Сейчас отредактируем картинку и будет нормально»). *Там еще фиксить и фиксить!* («Там делать еще и делать!»).

Лексема *зашквар* является модным, молодежно-сленговым синонимом к слову «безумие». Однако *зашквар* это не просто необычное безрассудное действие, это состояние эйфории от совершения непредвиденного спонтанного поступка. Этимология слова *зашквар*, по-видимому, восходит к слову *шкварки* (пережаренные кусочки еды). Значит, *зашквар* подразумевает под собой превосходную степень обозначаемого явления. Любопытно, что данная лексема употребляется и в положительной и в отрицательной коннотации. В качестве иллюстрации можно привести такие высказывания пользователей социальной сети Вконтакте.ru: *Твоя стрижка это полный зашквар!* («Твоя стрижка — очень модная, красивая и т.д.») или *Сначала был норм, но через пару часов его просто зашкварило и я решил на всякий случай по-быстрому слить!* («Сначала человек вел себя подобающе, но через пару часов стал неадекватен и я решил немедленно уйти!»). В первом примере высказывание имеет положительную окраску («модная», «красивая»), во втором же случае — отрицательное значение («неадекватен»).

Новые сленговые слова, появившиеся в сети Интернет в последнее время и пока еще не описанные в словарях, важны для исследования разговорной речи, поскольку носители интернет-жаргона составляют многочисленную и социально активную часть современного общества. Сленговые слова и выражения, зародившиеся в веб-сети (*лол*, *реал*), проникают в повседневное живое общение и оседают в разговорной речи.

Происходит и обратный процесс: многие жаргонизмы (такие, как *Ой все, диванный*) возникли вне интернета, но именно в веб-среде получили популярность. Таким образом, сленг становится важным элементом молодежной речевой культуры.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. 1990. С. 15–17.
2. Крылова М.Н. Процесс «карнавализации» русского языка и сравнительные конструкции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 23. С. 7. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56386.htm>.
3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и новое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. СПб., 2001.
4. Словарь языка Интернета.ru / Под ред. М.А. Кронгауза. М. 2016. С. 3.
5. Семиволкова С.В. Современный англо-русский словарь живого английского языка: 40 000 слов, 60 000 высказываний, 35 000 ситуативных пояснений. М., 2010. С. 334.
6. Мюллер В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. М., 2013.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Язык прессы

Метафоризация пространства в политическом тексте

© Н. А. СЕГАЛ,

кандидат филологических наук

В статье выявляются особенности реализации языковых единиц с семантикой низа при категоризации пространства в политическом тексте. Выявляются лексические и фразеологические средства вторичной номинации с пространственным компонентом, устанавливаются модели их корреляции в политическом тексте.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая метафора, масс-медийный текст, коннотация.

The article deals with issues related to the category of space with semantics of the bottom in a political text. The lexical and phraseological means of the secondary nomination with the spatial component are revealed, and their correlations in the political text are established.

Key words: political text, political discourse, political metaphor, mass-media text, connotation.

Изменение политического вектора многих государств постсоветского пространства, возрастающая степень тревожности и конфликтности

приводят к расширению образных средств, формирующих современные политические тексты. Негативная коннотация, широкий коннотативный фон и ассоциативный потенциал весьма активно реализуются в языковых единицах с пространственной семантикой, представленных на уровне вторичной номинации. Целью данной статьи является определение особенностей реализации языковых единиц с семантикой *низа* при категоризации *пространства* в политическом тексте.

Осмысляя *пространство* вокруг себя, человек избирает универсальные оппозиции, с помощью которых понимает окружающий мир и определяет в нем свое место. Процессы структуризации *пространства* проходят на основе двучленных оппозиций, базовыми среди которых являются *горизонталь / вертикаль, верх / низ, начало / конец, открытый / закрытый, ближний / дальний, внутренний / внешний, свой / чужой, вправо / влево, вперед / назад*. Возникновение таких оппозиций восходит к архаическому мировоззрению, а семантическая закрепленность и аксиологические характеристики, присущие ряду членов оппозиций, являются устойчивыми на различных этапах развития языка. Механизмы актуализации концептуального содержания пространственных оппозиций определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка и особенностями его национальной культуры. По замечанию Э. Бенвениста, «...через язык человек усваивает культуру, упорядочивает ее и преобразует. И как каждый язык, так и каждая культура использует специфический аппарат символов, благодаря которому опознается соответствующее общество» [1]. Приведенный тезис характеризует и современную лингвистическую науку, для которой значимым становится исследование национально-специфических языковых единиц, а также изучение ментального пространства. Как указывают В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, «язык, используя свой код — материальные оболочки слова-понятия, крылатого выражения, пословицы, прецедентного текста и т.п., фиксирует духовный опыт человека в культурной сфере и транслирует этот опыт следующим поколениям, обеспечивая информационную преемственность» [2]. Анализируя современную языковую ситуацию, Ю.А. Бельчиков отмечает, что «национально-культурная среда решающим образом влияет на ход языкового развития. Именно в ней разворачиваются смысловые и выразительные возможности, заложенные в словарном составе языка, в его стилистической структуре» [3].

Под влиянием глубоких изменений, происходящих в социально-политической жизни стран в последние годы, в политической коммуникации выявляются активными такие базовые компоненты конструкций, как *яма, дно, пропасть, бездна, пучина, трясина, воронка, водоворот*, имеющие векторную направленность *низ* с закрепленной негативной коннотацией. Отметим, что семантическая организация лексической группы является неодинаковой, что объясняет их функционально-прагматические

особенности при реализации в политических контекстах. Так, ключевые единицы *яма*, *обрыв*, *пропасть*, *бездна* и др. входят в устойчивые сочетания с глаголами *проваливаться*, *идти*, *падать*, *катиться*, *нестись*, *сползать*, *приближаться*, *лететь*. Выбор глагола зависит от возможности его контекстной сочетаемости с лексемой и прагматическими установками автора политического текста: «Эстония и Латвия уже *приблизились ко дну ямы*, так как до этого оба государства падали, не ведая, как глубоко окажутся. Правда, *до дна еще некоторое время придется сползать*» (Korrespondent.net. 2011. 18 мая. Курсив здесь и далее наш. — *Н.С.*); «зарплаты повышались, инфляция их съедала, а разбалансированная экономика *падала в пропасть*» (ЗН. 2012. 23 янв.); «Страна (Украина. — *Н.С.*) *падает в бездну* экономического и политического хаоса» (interfax.com.ua. 2011. 28 февр.); «Страна (Украина. — *Н.С.*) *продолжает уверенно скатываться в обрыв* глубокого политического и экономического кризиса, последствия которого сегодня просчитать довольно сложно» (КП. № 54. 2011. 25 марта); «Киев *провалился в яму* мирового экономического кризиса, а Пекин ее удачно перепрыгнул» (ЗН. 2011. 18 марта); «*Экономическая яма*: ВВП продолжает падать» (ЗН. 2012. 16 янв.).

Компонентный анализ позволил сделать вывод, что в политических контекстах актуализируются ядерные семы 'движение', 'интенсивность', 'безысходность'. Как правило, семы проявляются при наличии в контексте полнозначного глагола или глагольного сочетания, репрезентирующего активные действия самого субъекта (*падать в пропасть*, *скатываться в пропасть*, *проваливаться в пропасть*): «...националистические силы (Украины. — *Н.С.*) *толкают страну в пропасть*» (Ф. 2012. 05 окт.). Мир политики характеризуется сложностью и непредсказуемостью. Чтобы не скатиться в «политическую пропасть», необходимо очень точно и продуманно совершать политические действия. Так, лексема *пропасть* коррелирует с глаголами «шагнуть», «балансировать», а также субстантивами «шаг», «грань», «край». В таких контекстах эксплицируются семы 'риск', 'осторожность': «Украина в который раз *оказалась на краю* государственной *пропасти*» (МК. 2013. 27 апреля); «Правительству (Украины. — *Н.С.*) удалось *остановить* экономику страны буквально *в шаге от сползания в пропасть*» (МК. 2012. 7 сент.); «Украинское село у *края пропасти*» (КП. 2011. 21 окт.); «Украина на *краю пропасти*: опуститься в бездну или выбраться наружу» (ru.slovoidilo.ua. 2016. 18 февр.).

Приближение субъекта или государства к политическому или экономическому «дну» реализуется в тексте с помощью глаголов *тянуть*, *тащить*, *опускать*. В таких конструкциях необходимо наличие второго субъекта (пассивного или активного): «США *тянут на дно* экономику всего мира» (КП. 2012. 27 апреля); «Бизнес-удавка *тянет страну* (Украину. — *Н.С.*) *на дно*» (ЗН. 2012. 19 сент.); «Всемирный банк *тащит* Россию *на дно*» (ЗН. 2011. 27 сент.); «Стало известно, кто *тянет* экономику США *на дно*»

(oko-planet.su. 2016. 02 июля); «Налоги *опустили* Украину на дно» (ЗН. 2011. 7 июня); «Беженцы *тянут* Ангелу Меркель на дно» (dni.ru. 2015. 02 окт.). Показательно, что при контекстной реализации данного вербализованного фрагмента пространства выявляются оценочные характеристики метафорических конструкций, связанные с ценностными ориентирами общества.

Отрицательная характеристика координаты *низ* реализуется в устойчивых конструкциях с глаголами *вести*, *толкать*, *доводить*, *бросать*, в которых первый субъект (политики, политические силы, власть, оппозиция) вводит второго субъекта в кризисную ситуацию: «Власть не должна *бросать* страну на дно бездны» (ЗН. 2012. 11 янв.); «...политические силы должны вернуться в конституционное поле, пока они не *бросили* страну на дно бездны» (ЗН. 2011. 19 июля).

Активным при реализации в политических текстах является сочетание «долговая яма», фиксируемое в словарях в значениях «Разг. 1. Устар. Тюрьма. 2. Большие, грозящие судебными разбирательствами долги» [4]: «Страну (Украину. — Н.С.) *ведут в политическую долговую яму*» (КП. 19.07.2011); «Бюджетная волокита *ведет в долговую яму*» (Ф. 2012. дек.); «ЕС и США *толкают* Украину в долговую яму» (ЗН. 2012. 11 июня); «Российские кредиты *толкают* Минск в долговую яму» (Итоги. 2011. 14 авг.).

С семантикой межсубъектных отношений в тексте реализуется фразема «рыть яму», имеющая значение «строить козни, причинять неприятности, вредить кому-л.» [5]. В политическом тексте происходит конкретизация денотативного значения фраземы: субъектом может стать политический лидер, партия или государство: «Тимошенко *роет яму* для Ющенко» (ЗН. 2013. 04 фев.); «Америка *роет яму* России» (КВ. 2011. 27 сент.). Для сферы политики характерно не только совершать действия, «вредные» для других субъектов, но и неосознанно вредить самому себе. Таким образом, в ряде контекстов происходит расширение субъектно-субъектной структуры фраземы: *рыть яму (кому? / для кого?)* → *рыть себе яму* → *рыть яму (чем?)*. На наш взгляд, такая единица функционирует в контекстах с закрепленной семантикой: из-за непродуманных решений или действий ухудшать свое политическое положение: «Партия Регионов *роет себе яму*» (ЗН. 2012. 8 апреля); «Партия с такой скоростью *роет себе яму*, что ей и помогать не надо. Она *роет себе яму* своими действиями, законопроектами и непосредственно принятыми законами» (КП. 2012. 8 сент.). Метафорическое осмысление пространственного значения *низ* в контекстах данного типа характеризуется оценочной позицией автора текста (политика, журналиста, политолога-аналитика и др.).

Семантические компоненты «риск», «угроза» не являются постоянными по степени интенсивности признака, они обязательно могут быть выявлены в зависимости от контекста. Так, несомненный интерес вызывает функционирование в политическом тексте известной пословицы «Не рой другому яму, сам в нее попадешь», имеющей значение «неприятность

может случиться с тем, кто желает или делает ее другим». В результате источник негативных действий рискует сам пострадать от этих действий: «ЕС *рискует попасть в яму, которую роет* Украине» (МК. 2012. 10 сент.); «*Не рой другому яму — развалишь коалицию!*» (ICTV. 2011. 10 апреля); «Причина неудачи Балоги кроется в правиле: *не рой другому яму*. А Виктор Иванович *успел выкопать целые траншеи*. И, конечно, сам в них и завяз» (Korrespondent.net. 2011. 19 сент.); «В связи с решением Конституционного Суда относительно госбюджета Юлия Тимошенко *попала в яму, которую рыла* еще для правительства Виктора Януковича» (Ф. 2012. 18 сент.).

Языковые единицы *пучина*, *трясина*, *воронка* в политическом тексте, как правило, функционируют в устойчивых словосочетаниях. Специфика реализации лексического значения единиц *пучина* («1. Водоворот, а также провал в болоте. 2. Морская бездна (книжн.). 3. перен., чего. Средоточие чего-н. угрожающего, губительного (высок.). 4. Поднятие, вспучивание промерзшего грунта (спец.). прил. пучинный, -ая, -ое (к 1 и 2 знач.)»), *трясина* («1. Зыбкое, болотистое место. 2. перен. Среда, обстановка, порождающая косность, застой»), *водоворот* («место в реке, море, в котором течения образуют вращательное движение») заключается в семантике интегральных компонентов 'внутренняя' 'сила', 'интенсивность', что отражается в моделях внешней валентности (затягивать (затянуть) / засасывать (засосать) / погрязать (погрязнуть): «Все первоначальные успехи были лишь началом пути, и срыв на любом направлении *мог затянуть* Президента в политическую *трясину*» (ЗН. 2011. 9 окт.); «...политическая игра продолжается в политическом болоте, и участников ее накануне выборов все больше и больше *затягивает в самую трясину*» (ЗН. 2012. 18 авг.); «Европа *все глубже погрязает в пучине* собственных политических и экономических кризисов» (Большая политика с Евгением Киселевым. 2011. 16 дек.); «Египет *продолжает засасывать в* революционную *пучину*» (ЗН. 29.07.2011); «Обама *увяз в трясине*, а Путин вышел победителем» (MirNov.ru. 2016. 18 марта); «Обама *ввергает США в пучину хаоса*» (politinform.su. 2015. 15 июня). Отметим, что при реализации таких конструкций весьма активно используются безличные конструкции, что подтверждает отсутствие необходимости в активном деятеле: «Экономику региона *затянуло в* политический *водоворот*» (АиФ. 2014. 11 сент.). Таким образом, вторичные пространственные номинации активно реализуют образно-ассоциативный потенциал, выявляя при этом эмоционально-оценочные характеристики.

Активной в политическом тексте представляется устойчивая конструкция *втянуть в трясину (пучину / воронку / водоворот)*. Словосочетание «втянуть в трясину / пучину / воронку / водоворот» означает 'начать бессмысленные действия (чаще всего — военные), которые сложно остановить': «Пока США *втянуты в* иракскую *трясину*, они вынуждены осторожничать с аналогичной военной экспедицией в какую-либо из соседних стран» (Ф. 2011. 6 февр.); «Наши враги хотят нестабильности и хаоса. Мы *не позволим им втянуть нас*

в пучину войны и террора» (ЗН. 2012. 30 апреля); «Ющенко *вытягивает себя из политической трясины*» (КП. 2013. 20 окт.); «Путин *вылез из сирийской “трясины”* и вновь переиграл Обаму» (russian.rt.com. 2016. 20 марта). Для таких конструкций характерно наличие пассивного субъекта, над которым оказывает действие активный субъект.

Активной для политического текста является метафорическая конструкция *кризис — пучина (трясина, воронка, водоворот)*, содержащая семантические признаки ‘глубина’, ‘ненадежность’, ‘безысходность’ и включающая устойчивые сочетания: «Китай *может погрузиться в пучину кризиса*» (МК. 2011. 13 июня); «Индию *затянет в воронку кризиса*» (Ф. 2012. 30 мая); «Украина *продолжает скатываться в пучину общественно-политического кризиса*» (КП. 2015. 11 апреля); «*Пучина* глубокого экономического кризиса» (ЗН. 2011. 11 сент.); «Впереди *воронка кризиса*. Новая волна проблем в экономике надвигается, но готовы мы к ней не более, чем год назад» (Ф. 2011. 2 апреля); «...страну *может затянуть водоворот мирового кризиса*» (2000. 2012. 06 марта). Такое метафорическое осмысление пространственных объектов основано на восприятии человеком кризисной ситуации и возможных последствиях ее обострения.

Таким образом, комплексный анализ политических контекстов позволил выделить наиболее активные устойчивые конструкции с ключевыми компонентами *гора, вершина пропасть, бездна, пучина, трясина, яма, дно, ров, обрыв, воронка, водоворот*. На базе универсальной оппозиции вертикального вектора *верх / низ* проявляется пространственная трехмерная оппозиция *политика — вершина — пропасть*, в которой лексемы *вершина* и *пропасть* являются ее конечными точками. Данная оппозиция лежит в основе категоризации политического пространства и определяет особенность реализации метафорических значений в тексте.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., с вступ. статьей и комментарием Ю.С. Степанова. М. 1974. С. 32.
2. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб. 2001. С. 37.
3. Бельчиков Ю.А. «Что было выражено словом, то было и в жизни...» // Русская речь. 1993. № 3. С. 30.
4. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М. 2007. С. 157.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М. 1978.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М. 1999.
7. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.

Список условных сокращений

- АиФ – Аргументы и факты (газета)
ЗН – Зеркало недели (газета)
К – Крым (телерадиокомпания)
КВ – Крымское время (газета)
КГ – Крымская газета (газета)
КП – Крымская правда (газета)
КТ – Крымский Телеграфъ (газета)
КЭ – Крымское эхо (газета)
НК – Новый Крым (газета)
МН – Московские новости (газета)
МК – Московский комсомолец (газета)
НГ – Независимая газета (газета)
Ф – Факты (газета)
2000 – 2000 (газета)

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*

Симферополь

«...И не послуша ихъ...»

Судьбоносные советы, обращенные к князьям в «Повести временных лет»

© П. Л. СМЕРНОВ,
кандидат филологических наук

Статья посвящена некоторым особенностям изображения ранних русских князей в «Повести временных лет». Особое внимание уделено повествованию о гибели князей Игоря Рюриковича, Святослава Игоревича, Ярополка Святославича. Описывается композиционная схема, которую использует летописец при рассказе о данных событиях. Рассматривается один из главных элементов этой схемы: обращенные к князьям советы их окружения, оформленные летописцем в виде прямой речи летописных героев.

Ключевые слова: летопись, летописец, ранние русские князья, «Повесть временных лет».

The paper concentrates on certain peculiarities of the way Russian princes are depicted in the Tale of Bygone Years. Special focus is given to the description of the death of Igor Riurikid, Svyatoslav Igorevich, Yaropolk Svyatoslavovich. The compositional pattern used by the chronicler in the description of the events is discussed and one of its key elements analyzed: advice given to the princes by their entourage presented in the chronicle in the form of direct speech.

Key words: Chronicles, Chronicler, Russian princes, the Tale of Bygone Years.

В галерее летописных образов ранних русских князей — от Рюрика до Владимира Святославича, — созданных на страницах «Повести временных лет», присутствует заметный контраст. Если одни летописные герои, прежде всего такие как Рюрик, Вещий Олег, в значительной степени — княгиня Ольга, князь Владимир Святославич, — изображаются монументальными эпическими правителями, которые обладают великой властью, высоким авторитетом, на которых никто никогда не осмеливался поднять руку, то другие герои — такие как Игорь, Святослав, Ярополк — представлены как князья иной судьбы, погибающие насильственной смертью, вынужденные принять ту участь, которую им — правителям государства — определили другие люди.

События, которые привели к смерти каждого из данных властителей, произошли не случайно, а были вызваны к жизни в том числе и самими этими князьями. Судьба двоих из них определялась еще и тем, что они склонялись к обращенным к ним, губительным в итоге, советам и побуждениям своего окружения, в решающий же момент — момент жизни и смерти — все трое отвергали последний путь к спасению: совет единственно правильный.

Для князя Игоря Рюриковича роковым оказался его поход на древлян, совершенный в 945 году и завершившийся убийством киевского правителя. В принятии Игорем решения о походе сыграло свою роль обращение к нему его дружины. Это обращение оформлено летописцем в виде прямой речи приближенных князя, содержащей глагол в повелительном наклонении: «Ркоша дружина Игореву: “Отроки Свенделжи изоделесе суть оружиемъ и порты, а мы назѣ. И поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы”». Затем следует оборот, указывающий на реакцию князя: «И послуша ихъ Игорьъ», после чего дается изображение самого похода: «...иде в Древа в дань, и примыслише къ первой дани, и насилыше имъ и мужи его» [1. С. 42–43].

Когда доведенные до отчаяния древляне решают, что единственный выход из данной ситуации — физическое истребление князя как хищника, они все же предпринимают попытку остановить его мирным способом. Их обращение к Игорю представляет для него последнюю возможность избежать смерти: «И послаша к нему, глаголюще: “Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань”» [С. 43]. Князь Игорь древлянам не внимает: «И не послуша ихъ Игорьъ», после чего следует его гибель: «...и шедше из города Искоростена противу древляне убиша Игоря и дружину его» [Там же].

Сын Игоря князь Святослав оказался на пороге смерти потому, что, ведя изнурительные кровопролитные войны вдали от дома, он, после тяжелых сражений с врагом, остался в конце концов с настолько ослабленным и немногочисленным войском, что не мог пробиться домой через занятые печенегами днепровские пороги.

Летописец вводит в текст речь приближенного Святослава — воеводы Свенельда, — дающего князю совет, который представляет собой последнюю возможность для Святослава избежать смерти: «И рече ему воевода отень и Свенгелдь: “Поиди, княже, около на конех, стоять бо печенежи в порозехъ”» [С. 61]. Затем следует оборот, указывающий на реакцию князя: «И не послуша его», после чего дается картина гибели Святослава: «...и поиде въ лодяхъ. <...> Приде Святославъ в пороги, и нападе на ня Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша голову его, и во лбе зделаша чашу, оковавше лобъ его, и пяху в немъ» [С. 61–62].

Воевода же Свенельд, как отмечает летописец, благополучно вернулся в Киев: «Свенгелдь же приде къ Киеву къ Ярополку» [С. 62].

Сына Святослава — князя Ярополка — в конечном счете привела к гибели междоусобная война с его братьями, — война, которую начал он сам.

В сообщении «Повести» под 975 годом рассказывается о том, как князь Олег Святославич убил Люта, сына варяжского воеводы Свенельда, служившего несколько поколений киевских князей: «Ловы деюще Свеньгелдичю, именемъ Лоть; ишедъ бо изъ Киева гна по звери в лесе. Узре и Олегъ и рече: “Кто се естъ?” И ркоша ему: ”Свенгелдичъ”. И, заехавъ, уби и, бе бо ловы дея Олегъ» [Там же].

Свенельд побуждает Ярополка начать войну с Олегом. Эти побуждения представлены в тексте в виде прямой речи воеводы, обращенной к Ярополку и содержащей глагол в повелительном наклонении: «...и молвяше всегда Ярополку Свенгелдь: “Поиди на брата своего и приимеши власть един его”, хотя отмыстити сыну своему». То, что правитель к данному совету прислушивается, следует из описания самих его дальнейших действий: «Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю» [С. 62]. С этого момента начинается цепочка событий, которая приведет Ярополка к гибели в 980 году.

После смерти Олега и присоединения Ярополком земель погибшего брата активным участником событий становится князь Владимир. Сначала он оставляет свои владения и уходит за море, Ярополк присоединяет и его земли, а затем Владимир возвращается вместе с варягами и начинает наступление на Ярополка. Владимир движется с Севера на Юг, подобно тому как когда-то двигался Вещий Олег, и с каждым его шагом растет подвластное ему государство. Территория, принадлежащая князю Владимиру, непрерывно расширяется, в то время как территория, принадлежащая князю Ярополку, непрерывно сужается, и наконец он, утратив значительную часть своих земель и подданных, оказывается осажденным в Киеве.

Воевода Ярополка Блуд, заключивший тайное соглашение с Владимиром, подает Ярополку губительные советы, каждый из которых все более приближает последнего к гибели. Первый совет оформлен летописцем в виде прямой речи воеводы, содержащей глагол в повелительном наклонении: «И рече же Блудъ Ярополку: “Кияне слются къ Володимиру,

глаголюще: "Приступай къ городу браню, яко предамы ти Ярополка". Побегни изъ града"» [С. 65]. Затем следует оборот, указывающий на реакцию Ярополка: «И послуша его Ярополкъ», после чего изображаются результаты данного князю совета: «...и бежа изъ града, и, пришедъ, затвори-ся въ граде Родене на устьи Рysi, а Володимиръ вниде в Киевъ, и оседяху Ярополка в Родне. И бе гладъ великъ в немъ» [Там же].

Следующий совет Блуда введен в текст также с помощью прямой речи персонажа, содержащей глагол в повелительном наклонении: «И рече Блудъ Ярополку: "Видиши ли, колко вой у брата твоего? Намъ ихъ не перебороти. И твори миръ съ братомъ своимъ", лстя подъ ним, се рече» [Там же]. Реакция князя на данный совет явлена в его прямой речи: «И рече Ярополкъ: "Тако буди"» [Там же].

В последнем губительном совете воеводы содержатся указания не только на то, что правитель должен сделать, но и на то, что он должен сказать: «И рече Блудъ Ярополку: "Поиди къ брату своему и рчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму"» [С. 66]. Реакция князя на данный совет представлена с помощью описания его последующих действий: «Поиде же Ярополкъ...». Здесь летописец вводит прямую речь еще одного приближенного Ярополка — Варяжко, — дающего князю противоположный совет, который представляет собой последнюю возможность для Ярополка избежать смерти: «...и рече ему Варяжко: "Не ходи, княже, убьють тя; побегни в Печенеги и приведеша вои"» [Там же]. Князь данному совету не внимает: «...и не послуша его», после чего следует его гибель: «И приде Ярополк к Володимеру; яко полезе в двери, и подъяста и два варяга мечьми под пазусе, <...> и тако убьен бысть Ярополк» [Там же].

Сам Варяжко поступает так, как советовал своему господину: «Варяжко же, видевъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бежа съ двора в Печенеги и мьного воева с печенеги на Володимира, и одва приваби и, заходивъ к нему роте» [Там же].

Данных летописных героев — Игоря, Святослава, Ярополка — объединяют следующие особенности изображения:

- все они погибают насильственной смертью;
- события, которые приводят их к гибели, в значительной степени обусловлены неверными политическими решениями данных правителей;
- изображая гибель этих князей, летописец использует определенную композиционную схему: правитель оказывается в смертельно опасной ситуации — к нему обращаются с советом, указывающим возможность спасения — правитель данный совет отвергает — правитель погибает насильственной смертью. Одними из ключевых элементов данной схемы являются обращенные к князьям советы их окружения. Эти советы оформлены летописцем в виде прямой речи летописных героев, содержащей глаголы в повелительном наклонении. За ними следует указание на реакцию князя, которое вводится либо с помощью специального оборота

«...и послуша / и не послуша ихъ (его)»; либо с помощью прямой речи князя «...и рече...»; либо описанием дальнейших действий правителя: «...и поиде...». После этого дается изображение насильственной смерти указанных летописных героев;

— в изображении летописцем данных событий прослеживается определенная закономерность: правители (Игорь и Ярополк) склоняются к советам и побуждениям, приблизившим роковой итог, а предостережение или совет, указывающие последний путь к спасению, каждый из летописных героев отвергает (Игорь — древлян; Святослав — Свенельда; Ярополк — Варяжко).

Все трое князей в результате принятия ими неправильных решений попадали в итоге в одну и ту же ситуацию: правители государства, в критический момент они тем не менее не только не могли диктовать другим свою княжескую волю, но оказывались не в состоянии защитить даже собственную жизнь и вынуждены были подчиниться чужой воле, чужой силе, которая решала их судьбу.

Невозможно представить в подобной ситуации, например, Рюрика или Вещего Олега, чьи образы созданы на страницах летописи с совершенно иных позиций. Никто и никогда не осмеливался давать этим правителям никаких советов, никто и никогда не осмеливался поднять на них руку, никогда они и близко не оказывались в такой ситуации, когда их княжеская воля утрачивала бы свое значение и уж тем более когда они оказывались бы не в состоянии защитить свою собственную жизнь и вынуждены были подчиниться чужой воле, принять ту участь, которую им определили другие люди.

Это властители иного рода, чье могущество и монументальность еще более оттеняются на страницах «Повести» изображением судеб иных князей той же эпохи — Игоря, Святослава, Ярополка.

Литература

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Далее указ. только стр.

*Московский педагогический
государственный университет*

Библейские тексты в Житии Анны Кашинской

© В. Е. ДЕНИСОВА

Образ княгини Анны Кашинской в Житии, написанном в XVII веке, раскрывается в статье с помощью цитат из Священного Писания и библейских образов.

Ключевые слова: агиография, библейские цитаты, библейские образы, святая княгиня Анна Кашинская, святой князь Михаил Тверской.

The image of the Princess Anna of Kashin in the Hagiography, written in the XVII century, is revealed with the help of quotations from the Scriptures and the biblical images.

Key words: hagiography, biblical quotations, biblical images, the Holy Princess Anna of Kashin, the Holy Prince Michael of Tver.

Житие Анны Кашинской — историко-литературный памятник XVII века, посвященный супруге великого князя Михаила Тверского, впоследствии инокине. По словам одного из инициаторов написания памятника, дьяка Никифора, «житие ее слагал и писал Соловецкого монастыря старец Игнатий» [1]. Как отмечает исследователь поэтики данного памятника Т. Манухина, житие представляет во всей красоте исторический и биографический облик святой княгини Анны, который является образцом «для подражания потомству, заветом ему, грезой, идеалом,

“похвалой”» [2]. Идеальный образ строится во многом с помощью библейских цитат.

Обращение к тексту Священного Писания для древнерусских памятников, в особенности в агиографии, явление постоянное и закономерное, оно обусловлено спецификой средневекового мировоззрения и концепцией истории. Функции цитат и образов Библии в ранних древнерусских произведениях связаны с выражением оценки событий автором и героями, с объяснением хода событий, их провиденциального значения. С развитием литературы усиливается художественное значение библейских цитат, и писатели все чаще используют фрагменты Священного Писания с эмоционально-выразительным назначением.

1. Функция объяснения хода событий

Традиционная черта произведения, по жанру представляющего собой житие, — наличие своеобразного вступления, в котором жизнь Анны предстает как исполнение евангельских заповедей. Оно начинается с благодарения Господа и содержит три евангельские цитаты, которые отражают провиденциальную идею святости человека, исполняющего заповеди Божии, и указания на то, что должен сделать человек для своего спасения.

Первая цитата заимствована из Евангелия от Матфея, она обращена к ученикам Христовым, которые подвизаются и проповедуют Евангельское слово, тем самым делается акцент на том, что каждый человек должен нести Свет Истины людям и сама жизнь его должна являться примером исполнения Евангельских заповедей: «Се Азь посылаю васъ, яко овцы, посреде волковъ. Предаять бо вы на сонмы и на соборищи, и предъ цари и владыки ведени будете имени Моего ради. И не убойтеся отъ убивающимъ тело, души же не могущихъ коснуться» [3. С. 101] (Ср. Мф. 10:16–18,28). Использование наставления Господа в житии переносит события из Евангельской истории в конкретную ситуацию и способствует идеализации образа княгини.

Второй цитате придается функция объяснения хода событий, автор говорит о том, что небесного спасения достигают многие Его ученики, которые не только проповедуют, но и претерпевают крестные страдания и мучения: «Возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть» [Мф. 11:29–30]. И паки: «Аще кто оставить отца или мать, или жену, или чада, и села, и имения имене Моего ради, стократичею прииметь и животъ вечный наследить. И аще кто не возьметъ креста своего и вследъ Мене грядеть, сей несть Мне ученикъ» [С. 102] (Ср. Мк. 10:29–30). Использование данных цитат объясняет ход

событий, указывая на непростую жизнь княгини, полную страданий и лишений: добровольное согласие и напутствие на мученический подвиг своего мужа, оставление взрослых детей и красоты мира сего ради иноческого служения. Смирненное и безропотное принятие жизненных лишений отражает благородство и силу характера Анны.

Наконец, третья цитата подводит итог словам Христа, указывая на то, что главной частью спасения является следование не своей, а пречистой воле Божией: «Аще кто слово Мое соблюдетъ, живъ будетъ во веки» [С. 102] (Ср. Ин. 8:51). Используя данные библейские цитаты, автор указывает не только на пути спасения для каждого человека, но и на пример реальной святой жизни княгини Анны, которая вместе с супругом исполнила заповеди Христовы. Цитаты подчеркивают духовную силу героини, делая жизнь Анны причастной ко всему божественному, небесному и нетленному.

2. *Функция подтверждения мыслей автора и героев*

Удивителен по своей глубине и выразительности диалог супругов. На желание князя принять мученическую кончину ради спасения ближних княгиня отвечает следующим образом: «душу свою положить за овцы стада Христова? будетъ ли се истина, яко хошетъ за имя Христово пострадати?» [С. 106] (Ср. Ин.15:13). На что князь дает ответ: «Азь, госпоже, отъ многа времени желаю пострадати за имя Христово и душу мою положить за порученное мне стадо» [С. 102]. Этот диалог показывает, что жизнь супругов всецело проходит через призму Евангельского Слова, все их действия и поступки соотнесены с заповедями Христа.

Анна не только поддерживает своего мужа в принятии подвига мученичества, но и дает ему наставление, ссылаясь на апостольское послание: «Апостоль Павелъ, пиша къ Тимоѳею, глаголетъ, яко вси хотяще жити благочестно о Христе гоними будутъ, лукави же челоуцы предуспеютъ на горшее [С. 108] (Ср. Тим.3:12–13). И Самъ, беседуя, Сынъ Божий ко ученикомъ Своимъ глаголаше: Аще бысте отъ міра были, міръ убо своя любилъ бы. Но Азь избрахъ вы отъ міра, сего ради и міръ васъ ненавидитъ» [Там же] (Ср. Ин.15:19). С помощью цитат житийное повествование во многом концентрируется на духовной жизни героев, что связано с таким литературным явлением, как художественное абстрагирование, стремление к которому проходит через всю средневековую русскую литературу [4].

Далее княгиня наставляет мужа на подвиг, укрепляя также словами Священного Писания: «но понеже Спасъ ко ученикомъ Своимъ глаголаше: яко хоште, рече, скорбъ имѣти, но дерзайте, яко Азь победихъ міра и прелесть его» [С. 112] (Ср. Ин.16:33). «И не убойтеса отъ убивающихъ

тело, души же не могущих убить» [С. 112](Ср. Мф. 10:28). «Но паче подобает бояться могущаго по убіеніи тело и душу воврещи въ дебрь огненную» [Там же] (Ср. Мф.16:26). Таким образом, весь диалог супругов, посредством библейских цитат, отражает их мировоззрение: они живут ради исполнения воли Божией и спасения.

После смерти мужа княгиня Анна выбирает для себя монашеский путь, рассуждая об этом, она также ссылается на священный текст:

«И кая польза будетъ, аще человекъ и весь міръ пріобрѣщеть, душу же свою отшетить» [С. 113] (Ср. Мф.16:26).

«Исусъ Христосъ учить насъ глаголя: Аще кто не отвержется себе, сиречь пристрастія земнаго, и не возметъ креста своего и въ следъ Мене грядеть, не можетъ Мой быти ученикъ» [Там же] (Ср. Мф.10:38).

«Сего ради девъственныи сосудъ, возлюбленныи ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ глаголетъ: Не любите міра и яже въ немъ. Вся бо сущая видимаго сего міра похоть плотская, и похоть очная, и гордыня житейская» [С. 113] (Ср. I послание Ин. Богослова 2:16).

В приводимых цитатах открывается призыв Господа отвергнуть прелести кратковременной земной жизни и исполнить правду евангельскую, которая состоит в смиренном переживании крестных страданий. Но не только на словах рассуждает княгиня, но и действует, оставляя мир: «яко подобаетъ плоть презирати, прилежати же паче о души вещи безсмертней» [Там же] (Ср. Мф.6:12), зная, что многими трудами подобает войти в Царство Небесное.

Наставление сыну также подтверждается словами из Священного Писания: «Егда же приходяше ко преподобней сынъ ея, благоверный князь Константинъ, благословенія ради и поученія съ велможами своими, она же учаше его, како Бога бояться и Тому угодная творити и ничто же отъ видимыхъ, паче любви Его, предпочитати. Якоже и пророкъ Давыдъ глаголетъ: “Ты страшень еси, и кто противустанеть Ти”» [С. 117] (Ср. Пс.46:3). Так, оставляя сына, Анна дает ему защиту от всех бедствий, которая заключается в вере в Господа. Он и великий Царь над всею землею и страшен по знаменіям и чудесам, производимым Им, так что самое имя Его бьет и прогоняет демонов и врачует болезни.

Библейскими цитатами подтверждаются и мысли автора. Образ Анны создается через описание ее добродетелей, которое автор подкрепляет евангельскими цитатами. После смерти мужа княгиня осталась вдовой, заботилась о детях, много молилась Богу, соблюдала пост и воздержание, украшалась кротостию и смирением, помогала нищим, приводила их в свой дом, помня завет: «Сиру и убогу Ты буди помощникъ» [С. 115] (Ср. Ис.1:17), особенно заступалась за вдовиц и сирот и утешала их тем, что нужно приобрести терпение, «якоже и пророкъ глаголетъ: “Терпение

убогихъ не погибнуть до конца» [Там же] (Ср. Ис.35:4). Имела память смертную: «облецетеся, рече, во вся оружія Божія, яко возможи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ, яко несть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы века сего, къ духовомъ злобе поднебеснымъ. Сего ради возьмете вся оружія Божія, да можете противитися въ день лютъ, и вся содеявши стати» [С. 116] (Ср. Еф. 6:11–13).

В заключении автор, благодаря Бога за явление святой и ее равноангельное житие, сравнивает княгиню с евангельской вдовицей: «якоже и оная вдовица убогая, иже две цате принесли Богу въ даръ и свидетелствована бывши паче множества принесшихъ» [С. 128] (Ср. Мк.12:41–44).

3. *Функция усиления выразительности текста*

Функцию усиления выразительности текста выполняют библейские цитаты в речах героев, особенно в молитвенных обращениях к Богу. Так, уже в первой молитве Анны и Михаила Тверского, автор использует цитату из Евангелия от Луки: «Господь намъ помощникъ и не убоимся; что сотворитъ нама смертный человекъ, аще бо и воздвизаетъ діаволъ на святыхъ брань, но по мале на его главу болезнь возвратится» [С. 106] (Ср. Лк. 6:27). Данная цитата не только усиливает выразительность текста, но и объясняет ход дальнейших событий: скорое искушение и принятие мученического венца мужем княгини.

Жизнь Анны Кашинской в монастыре всецело посвящена молитве: «Прилпе душа моя по Тебе, Христе Боже, и возжада душа моя къ Богу крепкому и живому. Когда прииду и явлюся лицу Божію» [С. 124] (Ср. Пс.62:9). С другими людьми княгиня беседовала мало, но в молчании пребывала и единому Богу в молитве служила, поя Господу в сердце своем: «Господь помощникъ мой и защититель мой, на Того упова сердце мое, и поможе ми, и процвете плоть моя, и волею моею исповеся Ему» [Там же] (Ср. Пс.27:7). Усиливается и молитвенное обращение перед смертью, когда Анна начала подвизаться с еще большим трудом: «Прилпе кость моя плоти моею, и колена моя изнемогосте отъ поста и плоть моя изменися елея ради» [Там же] (Ср. Пс. 108:24).

Созданию образа княгини Анны способствуют сравнения с персонажами ветхозаветной истории. Так, непростое решение княгини о наставлении на мученический подвиг мужа автор показывает через аналогию со святыми женами, которые по-разному принимали сложные жизненные решения: «И не яко Евва советова Адаму древа вкушеніемъ въ рай, но яко Ревека советова о благословеніи сыну своему Іакову» [С. 105]. Автор сравнивает Анну с Ревеккой — библейской праматерью, которая давала мудрое напутствие своему сыну.

Жизнь благоверных Анны и Михаила Тверских проходила в единомыслии и согласии, они представляли собой образец семейной жизни, строго исполняя евангельские заповеди. За праведную жизнь автор сравнивает их с праотцом Авраамом, от которого произошел по плоти Сам Христос: «Живущима же има во благочестии и въ законе Господни, поучающеся день и ночь, и преспевающе красотою делания своего, еже къ нищимъ и ко убогимъ нищепитательствомъ, и къ страннымъ, и къ больнымъ, якоже и древле Авраамъ праведный, и, по Юву терпеливому, всемъ всяка быста: “нога хромымъ и око слепымъ”» [С. 104]. Здесь автор сравнивает святых не только с Авраамом, но и с праведным Иовом Многострадальным, тем самым делая акцент на предстоящих страданиях и мученичестве супругов ради Христа. Еще одну добродетель в жизни супругов подчеркивает автор, используя библейскую цитату из книги Иова: «Я был глазами слепому и ногами хромому» [Иов. 29:15], что характеризует добродетельность супругов, которые оказывали поддержку беспомощным, вдовам и сиротам, не оставались равнодушными к их просьбам.

Автор не только прибегает к сравнению жизни супругов со святыми, но и приводит примеры отпавших от Господа, тем самым предостерегая князя с княгиней и еще более выделяя их добродетели: «Ниже возвеличаѣстася благородіємъ и величествомъ господства своего иже иногда бывый денница, отпаде славы Божіа, и вместо света тма бысть, и дѣволъ преименовася. И хотящимъ въ смиреніи жити, вельми супостатъ душъ нашихъ запинаеть и въ преисподняя съ собою сводить. Сиче и Адама праотца нашего высокоуміа ради изъ породы изгна. И сиче воспоминаста въ себе благовернии и благочестивии великіи князь Михѣиль со благоверною и великою княгинею своею Анною, вельми смиреніе любѣста и любовь равнѹ ко всемъ держаста» [С. 104].

Таким образом, цитирование текстов Священного Писания и использование библейских образов в Житии Анны Кашинской отражают провиденциальную идею святости человека в миру, а также представляют жизнь Анны Кашинской как пример святости. Библейские цитаты подтверждают авторские рассуждения, объясняют ход событий, служат усилению эмоциональности текста; включаются в речь героев и автора; заимствуются преимущественно из Нового Завета. В житии не приводится ни одного отрицательного поступка героини, ни одной греховной мысли, весь жизненный путь ее показан читателю ровным, гладким и безупречным. Используя библейские цитаты, автор идеализирует образ княгини в соответствии с христианскими представлениями о святости, создавая образец святой женственности.

Литература

1. Домострой. СПб., 1994. С. 57.
2. Манухина Т.И. Святая Благоверная княгиня Анна Кашинская. Тверь, 2009. С. 148.
3. Житие Анны Кашинской: Рукописный список Государственного архива Тверской области. Тверь, 2002. Далее указ. только стр.
4. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 84.
5. Новый Завет. М., 2015.
6. Псалтирь. М., 2014.
7. Ветхий Завет. М., 2010.

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет*

Дом в Сочинении Г. К. Котошихина

«О России в царствование Алексея Михайловича»

© И. Н. ЩЕМЕЛИНИНА,
доктор филологических наук

В статье исследуются слово *дом* в Сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». При рассмотрении особенностей использования указанного слова в тексте Сочинения установлено, что смыслосодержание анализируемой единицы основывается на позитивнооценочной характеристике. Лексема *дом* не свойственна деловому стилю изложения, однако введение автором ее в текст Сочинения свидетельствует о своеобразии труда Котошихина и о его знаниях различных сфер жизни социума.

Ключевые слова: дом, Котошихин, Сочинение, лексема, глагол.

The article examines the word *house* in the Essay of G.K. Kotoshikhin «About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich». When considering the peculiarities of

the use of the specified word in the text of the work established that smilacaceae the analyzed units based on positiveaction characteristic. Token house is not characteristic of the business style, however, the introduction of the author in the text of the work testifies to the originality of the work Kotoshikhin and his knowledge of various spheres of life of society.

Key words: house, Kotoshikhin, Composition, lexeme, verb.

Григорий Карпович Котошихин родился в России около 1630 года в семье Карпа Котошихина, весьма незначительного человека, служившего в пожилом возрасте казначеем в Московском монастыре. Образования Г.К. Котошихин не получил, а учился дома. Затем поступил на службу в Приказ Большого дворца и выполнял различные поручения и обязанности писаря. Он считался умным и компетентным в служебных вопросах. Впоследствии его назначили на дипломатическую должность, что повлекло за собой служебные командировки за границу, например в Стокгольм, пребыванием в котором он остался очень доволен, потому что шведы на содержание и его, и переводчика потратили 500 далеров. Видимо, потребность в деньгах и сформировала у Котошихина мотивацию к измене, потому что спустя некоторое время он сбежал в Польшу, а оттуда отплыл в Швецию. По прибытии в Стокгольм Котошихин с помощью переводчика подал петицию королю Швеции. По мнению А.И. Маркевича, после случившегося Котошихину и велели описать Московское государство, ибо он мог изложить полезную для шведского государства информацию [1].

Сочинение Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» [2], написанное по просьбе шведского заказчика, является ценнейшим источником о состоянии Московского государства в середине XVII века.

При рассмотрении Сочинения мы обратили внимание на частотное слово *дом* (86 употреблений), которое представлено в двух значениях. В Словаре русского языка XI–XVII веков лексема *дом* как полисемант представлена в конкретно-предметном значении «Дом, здание; жилище; хозяйство, имущество, владение; двор, усадьба»; употребляется с определением: «Помещение, предназначенное для чего-либо»; во втором — означает «Семья, домочадцы; церковное учреждение, владеющее землей, церковная вотчина» [3].

Первое значение существительного *дом* «жилище» в контексте: «*таким же обычаем (такого ж обычая; такому ж обычаю)* и иных чинов люди в *домех* своих людей держат» (Курсив здесь и далее наш. — И.Ш.) выявляется существительным *люди* и глаголом *держат*, который позволяет дать интерпретацию: принуждение крепостных слуг, то есть людей зависимых, к нахождению в жилом помещении, согласно установившемуся порядку, обычаю, а возможно, и распоряжению. Конструкция *таким же обычаем*, на наш взгляд, является устойчивым выражением делового языка. Во

фрагменте: «некабалных людей в *домех* своих держати не велено никому» за счет отрицательной формы глагола социальных отношений (принуждение, запрещение) *велеть* (*не велено*), словосочетания *некабалные люди*, указывающей на категорию людей, не находящихся в зависимости, моделируется ситуация: запрет на нахождение людей в *домах своих*.

Котошихин во фрагментах Сочинения описывает бытовую жизнь царской семьи и ее придворного окружения с помощью частотного словосочетания «разъехаться (разойтись) по домам»: «етчи и пив за здоровья их государские, бояре и все чины *розъедутца по домом*»; «бояре и их жены *розъедутся по домом*; власти, пив за их государское здоровье, *розъедутца по домом*»; «пив заздравные чаши *розъедутца по домом*»; «господин и гости... пьют друг про друга за здоровья, *розъедутца по домом*»; «прощався царь, и патриарх, и власти, и бояре, с-ыными образами пойдут назад, до первыя своея соборныя церкви, и потом *розыдутца по домом*». Автор акцентирует внимание на событиях, по окончании которых участники покидают мероприятие и возвращаются в свои жилища: Котошихин добросовестно перечисляет, кто именно разъезжается по домам с помощью существительных *боярин, жена, власть* (собирательное, в значении: люди), *царь, патриарх, чины* (в значении: власти), называющей людей по роду деятельности и социальному статусу, глаголов *есть, пить* (деепричастия *етчи, едчи, пив*), словосочетаний, подчеркивающих принадлежность Сочинения к кругу деловых текстов исследуемого периода: *государское здоровье, царское здоровье, заздравные чаши* и глаголов движения *разъехаться, разойтись* (глаголы *перемещения*).

В представленных фрагментах автор подтверждает мысль о том, что дом — это не только здание либо жилище, но и общий кров, созданный человеком. Котошихин актуализирует его определенный смысл — *семья*. С.А. Радзиевская, работая с этой лексемой, указывает, что под концептом *дом* понимает «упорядоченную совокупность общечеловеческих и культурно-специфических смыслов, отражающих дом как определенную предметную, социальную и культурную реалию» [4].

Котошихин создает и другое устойчивое выражение: *распустить по домам*. Он не оставляет без внимания факт того, что людей при правлении царя Алексея Михайловича освобождали от обязанностей (прекращение деятельности, службы, отстранение от нее либо постоянно, либо временно) и позволяли вернуться в семьи. Об этом Котошихин пишет так: «всяких чинов людей, и по покою *роспущены по домом*»; «когда от войны бывает престатие (прекращение — *И.Ш.*) и тогда ратным людем, рейтаром, салдатом, драгуном, казаком и атаманом, Мордве, Черемисе, бывает *ропуск* всем *по домом*»; «рейтаром и салдатом на службу посылок не бывает, *ропущают их по домом*». Эти ситуации автор детально обрисовывает, используя название *Московское государство*, существительные *покой, престатие, ропуск, посылка*, словосочетание *ратные люди*, единицы *рейтар*,

солдат, драгун, казак, атаман, указывающие на воинские звания, *мордва, черемиса* — на национальность, глаголы социальных отношений *распутить, отпустить* (дееприч. *отпустя*).

Интересно, что посылать детей учиться за границу нежелательно, так как они не захотят вернуться домой. Об этом Котошихин пишет так: «Благоразумный читателю! чтучи сего писания не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в-ыные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи, и волность благу (то есть свободу, независимость, отсутствие ограничений. — *И.Ш.*), начали б свою веру отменить, и приставать к иным, и о *возвращении к дому* своим (то есть к семье, родному очагу, хозяйству, имуществу — *И.Ш.*), к сродичам никакого бы попечения (намерения. — *И.Ш.*) не имели и не мыслили». С помощью слов *сродичи, волность благая, государство, вера, возвращение, попечение*, глаголов *узнать, отменить, приставать, не имели и не мыслили* актуализируются минимальные единицы: родное пепелище, родина и репрезентирует смысл: возвращение на родину невозможно. Прилагательное *тамошний* как определение (*тамошних государств*), местоимения единицы *свой, иной* создают оппозицию: свой — чужой.

Котошихин за счет лексики *трубник, литавщик, суреник, трубач*, называющей людей по роду их деятельности и принадлежности к искусству, *вдова*, указывающей на семейное положение, словосочетания *женский пол*, прилагательных *царский, мужний* и глаголов *жить, дневать, ночевать* в контекстах: «которые люди в его *царском дому* живут, и днюют и начуют»; «а будет трубников, и литавщиков, и суреников, в *царском дому* всех человек со 100»; «а прямых истинных добрых трубачев выберется в *царском дому* человек с шесть»; «женской пол, вдовы, живут в своих *мужних домех*» сообщает о принадлежности дома (здания, дворца) владельцу и о нахождении в нем избранных для определенных целей людей. Сравним во фрагменте: «в *домех* же их *боярских* учинены приказы» за счет введения прилагательного как определения *боярский*, существительного *приказ* и глагола *учинить* передает смысловую характеристику: нахождение в собственности указанного объекта и его особенности.

При описании быта привилегированных слоев общества Котошихин рассказывает о запрете членам царской семьи находиться в чужих домах с помощью глаголов *бывать, обедать* с отрицанием (*не бывають ни у кого; не обедают*) в контексте: «царица и царевны в *дому их* (бояр и ближних людей — *И.Ш.*) ни у кого *не бывають* и не обедают же». Цель пребывания в царском дворце иных лиц женского пола изложена Котошихиным во фрагменте: «которого боярина... дочь девица или вдова, понадобится царице, или царевнам, для *жизья взяти* к себе в дом, и им то волно» за счет существительных *вдова, дочь, девица, житье* и глаголов *понадобить-ся, взять*.

Котошихин описывает возможную угрозу для царского дворца: «для чего он через царской двор шел с ружьем, не на царя ли, или на его *дом...*». Во фрагментах: «для того чтоб в государстве учинити смута *для грабежу домов*»; «с Москвы в то время бояре послали к царю с вестью, что на Москве учинилась смута и почали *домы грабить*» автор с помощью отрицательнооценочных единиц *смута*, *грабеж*, передающих мысль о наличии общественного настроения, преступных деяний, предполагает, что народные волнения могут привести к вооруженному захвату чужого имущества. Значение «жилище» во фрагменте: «*домов не разоряли* и не грабили; они смуты не чинили и *домов* ни чьих *не грабили*» с помощью глаголов *разорять*, *грабить* дается указание к запрету действий.

Автор дает возможность представить случаи конфискации дома у тех, кто совершил преступления: «за вину уговорщика... у него возмут на царя *дом и животы*» посредством существительных *вина*, *уговорщик*, *царь*, глагола *взять*. Значение «жилище» представляет минимальные единицы: здание, имущество, собственность.

Котошихин описал запрет на изготовление в жилых помещениях денежных средств. И в случае неподчинения воле царя предусмотрено царским указом (законом) наказание. Об этом автор информирует с помощью конструкции *воровские деньги*, глаголов *делать* с отрицанием (*не делати*), *заливать*, *отсекать*, *отрезать*, *бить*, *отнимать*, *ссылать*, существительных *воровство*, *деньги*, *пытки*, *олово*, *горло*, *руки*, *уши*, *кнут*, *животы*, *ссылка*, местоименной единицы *никакой*, топонима *Сибирь* во фрагментах: «*в домах своих воровских денег не делати никаких*»; «а будет сыщется, что они делали... у себя *в домах* воровством денги..., и таким бывают пытки..., заливают оловом горло, а иным... отсекают руки, и отрезают уши, и бьют кнутом, и отнимаются *домы и животы* (имущество — *И.Щ.*), и ссылаются в сылку в Сибирь».

Весьма существенным в Сочинении являются описанные Котошихиным охраняемые места и территории государства, представленные словосочетанием *пограничные места* и существительным *острожок*, в состав которых входят и сооружения, во фрагменте: «для оберегания пограничных мест, и острожков, и *домов...*».

Характерным в Сочинении является описанный автором запрет на строительство больших домов: «самым меншим чинам *домов* своих построить добрых не мочно» посредством глаголов *построить* с отрицанием (*построить не мочно*), существительного *чин*, прилагательного *меньший* в превосходной степени (*самый меньший*), *добрый*. Значение «жилище» представляет присущие семантическому объему, передаваемому лексемой, значимые минимальные единицы: строение, сооружение.

Второе значение существительного *дом* «семья» в контексте: «царь в то время был в походе, со всем своим *домом*, и с ним бояре и думные и ближние люди» сопровождает за счет местоименных единиц *весь*, *свой*

минимальные единицы: царица, царевич, царевна. Во фрагментах «*господин дому* бьет челом гостем и кланяетца в землю ж; и *господин дому* своего отвещает...» с помощью слова *господин* указанное значение представляет минимальные единицы: домочадцы / члены семьи.

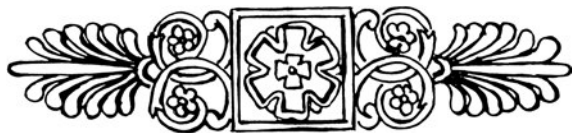
Итак, слово *дом* в рассмотренном Сочинении Котошихина включает смыслы, в которых отражены знания и представления автора о доме во всем его многообразии: это символ жизненного мира человека, основа и ценность его существования, упорядоченное место обитания, приют.

Дом в сознании автора имеет ярко выраженную положительную коннотацию, а ее смысловая составляющая связана с минимальными единицами значения: родина, город, село, деревня, родина, здание, строение, сооружение, имущество, собственность, жилище, царица, царевич, царевна, родственники, домочадцы / члены семьи.

Литература

1. *Маркевич А.И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в первой половине XVII в. Одесса, 1895.
2. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 306–307.
4. *Радзиевская С.А.* Концепт *ДОМ* в поэтических текстах: новые пути познания. Вестник РУДН. Серия Лингвистика. М., 2010. № 1. С. 63–64.

Московский государственный областной университет

«Элоквенции не обучен»

Федор Эмин как «соавтор» Матвея Комарова

© М. Ю. ОСОКИН,

кандидат филологических наук

В статье разбирается языковая программа Матвея Комарова, выставившего свое имя под предисловиями к романам о Ваньке Каине (1779) и милорде Георге (1782), которые стали самыми читаемыми в XVIII – XIX столетиях. Его роль как редактора была еще скромнее, чем принято думать: вставки, скреплявшие сюжет и придававшие текстам искомую «литературность», он заимствовал из популярных романов Федора Эмина «Непостоянная fortuna, или Похождение Мирамонда» (1763) и «Награжденная постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды» (1764).

Ключевые слова: Федор Эмин, Матвей Комаров, Милорд Георг, Ванька Каин, роман, XVIII век.

The article is about the language program of Matvei Komarov, an educated servant who put his name on the prefaces of «The Story of the Thief Vanka Kain» (1779) and «The Tale of the Adventures of the English Milord George and the Brandenburg Margravine Frederika Louisa» (1782) – the most popular novel which was widely read between XVIII and XX centuries. His role as the editor of these manuscripts was far below what it used to be thought. Some interpolations which gave the literary quality to the narrative were borrowed from the popular novels by Fedor Emin «Inconstant Fortune, or the Adventure of Miramond» (1763) and «Rewarded Constancy, or the Adventures of Lizark and Sarmanda» (1764).

Key words: Fedor Emin, Matvei Komarov, Milord George, Vanka Kain, novel, XVIII century.

Во второй половине XVIII века предприимчивый дворовый служитель Матвей Комаров, бывший крепостной, обученный в малолетстве грамоте по прихоти хозяйки-вдовы А.Л. Зотовой, выпустит в свет две книги, которые станут бестселлерами и образцами «народного чтения»:

«Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов» и «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе». Они будут переиздаваться почти полтора столетия, пока В.И. Ленин не подпишет 19 мая 1919 года решение Совнаркома об изъятии лубка как «не отвечающего потребностям и задачам современной социалистической пролетарской культуры».

Комаров не был автором этих текстов, его роль ограничивалась компиляцией, редактурой — приведением расходившихся в списках текстов в соответствие с собственным представлением о «литературности» — и напечатанием книг с предисловиями, под которыми он выставлял свое имя: «Матвей Камаров, житель города Москвы» или «Матвей Камаров, житель царствующего града Москвы».

Парадоксальным образом Комаров, не создавший в литературе почти ничего своего, за вычетом нескольких плохих стихотворений, стал самым читаемым в России писателем. Сам он свою книгоиздательскую деятельность понимал как «услугу простолюдинам» и хорошо угадывал, что им нужно, по крайней мере, в двух случаях угадал очень счастливо.

«Милорд Георг» — тот самый «Милорд», вместо которого Н.А. Некрасов в 1869 году посоветует «православным крестьянам» Н.В. Гоголя. Назвав «Милорда» «глупым», Некрасов повторил характеристику В.Г. Белинского, который, хотя считал «Милорда» очень глупым, признавал, что «были на Руси еще и глупее его книги» [1], но почему народ выделил «Милорда» ему, Белинскому, было решительно непонятно.

Первым печатно такую оценку «Милорду» дал современник Комарова Николай Карамзин: «Может быть глупейший из Русских Романов». Карамзин, впрочем, был снисходителен даже к глупым книгам, объявив снисходительность программой «Вестника Европы»: «Не знаю, как другие думают; а мне не хотелось бы огорчить человека даже и за *Милорда Георга*, пять или шесть раз напечатанного. Глупая книга есть небольшое зло в свете. У нас же так мало Авторов, что не стоит труда и пугать их» [2]. По поводу сборника «Разные письменные материи, собранные для удовольствия любопытных читателей Матвеем Камаровым» (1791) Карамзин напишет И.И. Дмитриеву 23 июня 1791 года: «Стихи Камарова, подобные прозе Сена Пирогова, заставляют меня по крайней мере смеяться...» [3].

Книги, выпущенные Комаровым, торговались вразнос, выдержав неимоверное количество переизданий. Очередная перепечатка «Милорда» в 1834 году была встречена О.И. Сенковским в «Библиотеке для чтения» такой рецензией: «Скажите, Бога ради, кто нынче первый Русский писатель? Я утверждаю, что первый наш писатель Г. Матвей Комаров, “житель города Москвы”. Только плоды превосходного пера Г. Комарова

достигают у нас осьмаго, девятаго и десятаго изданий» [4]. Сенковский называл Комарова снискавшим «огромную славу» «чародеем».

Не последнюю роль в успешности, видимо, сыграло изложение увлекательного, понятного народу содержания («разбойничья» и «любовно-авантюрная» истории) языком, отвечавшим представлению крепостного о «благородности» и книжности.

Младшая дочь комаровской хозяйки А.Л. Зотовой (во втором замужестве — Эйхлер) Екатерина Никитична (1738 года рождения) предположительно в 1752 году и во всяком случае не позднее 1754 года вышла замуж за князя Алексея Васильевича Хованского (1731—1792). За нею была отдана вотчина, унаследованная от первого мужа, Н.В. Зотова, в селе Горбово-Богородское Городского стана (по генеральному межеванию 1766 года часть села вместе с деревнями числится за Е.Н. Хованской), и крепостной Комаров, которого новые хозяева отпустили на волю, 6 мая 1757 года посылает в журнал «Ежемесячные сочинения» свой отвергнутый редакцией сонет «Великолепная Россия сетующую Польшу утешает». Комаров представляется бывшим крепостным князя Хованского и простодушно признается, что написал сонет, вдохновившись стихами А.П. Сумарокова, хотя сам «элоквенции и другим никаким наукам, кроме российского языка не обучен, да и грамматики не читал» [5].

Из объявлений, размещавшихся в «Московских ведомостях» с 1768 года [6], следует, что Комаров вернулся к старой хозяйке, сделавшейся по мужу статской советницей, и стал «служителем» в доме Эйхлеров на левой стороне улицы Моховой, у Боровицкого моста.

В село Горбово на правом берегу реки Рузы в 1771 году во время эпидемии чумы Эйхлер уехала к зятю и дочери из Москвы, прихватив с собой Комарова. Берег Рузы в ее низовьях, в районе впадения в Москву-реку, видимо, опять «нечаянно возбудил» в слуге «охоту к сочинению виршей», и он печатает по этому случаю свое первое сочинение — благодарственное стихотворное «Письмо Его Сиятельству Князю Алексею Васильевичу Хованскому: писанное в Рузской его вотчине в селе Богородском, в котором несколько фамилий имели убежище от бывшей в Москве моровой язвы» (1771). Издание оставалось нераспроданным и спустя 10 лет [7], но Комаров не бросил литературных занятий. В 1775 году он составит книгу о московском разбойнике Ваньке Каине — Иване Осипове (1718 — после 1756).

Первые «коммерческие» издания Комарова выходят в 1779 году, предведомления к обеим книгам подписаны: «Матвей Комаров, житель города Москвы». Одна книга содержала жизнеописание Каина («Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел <...> Ваньки Каина»), другая («Обстоятельные и верные истории двух мошенников <...> Ваньки Каина <...> Второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей») объединяла две повести: к истории Каина был присоединен слегка отредактированный Комаровым текст книги «Подлинное описание жизни Французского

мошенника Картуша и его сотоварищей, собранное из производимых над ним процесных пунктов и других возможных уведомлений» (1771), переведенной с немецкого капитаном М. Нееловым, — части огромного вала разнобразной европейской литературной продукции, вышедшей после смерти легендарного Луи Доминика Бургинона в 1721 году.

«Российским Картушем» Каина придумал называть не Комаров, номинация уже существовала и пришла из рукописи анонимной книги «Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика <...> Писанная им самим, при Балтийском порте, в 1764 году» (1777). С этих псевдомемуаров в смеси с пикареской или плутовским (воровским) романом Комаров в основном списывал своего «Каина». Было еще другое — более раннее, более краткое издание — «О Ваньке Каине славном воре и мошеннике краткая повесть» (1775), тоже учтенное Комаровым. Фронтальные сличения текстов, произведенные В.В. Сиповским, показали, что «текст “сочинения” Комарова то сближается с текстом краткой повести (редко), то повторяет текст автобиографии, а чаще представляет литературную обработку последнего» [8. С. 174; сравнения «Краткой истории» и двух редакций псевдомемуаров Каина (первой редакции, изданной в 1777 году, и второй, улучшенной редакции, вышедшей в 1782 году) с комаровской обработкой см.: Там же. С. 171–177, 181–183; о «романизации»: Там же. С. 183–185]. Сиповский слово «сочинение» заключает в кавычки, давая понять: Комаров не сочинитель, а лишь редактор и компилятор.

Все, кто сравнивал редакцию Комарова с псевдомемуарами, находили, что он портил текст, передавая народную речь Каина книжными литературными оборотами. «Такой слог, как обыкновенно подлые люди рассказывают скаски, или какия ни есть свои похождения», Комаров, как следует из предисловия, осуждает. Г.Н. Геннади, в 1859 году переиздавший псевдомемуары Каина в Петербурге, предпочитал их комаровскому роману, ибо «история Комарова, не прибавляя никаких происшествий, увеличивает только рассказ ненужными рассуждениями и утомительна по своему книжному тону» [9]. Сиповский замечал, что «образный язык Каина был для Комарова языком “подлых” людей, — вот почему в огромном числе случаев он рифмованные остроты и прибаутки Каина или пропускает, или заменяет многословным бледным пересказом» [8. С. 175]. М.А. Грачев ошибался, назвав комаровского «Каина» первым литературным текстом, где фиксируется воровское арго 1731–1749 годов [10]. В псевдомемуарах арготического материала было больше, Комаров же, наоборот, его вычищал. На поговорки, подобные Каиновым, в фации Ивана Новикова «О лукавом нищем» из сборника «Похождение Ивана гостинного сына» (1785) указывал еще Сиповский, однако он сравнивал их как раз с образчиками воровского языка из псевдомемуаров Каина [8. С. 142] и отмечал, что комаровский «Каин» им проигрывает.

К этому следует прибавить, что Комаров механически пишет низовой барочный роман, других образцов он, скорее всего, не знал. Он скрепляет сюжетные ходы, объясняя любое изменение в судьбе героев рассуждениями о судьбе, фортуне, роке и т.д. и придавая тексту «книжность».

Эти вставки ему даже не приходилось сочинять, он брал их из других романов. Например, в книге много рассуждений о фортуне, которая Каину много «способствовала и неоднократно извлекала из самых несчастливейших случаев, от которых он иногда и сам никак избавиться не чаял». Вот одно из них: «Вот, как судьба играет счастьем человеческим: вора и разбойника, которого по силе законов, должно лишить жизни, или сослать в тяжчайшую каторжную работу делает благополучным человеком! Подлинно, что превратное есть счастье человеческое, в руках которого имеются несправедливые весы, ибо на которую сторону человек ни положит свою надежду, нигде равновесия сыскать не может; оно стесняющую и облеченную в худую одежду добродетель безразсудно топчет и попирает своими ногами, а на безцестных и разными пороками наполненных людей, смотрит приятными глазами и, награждая великим богатством, возводит на вышняя степени».

Все перечисленное — и сравнение «превратного счастья» с неточными весами, и попранную добродетель, и неправедно получивших богатство людей — Комаров выбрал из романа Федора Эмина «Награжденная постоянность» [11]: «О превратное щастие! размышлял в себе Лизарк <...> В руках твоих несправедливой находится безмен; на которую сторону кто ни положит свою надежду, нигде равновесия сыскать не может. В бедное одетая платье добродетель под твоими ногами стонет, и ты оную безрассудно топчеш и попираеш. Бриллиантами украшенная бледного лица женщина богатством владеющая, и от зависти изсохшая сидит возле тебя, и ты на оную приятным оком зриаеш».

О том, что Комаров был внимательным читателем Эмина, свидетельствует и второй его бестселлер — «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе Изданная М.К.» (1782), составленный на основе рукописной истории о милорде Гереоне, популярной в XVIII веке, судя по числу сохранившихся списков и вариаций. Предисловие издателя подписано: «Матвей Камаров».

Романные перипетии Комаров, как и в «Каине», объясняет прихотями фортуны и опять не затрудняет себя сочинением оригинальных вставок. Барочная «философия» и риторика, в которую она оформлена, выписывается из романа Федора Эмина «Непостоянная фортуна» [12]. Общее влияние «Непостоянной фортуны» на «Милорда» отмечалось, но ею подсказывались не только идея совмещения развлекательной истории с философскими поучениями [13], но сами эти поучения, например, рассуждение из «Истории Марцимирисова и о Сардинской королеве Терезии»: «...дела человеческие подвержены ежечасному сокрушению и непостоянная

Фортуна всегда ездит на худой колеснице, почему и угадать не можно на которую сторону она опрокинется». У Эмина эта метафора выглядит так: «Очнувшись (от обморока после прочтенного письма Зюмбюли, упрекавшей его в измене — *М.О.*), Мирамонд <...> воскликнул: “Непостоянная фортуна на изломанной ездит колеснице, и так угадать не можно, на которую сторону она опрокинется”. В романе Эмина эта барочная эмблема («колесница Фортуны») постоянно варьируется, начиная с посвящения («...Ваше сиятельство, всепокорнейше прошу принять в высокое ваше покровительство труды того, который, спадши с колесницы фортуны и охромевши в счастии, пером своим подпирается») и до конца романа: «О горестное несчастных свойство! во время нашего благополучия все нам благоприятствует. А когда превратная фортуна из своей колесницы нас низвергнет, то и подданные наши нам противоборствуют». Комаров, как любой плохой автор, не уверен в себе и убежден, что «красивее» Эмина он все равно не скажет, поэтому берет готовое.

Матвей Комаров сделался у критиков символическим виновником развращения народного вкуса, в том числе усилиями Белинского, десятки раз поминавшего его в своих статьях, а «Милорда» именовавшего то дичью и вздором, то пошлостью и глупостью [14].

Почему бестселлерами становятся именно обработки Комарова? (Псевдомемуары Каина переиздавались, но не так массово, как комаровский «Ванька Каин».) Простолюдины хотели книг, написанных не «подлым» языком — не таким, каким они говорят, простой язык был профанацией. Им нравилось именно то, что образованные читатели воспринимали как порчу текста в случае с «Каином» или как «глупость» в случае с «Милордом».

Комаров брал то, что и так уже читают, и придавал «подлому» чтivu книжность. Истории выходили «из народа» и возвращались в него доведенными до того уровня литературности, который соответствовал представлениям бывшего крепостного.

Литература

1. Б.п. [Белинский В.Г.] Русския книги, изданныя в течение второй половины июля и первой половины августа месяца // Отечественные записки. СПб., 1839. Том V. С. 42.
2. [Карамзин Н.М.] Письмо к Издателю // Вестник Европы. М., 1802. Ч. 1. С. 7—8.
3. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 20.
4. Библиотека для чтения. Литературная летопись. Октябрь. СПб., 1834. Т. 7. Отд. VI. С. 7—8.
5. Бердников Л. Сонеты «Великому граду Москве» // Нева. 2012. № 5. С. 204.

-
6. [Объявление о продаже 6-месячного датского кобеля] // Прибавление к № 35 Московских ведомостей. 29 апреля 1768 года. С. 3; Прибавление к № 36 Московских ведомостей. 2 мая 1768 года. С. 3.
7. *Карпова И.Л.* Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века. Дисс. <...> канд. исторических наук. М., 2009. С. 222.
8. *Сиповский В.В.* Из истории русского романа XVIII в. (Ванька-Каин) // Известия Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1902. Т. VII. Кн. 2.
9. *Григорий Книжник [Геннади Г.Н.]*. Об изданиях жизнеописания Ваньки Каина // Библиографические записки. 1859. № 1. Стлб. 27.
10. *Грачев М.А.* Из истории русского арго XI – XVIII вв. // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 37. 1996. С. 190.
11. Награжденная постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды, Сочинения Федоры Эмина. СПб., 1764.
12. Непостоянная фортуна или Похождение Мирамонда. Сочинения Государственной коллегии иностранных дел переводчика Феодора Эмина. СПб., 1763.
13. *Калашникова О.* «Сей род сочинений пленителен»: о русской прозе XVIII века. Днепропетровськ, 2013. С. 154.
14. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953–1956. Т. I. С. 82, 140, 142, 384. Т. III. С. 83, 206–210, 255. Т. IV. С. 35, 65, 180, 319, 343, 434, 566. Т. V. С. 165, 203, 512, 668. Т. VI. С. 42, 106, 115, 116, 682. Т. VIII. С. 259. Т. X. С. 114, 387.

Москва

В ономастической лаборатории Ф. М. Достоевского

© С. А. СКУРИДИНА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются приемы выбора ономастических единиц, наиболее часто встречающиеся на страницах произведений Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: ономастика, оним, антропоним, топоним, Достоевский.

The article considers methods of selection of onyms which used by Dostoevsky.

Key words: onomastics, onym, anthroponym, toponym, Dostoevsky.

В произведениях Ф.М. Достоевского герои, размышляющие о своем имени и фамилии, — нередкое явление. Достаточно вспомнить капитана Лебядкина, желающего называться *Эрнестом* и выступать под фамилией *Монбар*, но вынужденного носить имя *Игнат* и фамилию *Лебядкин*, или Фердыщенко, вопрошающего, можно ли вообще жить с такой фамилией, как у него [1. Т. 10. С. 141].

Подобный интерес героев к собственному именованию обусловлен, конечно же, особым отношением к имени самого писателя. Имя для Достоевского — это продолжение истории семьи, поэтому наречение ребенка — это творческий акт, обязательно отражающий преемственность поколений. Как указывает А.Г. Достоевская, своему младшему сыну Федор Михайлович хотел дать имя Степан «в честь родоначальника рода Достоевских», Степана Ивановича Достоевского, упоминание о котором содержится в литовских документах XVI века [2. С. 214, 276]. В.А. Савостьянова, дочь А.М. Достоевского, вспоминает: «По поводу имени этого нашего первого ребенка — сына, которого мы назвали Андреем, — он нас пожурил... “Не Андреем он должен называться, а Константином, в честь отца мужа. В русском быту так ведется”. — “Но дядя, — возражала я, — ведь его отец умер, а мы дали имя в честь моего отца, который жив”. Он только ласково улыбнулся, но не уступил» [Там же. С. 216].

Несомненно, что у Достоевского было пристрастие к маркированным онимам, особенно к онимам с определенной семантикой. Подобные имена персонажей кочуют из одного произведения в другое, таким образом, являясь свидетельством постоянных размышлений писателя о важных проблемах истории и современности.

Исследователи творчества Достоевского нередко решают проблему выбора имени писателем, анализируя этимологию имен и отчеств героев. Как известно, в библиотеке писателя был «Календарь для духовенства. Приложение к газете “Церковно-общественный Вестник”» 1873–1878 годов и «Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четых-Миней, по месяцам в 12 книгах» 1860–1861 годов [3]. Несомненно, что Достоевский знал толкования личных имен даже без обращения к подобного рода изданиям: для образованных людей знание древнегреческого языка и латыни было нормой.

Рассматривая ономастические приемы творческой лаборатории Достоевского, необходимо обратиться к окружению писателя, так как во многих произведениях можно встретить героев с фамилиями и именами его современников, которые были ему знакомы или о которых он был наслышан.

Например, будучи в детстве в доме своей тетки А.Ф. Куманиной, Достоевский мог слышать фамилию управляющего московской конторы Государственного Коммерческого банка Е.Г. Рогожина и имя его жены Настасьи Филипповны. Так реальные онимы, переосмысленные писателем, вошли в роман «Идиот», где получили символическое значение.

Другим излюбленным приемом Достоевского является языковая игра, например, фамилия *Рутеншпиц* созвучна известному в то время слову *шпицрутен* – из нем. *Spießrutenlaufen*: *Spieß* – «копье, пика» и *Rute* – «хлыст». Как указывает В.П. Владимирцев, «простейшее каламбурное анаграммное преобразование фамильного слова «Рутеншпиц» дает печально известное и страшное в кнutoбойной России слово “шпицрутен” (с немецкого: орудие телесных наказаний)» [4]. Интересны с точки зрения семантики практически все иностранные имена. Например, мальц-экстракт Гоффа в романе «Братья Карамазовы» оправдал надежду черта вылечиться от насморка: *Hoffen* – «надеяться» [Т. 15. С. 76].

Характерен для творчества Достоевского прием именования персонажа через соотнесение с тождественным именованиeм, употребляемым в фольклорных текстах: пословицах, поговорках, загадках, сказках. Фамилия *Лебядкина* отсылает к фольклорному образу невесты – белой лебедушки.

Вводя в свои произведения семантически значимые ономастические единицы, Достоевский раскрывает их значение уже в романе. Так, фамилия *Карамазов* имеет в тексте эквивалент *Черномазов*. Интересно, что, используя фамилии со значимой основой, Достоевский придает своим

героям черты, диктуемые фамилией. Например, в романе «Бесы» у губернатора Лембке (*lamb* англ. — «барашек, баран») «бараний взгляд» [Т. 10. С. 275], «бараны глаза» [Т. 10. С. 48], у Лебядкиной «длинная и сухая шея» и выбеленное лицо — чем не сказочная царевна Лебедь? [Т. 10. С. 215].

В связи с фамилией *Лебядкина* необходимо отметить особую тягу Достоевского к орнитоморфным онимам: Иволгины, Лебедевы, Снегиревы, Лебядкины, Дроздовы — этот ряд можно продолжать. По мнению М.С. Альтмана, данный прием обусловлен исторически: во время создания великого пятикнижия в Петербурге были известны денежные дельцы с птичьими фамилиями — Воронин и Утин [5]. На наш взгляд, подобные фамилии выполняют несколько функций, например, указывают на незнатное происхождение героев (Птицын, Лебедев и др.), являются своеобразным знаком героев, противоположных автору по нравственным взглядам. Излюбленный вопрос Достоевского «ты что за птица?» герои задают, пытаясь разобраться в человеческой сущности: «"Да ты что за птица такая?" — вскричал он вдруг, покрасневшись. — "То и есть, что птица!" — "Какая?" — "Такая". — "Какая такая?" — "Да уж одно слово такая". — "Да какая?"» [Т. 4.С. 23]. Приведенная выше сцена из «Записок из Мертвого дома», полностью соответствующая сцене, внесенной Достоевским в Сибирскую тетрадь, возникает и в романе «Бесы»: «Во-первых, сама ты что за птица?» — спрашивает Варвара Петровна Ставрогина Софью Матвеевну [Т. 10.С. 502] и далее сама же отвечает на свой вопрос: «Об уме его не такой вороне, как ты, судить» [Т. 10. С. 503]. Птичьи именованья способствуют формированию сквозных мотивов, являющихся текстообразующими для каждого произведения, но и объединяющими романы Достоевского в единый текст, что обусловлено легкой «прочитаемостью» и ассоциативностью антропоморфных антропонимов.

Достоевским используются онимы, значение которых объясняется вызываемыми ассоциациями, например, антропоним хроникера романа «Бесы» — *Антон Лаврентьевич Г-в* — ставит героя в один ряд с летописцами благодаря ассоциативной связи отчества с именем автора одного из списков «Повести временных лет» — монаха Лаврентия. Неслучайно использование имени в качестве отчества: так Достоевский выразил не только идею преемственности, но и отнес события, произошедшие в уездном городке, к числу исторически важных государственных событий [6].

Как верно замечает Б.Н. Тихомиров, у Достоевского «семантическая конфликтность имени и фамилии персонажа выражает столкновение, борьбу противоположных начал внутри героя» [7]. Подобный прием легко обнаруживается в антропониме Лев Мышкин, Родион Раскольников, Алексей Карамазов.

Многие исследователи творчества Достоевского занимаются поиском прототипов героев с целью объяснения их фамилии, хотя это не всегда оправданно, так как писатель чаще заменял фамилию прототипа или

творчески переосмысливал ее. Последнее можно наблюдать относительно фамилии губернатора в романе «Бесы». Как указывает М.С. Альтман, прототипами четы Лембке стали тверской губернатор П.Т. Баранов и его жена. Русская фамилия заменена писателем на иностранную с сохранением семантического значения [8].

Другим приемом, связанным с переосмыслением фамилии прототипа, является использование ассоциаций, вызываемых фамилией прототипа. Например, для характеристики Шигалева часто используются эпитеты вислоухий, длинноухий, что связано с фамилией его прототипа — В.А. Зайцева.

Небезынтересно обратиться к топонимам, встречающимся в произведениях Достоевского. Реальные макротопонимы вводятся писателем без изменений, но в тексте приобретают символическое значение. Микротопонимы нередко зашифровываются, но благодаря сохранению начальной буквы и наличию грамматических признаков остаются узнаваемыми. В топониме *Т.* в романе «Бесы» легко узнается Тверь времен пребывания там писателя. Улицы и мосты, упоминаемые в романе «Преступление и наказание» и обозначенные одной буквой или буквенным сочетанием, также известны читателю, знакомому с топографией Петербурга.

Вымышленные топонимы в творчестве Достоевского, начиная с названия *Рулетенбург* в повести «Игрок» [Т. 5. С. 208], обязательно связаны с антропонимической системой того произведения, в котором они появляются. В романе «Бесы» большинство героев «летает». Именно этот глагол используется для обозначения каких-либо передвижений Липутина, Шатова, Ставрогина, Лембке, Петра Степановича Верховенского, Лизы, Марьи Тимофеевны и ее брата. В романе нет тишины, повсюду шум, как будто бы птичий гвалт, да и многие герои с «птичьими» фамилиями: Дроздовы, Лебядкины, Гаганов. «Птенцами» хроникер называет Ставрогина и Верховенского, птенцом является и Шатов, который «с год тому назад вернулся <...> в родное гнездо» [Т. 10. С. 27]. Для бесовского гнезда, которым является усадьба Ставрогиных, Достоевский выбирает вполне подходящее название — *Скворешники*, соотнеся метафорически такую особенность скворцов, как бестолковую подражательность, с поведением легковушаемых соучастников убийства Шатова.

Несомненна связь топонима *Скотопригоньевск* с именованием персонажей романа «Братья Карамазовы»: «поросятчиками» называет своих детей Федор Павлович Карамазов [Т. 14. С. 125], «поросенком» величает Черт и самого Федора Павловича [Т. 14. С. 88], его побочный сын, лакей Смердяков, также подается Достоевским в «скотском обличье»: он и вол, и ослица, и «передовое мясо», и «болезненная курица» [Т. 14. С. 119, 91, 121, 122, 428]. Проблема превращения человека в животное, затронутая писателем уже в романе «Бесы» в человеконенавистнической теории Шигалева, считающего, что люди «должны потерять личность и обратиться

вроде как в стадо» [Т. 10.С. 312], рассматривается в последнем романе Достоевского как катастрофическая неизбежность.

Как видим, Достоевский использовал разнообразные ономастические приемы. Очевидным является то, что они переходят из одного произведения в другое, представляя собой авторскую ономастическую систему.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972—1990. Далее указ. только том и стр.
2. *Достоевская А.Г.* Записная книжка 1881 года // *Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников.* СПб., 1993.
3. *Гроссман Л.П.* Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М., 1923.С. 43.
4. *Владимирицев В.П.* Немецкая тема в «петербургской поэме» Ф.М. Достоевского «Двойник» // *Три века русской литературы: Межвуз. сб. науч. тр.* М. — Иркутск, 2004. Вып. 9. С. 176—182.
5. *Альтман М.С.* По вехам имен. Саратов, 1975. С. 73.
6. *Скуридина С.А.* Именование хроникера в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // *Русская речь.* 2017. № 2. С. 10—13.
7. *Тихомиров Б.Н.* Почему Родион Раскольников? // *Русская речь.* 1986. № 2. С. 36.
8. *Альтман М.С.* Этюды о романе Достоевского «Бесы» // *Прометей.* М., 1975. № 5. С. 442—447.

Воронежский государственный технический университет

Сакральные топонимы Русского Севера

© Л. В. МИХАЙЛОВА,
кандидат философских наук

Статья является результатом исследования сакрального пространства Русского Севера на примере топонимов островов Валаамского и Соловецкого архипелагов, основанных на мифологической, православной и библейской лексике, а также названий, образованных от имен иноков.

Ключевые слова: первобытный, мировоззрение, православный, библейский, Валаам, Соловки, монастырь.

The article is the result of the study of the Russian North sacred space in the example of toponyms of the Valaam and Solovki archipelago Islands, based on the mythological, Orthodox and biblical vocabulary, as well as formed of the monks names.

Key words: primeval, worldview, Orthodox, Biblical, Valaam, Solovki, monastery.

Сакральное пространство Русского Севера включает культурный ландшафт северных монастырей, святые места, являющиеся объектами поклонения верующих, совершающих паломничество к ним. Эти монастыри создавались в ландшафтах, имевших сакральное значение для первобытных людей как места поклонения языческим богам, языческие капища. Процесс создания топонимов в до-религиозный период шел параллельно процессу освоения («сотворения») мира и имел на первых этапах мифологический характер.

Осваивая новое пространство, человек знакомился с расположенными в его границах географическими объектами, именовал их, называя именами растений или животных, являющихся для него священными. К таким топонимам, можно отнести названия бухт, мысов, гор, внутренних озер, островов Валаамского архипелага: Сосновый (остров), Олений (мыс), Налимий (остров), Змеиный (мыс).

Священными были также и камни, небольшие острова на Ладожском озере, которые напоминали силуэтные изображения животных и птиц, например, Гусь-камень (остров), расположенный к юго-востоку от Валаама. В древних верованиях аборигенов севера особое место занимал культ камней. В восточной части острова Валаам находится гора Черный Нос, которую называют также Лысая Гора. Известный исследователь

язычества Б.А. Рыбаков пишет, что «само название “Лысая Гора” уже говорит в пользу древнего ритуального места. В позднейшие христианские времена с Лысыми горами связывали всегда предания о нечистой силе, о шабашах ведьм и ведьмаков» [1]. Безлесая вершина Лысой Горы на Валааме была также местом совершения языческих обрядов. Как символ новой веры, установлен монахами на скале большой деревянный крест под навесом. Крест был хорошо виден издалика с Ладоги и служил маяком для рыбаков. Скалы Валаама, часто похожие на огромных размеров человека, воспринимались в древние времена как лики богов, им поклонялись, так как считали их священными.

По народным представлениям слово, имя имеют магическую силу. Так, слова волхв, волхвовать являются звукоподражаниями, имитацией неразборчивой, неясной речи, в латинском языке им соответствует *balbutire* «закататься, запинаться, бормотать». Считается, что речь колдуна, шамана, жреца не может быть внятной, понятной окружающим. Совершая магические ритуалы, они доводят себя до состояния транса, мистического экстаза, при этом речь их теряет членораздельность. Возможно, с волхвованием связано название острова Бармадан, расположенного к северо-востоку от Валаама. Второе название острова – Бормотун. Оба топонима созвучны. На московском диалекте «барма» – «бормотун, неясно, невнятно говорящий» [2].

В топонимии Валаамского архипелага встречается дуалистический принцип противопоставления, характерный для мифологического сознания. По определению В.В. Иванова, мир описывается системой основных содержательных двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций), определяющих пространственные, временные, социальные и тому подобные его характеристики [3]. Дуалистический принцип противопоставления: светлый – темный, красный – черный отразился в топонимах: Красный (залив, мыс) – Черный (залив, мыс). Причем, объекты с топонимами Красный – Черный расположены напротив друг друга. Если мы на карте проведем линию от северо-восточной оконечности Валаама, где расположены объекты с названием Черный, то она соединится с юго-восточной частью острова, где находятся мыс, бухта, гора с топонимом Красный. В топонимии Соловецкого архипелага дуалистический принцип противопоставления выражен в топонимах: Серая Вода (озеро) – Серебряное (озеро); Скатерка (озеро) – Тряпка (озеро); Тундровое (озеро) – Песочное (озеро); Промысловое (озеро) – Чудотворное (озеро); Толстик (мыс) – Тонкий (мыс) и др. [4. С. 70].

В русской топонимии островов Валаамского архипелага выделена группа мифологических топонимов, например: **Ваал:** Валаам (остров), Валам (остров), Валамо (остров), Старый Валаам (остров), Новый Валаам (монастырь); **гора:** Лысая Гора (гора); **горы:** Горы Валаама (о. Валаам), Святые Горы Валаама (о. Валаам); **гусь:** Гусь-камень (остров); **дева:** Девичий

(остров), Девичий (полуостров); **женщина**: Женская (бухта), Женский (мыс); **камень**: Гусь-камень (остров).

Сакральное пространство Соловецкого архипелага дохристианского времени составляют мифологические топонимы, отражающие мировоззрение первобытных людей островов и побережья Белого моря, это священные деревья: дуб, сосна, ель, береза. Сравни: Березовое (озеро), Березовский (остров), Новососновая (губа), Сосвенкино (озеро), Сосновое (озеро), Сосновая (губа), Сосновой Губы (залив). К священным животным Соловков можно отнести почитаемых на Русском Севере, в Поморье и Карелии, представителей животного мира таких, как лось, олень, медведь, выдра, волк; морских животных и рыб: кит-белуха, тюлень, семга, кумжа, щука; птиц: гагара, журавль, лебедь, орел, чайка, названия которых встречаются в мифологических топонимах островов Соловецкого архипелага, сохранившихся до наших дней. Сравни: **волк**: Волчье (озеро), Волчьи (горы); **гагара**: Гагарье (озеро); **дрозд**: Дрозды (озера); **журавль**: Журавлиное (озеро); **лебедь**: Большое Лебяжье (озеро); **орел**: Светло-Орлово (озеро); **пес**: Песья Луда (остров); **чайка**: Чайка (озеро); **щука**: Щучье (озеро) и др.

В монастыре существуют различные виды табу: на светское имя, одежду и т.д. Желая поступить, например, в Валаамский монастырь должен был получить на то благословение от настоятеля. С отдачей своей собственности на сохранение в монастырь, с облачением его в монастырские одежды и получением нового имени, начиналась новая жизнь для человека. Именование имело сакральный и идентификационный смыслы, означало смерть в одном статусе и рождение в другом. Лишаясь своего мирского имени, монах лишался всего, что было с ним связано в прошлом, в светской жизни, он умирал для всех близких и знакомых ему людей и вновь возрождался для новой жизни с получением другого имени после пострижения. В Валаамском монастыре было принято давать инокам имя, начинающееся с той же самой начальной буквы, что и его мирское имя. Павел мог получить имя Петр, а Георгий — Гавриил. Б.К. Зайцев пишет, что «монахам часто дают особенные имена, не встречающиеся в миру: они тоже надевают нечто на человека, отделяют его тончайшей и прозрачной, но все-таки завесой — Иувиан, Эолий, Милий» [5]. По мнению П. Флоренского, человек, претерпевший религиозное перемещение, перестает быть, с мистической точки зрения прежним человеком, что отражается на его имени [6]. Отантропонимными наименованиями являются Авраамиевский (остров, скит) < Авраамий; Миновские (мысы, острова) < Мина (Валаамский архипелаг) и др. Эти топонимы содержат в себе память о носителях имен, являются сакральным отражением их реальной жизни, например, топонимы Валаамского и Соловецкого архипелагов: **Авраамий**: Авраамиевский (остров), Авраамиевский (скит); **Виталий**: Витальевское (озеро); **Герман**: Германово (поле); **Илья**: Ильинская (гора),

Ильинский (скит); **Мина**: Миновские (мысы), Миновские (острова), Миновские (проливы); **Никон**: Большая Никоновская (бухта); **Серапион**: Серапионовская (дорога); **Феодор**: Феодоровская (гора) и др. (Валаамский архипелаг); **Андрей**: Андреевская (пустынь); **Вениамин**: Вениаминово (озеро); **Зосима**: Зосимова (пустынь); **Елеазар**: Елизарова (пустынь); **Еремей**: Еремеева (губа); **Кирилл**: Кирилловская (губа); **Леонид**: Леонидово (озеро); **Савватий**: Савватиева (пустынь); **Филипп**: Филиппова (пустынь) (Соловецкий архипелаг).

Преобразование среды в знаковую систему, где в роли знака выступают географические объекты или элементы культурного ландшафта, а в роли означаемого — архетипы, трансцендентные понятия и категории и соответствующие символы, создает религиозно-мифологическую или сакральную географию. Ландшафты монастырей Русского Севера характеризует топоним «Святой». Остров Святой, где много лет прожил в пещере прп. Александр Свирский, входит в состав Валаамского архипелага. Монахи Александро-Свирского монастыря соединили каналом озеро Святое с Рощинским. В Соловецком архипелаге озера с топонимом «Святое» находятся на островах Анзерский, Соловецкий [4. С. 72]. Прочтение ландшафта Валаама как иконы возможно с помощью сакральных топонимов, основанных на православной лексике с лексемами: монастырь, скит, крест, святой, пустынь: **благовещение**: Благовещенская (часовня); **игумен**: Игуменское (кладбище), Игуменское (озеро), Игуменское (район Валаама); **келья**: Келья схимонаха Николая (пустынь); **крест**: Крестовое (озеро), Крестовый (залив), Крестовый (остров); **монастырь**: Монастырская (бухта), Монастырская (дорога); **монах**: Монашеский (остров); **скит**: Большая Скитская (гора), Скитский (остров). В связи с созданием на острове Нового Иерусалима, в топонимии Валаама появились библейские названия: Елеон (гора); Гефсиманский (сад, скит); Кедрон (канал); Кармил (гора); Мертвое Море (озеро); Иерусалимская (пристань); Иордан (канал); Иосафатова Долина (поле); Моление о Чаше (часовня); **пещера**: Пещера Гроба Господня (церковь), Пещерный Храм (церковь); **Предтеча**: Предтеченский (остров), Предтеченский (пролив); **Сион**: Сион (гора); **Фавор**: Фавор (гора) [7].

Символизация пространства Соловецкого архипелага нашла отражение в топонимии, основанной на православной лексике с лексемами архимандрит, паломник, архангел, игумен, икона, пустынь: **архимандрит**: Архимандритское (озеро); **паломник**: Паломническая (пристань); **пустынь**: Андреевская Пустынь, Елизарова Пустынь, Филипповская Пустынь; **архангел**: Архангельские (ворота), Архангельская (башня); **Голгофа**: Голгофа (Гора Голгофа) (гора); **Иордан**: Иордан (озеро); **Троица**: Свято-Троицкий (скит); **Фавор**: Фавор (гора) и др.

Таким образом, в топонимии Валаама и Соловков можно выделить две группы топонимов: сакрально — религиозные топонимы и мирские, связанные с экономическими и хозяйственными проблемами монастырей.

В группу «Сакрально – религиозные топонимы» входят названия мифологического времени, характеризующие животный, растительный мир островов, верования и религиозные воззрения жителей Валаама и Соловков:

- мифологические птицы, сравним: Чаячьи (острова), Гагары (острова) (Валаамский архипелаг); Гагарье, Гагар (озеро), Большое Лебяжье (озеро), Лебединое 1-е (озера), Лебединое 2-е (озера), Чайка (озеро) (Соловецкий архипелаг);

- хтонические животные, сравним: Змеиный (остров, мыс), Змеиная (гора) (Валаамский архипелаг);

- священные животные, рыбы: сравним: Олений (мыс), Налимий (остров) и др. (Валаамский архипелаг); Белужья (губа), Белужий (мыс), Нерпичья (губа), Тюлень (озеро) и др. (Соловецкий архипелаг);

- священные камни, сравним: Гусь-камень (остров), Сорокины (луды) (Валаамский архипелаг); Песья Луда (остров) (Соловецкий архипелаг);

- расположение объектов на местности, согласно вертикальной и горизонтальной структуре мира, сравним: Восточный Сосновый (остров), Западный Сосновый (остров) (Валаамский архипелаг); Восточная Соловецкая Салма (пролив), Западная Соловецкая Салма (пролив), Хлебное Северное (озеро), Хлебное Южное (озеро) (Соловецкий архипелаг);

- символы жизни и смерти, сравним: Зеленый (остров), Сухой (остров) (Валаамский архипелаг); Зеленое (озеро), Зеленый (мыс) (Соловецкий архипелаг);

- священные обряды, сравним: Бармадан, Бормотун (остров), Девиный (остров, полуостров), Лысая Гора (гора) (Валаамский архипелаг); Лабиринтов (мыс), Поклонная (гора), Чудотворное (озеро) (Соловецкий архипелаг);

- топонимы, происшедшие от имен богов и божеств, сравним: Валаам, Дивный (остров), Дикий (остров), Лихочун (остров) (Валаамский архипелаг);

- топонимы – метафоры, сравним: Черный Нос (гора, мыс), Горбатый (луг, мост), Московская Губа (залив) (Валаамский архипелаг); Большое Горбатое (озеро), Горбатое (озеро), Летняя Губа (озеро), Трегубое (озеро) (Соловецкий архипелаг);

- отантропонимные наименования, образованные от собственных имен валаамских и соловецких иноков, сравним: Ефремовский (скит), Миновские (мысы, острова, проливы) и др. (Валаамский архипелаг); Зосимова (пустынь), Зосимы (остров), Еронимово (озеро), Большое Елизарово (озеро), Кирилловская (губа), Кирилловская Тоня (урочище), Кириллово (район) и др. (Соловецкий архипелаг);

- топонимы, основанные на православной лексике, сравним: Игуменское (кладбище, озеро), Скитский (остров), Святой (остров), Крестовое (озеро) и др. (Валаамский архипелаг); Игуменский (остров), Келья старца

Паисия (пустынь), Свт. Филиппа Келья (пустынь), Святое (озеро), Святозеро (Светозеро) (озеро), Святой (канал) (Соловецкий архипелаг);

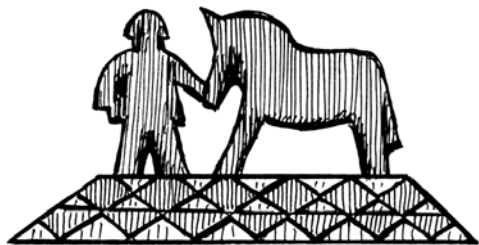
— библейские названия, сравним: Иерусалимская (пристань), Иордан (канал), Иосафатова Долина (поле), Предтеченский (остров) и др. (Валаамский архипелаг); Голгофа (Гора Голгофа) (гора); Иордан (озеро); Троицкая (губа); Фавор (гора) (Соловецкий архипелаг);

Таким образом, в топонимии Валаама и Соловков выделяется группа топонимов, относящихся к мифологическому времени, когда человек, осваивая территорию, ограничивал ее с помощью названий, являвшихся священными. Топонимы Валаамского и Соловецкого архипелагов идентичны различным сторонам и аспектам сакральной и мирской жизни монахов. Проведенное исследование показывает, что в топонимии островов Валаамского и Соловецкого архипелагов количество сакральных топонимов превышает количество установленных мирских названий, так как сакральное пространство, которое они отражают, включает до-религиозный период Валаамского и Соловецкого архипелагов, окружающую природу, духовную жизнь иноков, библейские названия. Это значительно превышает реальное пространство Валаама и Соловков с географическими объектами и хозяйственными постройками Спасо-Преображенских монастырей.

Литература

1. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 230.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1989. Т. I. С. 50.
3. Иванов В.В. Славянская мифология // Мифы народов Мира. В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 3.
4. Михайлова Л.В. Преображение Русского Севера. Петрозаводск, 2015.
5. Зайцев Б.К. Валаам // Север. 1991. № 9. С. 116.
6. Флоренский П. Оправдание Космоса. СПб., 1994. С. 56–57.
7. Михайлова Л.В. Валаам в географических названиях. Топонимическая карта. Петрозаводск, 2012.

Петрозаводский государственный университет

Названия крестьянских построек, помещений для скота и домашней птицы в Воронежской области

© Л. В. НЕДОСТУПОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются наименования крестьянских построек, помещений для скота и домашней птицы, используемые в говоре поселка Высокого Таловского района Воронежской области в XX веке. Указан ареал функционирования представленных лексических единиц в воронежских говорах и говорах других территорий.

Ключевые слова: диалектное слово, народные представления о мире, особенности ведения хозяйства, образ жизни крестьянской семьи, строительный материал, функциональные особенности помещений, утепленные и неутепленные постройки.

The article considers the names of peasant buildings, premises for livestock and poultry used in the dialect of the village High Talovsky district of Voronezh region in the twentieth century. The specified area of operation submitted by the lexical units in Voronezh talk and talk to other territories.

Key words: dialectal word, folk beliefs about the world, especially farming, the peasant way of life of the family, building material, functional features of the premises, and no premises insulated buildings.

Поселок Высокий, расположенный в Таловском районе Воронежской области, сравнительно молод: он был основан в 1922 году. Удобное расположение и хорошо развитая для сельской местности инфраструктура привлекают сюда тех, кто по разным обстоятельствам меняет место

жительства [1]. Этот населенный пункт имеет свою историю, традиции, особенности ведения крестьянского хозяйства. Высочане отличаются от жителей близлежащих деревень особым трудолюбием.

Предметом нашего внимания в данной работе стали наименования крестьянских построек и помещений для скота и домашней птицы, записанные в полевых условиях по Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. В качестве респондентов выступили представители старшей возрастной группы (70–80 лет).

Диалектное слово и его значение представляют значительный интерес и в историко-лексикологическом плане, так как история слова, отражая развитие народных представлений о мире, всё же в первую очередь позволяет представить исторический процесс развития языка [2].

Постройки для содержания скота и птиц на Высоком различаются по функциональным особенностям: утепленные (для зимнего использования) и неутепленные (для летнего использования). К утепленным относятся: *сарай, котух, хлев, амбар, анбар, клетушка, овчарник, овчарня, курник, курятник, свинарник, закут, конюшня, голубятня, крольчатник, садок*.

К неутепленным относятся: *денник, варок, баз, навес, станок, утятник, гусятник, конура, курень*.

Рассмотрим комплекс традиционных хозяйственных построек и помещений для скота и птицы.

Сарай, котух, хлев — помещение для содержания скота в холодное время года: «Сараи у нас строят длиннай, чип пад аднэй крышай два-три сарая была: и для карови, и для телят, а хто и ни адну каравёнку дяржал, а две. Вот на фсё и расчитвали» (Все слова проверены по картотеке словаря Воронежских говоров, хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского госуниверситета. В статье используется упрощенная транскрипция. Звук *г* в говоре фрикативный). Лексема **сарай** имеет широкое распространение [3. Т. 36. С. 129]. «Ф катуху зимой тятло, я фсё падабью, утятлю, чип карова вымю ни застудила, да тятку была тятло. Папаня тады катух хлевам называл, а я так папривык». Слово *котух* имеет огромный ареал функционирования [Т. 15. С. 114]. В Воронежской области *катух* распространено практически повсеместно: Калачеевский, Нижнедевицкий, Поворинский, Рамонский, Россошанский, Павловский, Бобровский, Бутурлиновский, Верхнехавский, Хохольский, Терновский, Эртильский, Семилукский, Аннинский, Новоусманский и Лискинский районы.

Денник, баз — огороженный участок при доме для содержания домашних животных в теплое время года (летом): «На деннике карова начавала кали тятло станя, с мая да актября. Када халадно, дяржали ф сараи, чиб вымю ни застудила, а то тады мастит начнетца. Эт для карови апасна: и для удою, и сама ана мучитца будя». Лексема *денник* широко распространена в говорах [Т. 7. С. 351]. В Воронежской области употребляется в Хохольском, Семилукском, Поворинском, Верхнехавском

и Эртильском районах [4. Т. 2. С. 169]. «На базу фсяды тялят летам дяржал, када ани бальшия стали, я йих на выган ни ганял, а то сарвутца да каго забрухають. Я йим накашвал травы тялегу. Парани фстану, лошадь запяргу и да работи съездию накашу и привязу. На два дня хватя, а тады апеть паеду. Травы летам много нарастеть, асобинна ежели дажди пирпадають». Лексическая единица *баз* зафиксирована на огромной территории [Т. 2. С. 46]. Слово *баз* употребляется в Семилукском районе Воронежской области [4. Т. 1. С. 54].

Варок — огороженный участок при доме для овец, телят и коров: «Варки у мене хорошаи. Авечти на аднэм летам пасутца, а в жару с няго заходють ф афчарник. Я йих рядом з варком пад навесам и пастрыгу. Ташу разлажу и стрыгу, чип шэристь чистинтия была. А тады зимой бапка шэристи напридеть и насти фсем навяжа. У карови свой варок окала сараю». Лексема *варок* отмечена не только в Воронежской области [Т. 4. С. 59–60]. На территории Воронежской области слово *варок* зафиксировано в бобровских, лискинских, хохольских и аннинских говорах [4. Т. 1. С. 191].

Навес — постройка с крышей, но без стен, для содержания скота, а также для сушки зерна, фруктов и овощей (в том числе лука и чеснока) и др. хозяйственных целей: «Навес делать ни чижало, тясовыи страпилы паставил да шифирам пакрыл, вот табе и навес гатоф. Кармушку паставил, куды корам класть, а паили в вёдрах цинковых иль лимянёвых бальших. Для скатини строили навес паболи и павыши, а лук и часнок сушить ни-высокантий, чиб дош ни засякал, ни мачил».

Канюшня — помещение для лошадей: «Лашадей дяржали на канюшни. У мене была две лошаatti. Адна забалела, я йие сдал на мясу. А мерин Варанок у мене был красавиц. Сильнай, бальшой, ну характернай. Скок он паяшачил. Он вить и пахал, и сажал, и корам вазил. Я каровку-та дяржал, а ей трафка нужна. На вичир нада накасить, да на зиму заготовить, да пирвясти. Фсё на нём».

Станок — отгороженное место, стойло для одной лошади: «Када лошать атдыхая, я йие ф станке дяржал дома. Там у ней кармушка стаяла, силаску давал. Траву ана ф поли ела, када ездил касить на ней. Ну скажу, чё лошать съядая сток жа, скок и карова». Слово *станок* распространено в данном значении в ивановских говорах [Т. 41. С. 62].

Овчарник, овчарня — постройка, помещение для содержания овец в холодное время года: «В афчарники места многа для авечик, у мене йих фсяго семь бальшэинтих и три малинтих ярачти. Там я зделал две кармушти. Ани такая: палачтя, прамяжутах, палачтя, прамяжутах. Афца голву прасоввая и йисть сену, а па сараю ничё ни валяитца. Кармлю три раза на динь. И паю такжа». *Овчарник* имеет очень широкое распространение [Т. 22. С. 306]. «Афчарня тут у мене паявилась, када авец завёл. Я дяржал йих ток для сибе и на шэристь на наски». В рассматриваемых нами словарях эта лексема не отмечена.

Свинарник — помещение для содержания свиней: «У свахи фсяды памнога свиньийф была, ну у ней ани шли, расли быстра. Ана аткармвала харашо. У них свинарник паболи ат маго был, чиб мястоф фсем хватала». Слово *свинарник* в названном значении зафиксировано в рязанских говорах [Т. 36. С. 280].

Закут — небольшое отгороженное место в сарае для скота (в т.ч. для содержания овец и свиней): «В закуте у мене парасёначик сидел. Кажнай рас как кармить, спярва нада вычистить, чиб был сухантьий. Ну у мене он чистай был. Я яму измяльчёную сёну и струшти стялил. Када афца аכותитца, я йигначьтёф с матрий в закут атбиваю, чиб ани к ней папривыкли, чип сасали малако». Рассматриваемая лексическая единица *закут* отмечена в Тверской и Донской области [Т. 10. С. 181]. В Воронежской области слово функционирует в Россошанском, Лискинском, Нижнедевицком, Аннинском и Таловском районах.

Клетушка — небольшое помещение для одного животного, например, маленького теленка: «Как карова атылилась, у мене рядом клетушка. Я туды талочта занясу, а тады паю малаком. Пять разоф на динь папярва паю, а тады три раза». В значении *хлев для поросят* лексема *клетушка* зафиксирована в Ивановской области [Т. 13. С. 287].

Курник, курятник — теплое помещение для содержания кур: «Курник у мене прям ф сарай. Там дверь атдельна. Справа насесьти, слева гнёзды — яшичти с сянцом. В них куры нясутца. Курьца любя гнездо сухая. Ну а какия и бяз гнёст нясутца, можа и в каровью кармушку залесть, када карови нету, да и там снисеть». Слово *курник* имеет большую территорию распространения [Т. 16. С. 136]. В Воронежской области *курник* отмечено в Хохольском, Терновском, Бобровском, Рамонском, Павловском, Репьёвском, Верхнехавском, Таловском, Острогожском, Эртильском, Аннинском, Семилукском, Лискинском и Нижнедевицком районах. «Я курятник летам фсяды чишшу и бялю извёскай, так паложна, чиб никакой инфекции ни было. У мене рани фсё эта бапка делала, а типерича сам. Да и акрамя курей ничаго ни дяржу, ну йих садыржу ф парятти».

Насесть — перекладина в курятнике, на которой сидят куры: «Насести у мене, где куры ночий сидять, сделны ис широтих ветак. Спицальна искали ровнаи и твёрдаи, чиб выдиржала курьцу и питуха. Адна панижи, другая выши и третия ишшо павыши, и так штук пять. Рани кур па палсотни дяржали. Сямья бальшая была, яйцы никада ни пакупали. В дивевни такой моды ни было. У ва фсех фсё сваё была». Слово *насесть* зафиксировано в нескольких областях [Т. 20. С. 160].

Голубятня — постройка для содержания голубей: «Сын у мене дюжа любил галубей. Пришлось делать яму галубятню. Я йие сделал в рыги, где корам на зиму скату ляжал. Там наварьху и пристроил дамок. Акошку сделал, лазу, чиб влятали и вылятали на воздух. Када в небу падымаютца, ашник сердца замирая».

Утятник — постройка для содержания уток в тёплое время года: «У нас тады мама фсяды утей дяржала. На фсех дитей па дсятку и сабе десить. Шийсят галоф у ней было. Делали утятник: загаражвали яго, да шифярины клали, ани там с вясны да перьвых маразоф. А тады резали на салу да кабарушти салили, хто как хател». Лексическая единица **утятник** употребляется в Новоусманском районе.

Гусятник — помещение для содержания гусей: «Гусятник за домам был. Там пад навесам гнёзды стаяли. В них саломка сухая ляжала. Гусыни када время падайдеть, садилась нястись. Тады сидять в гнёздах. Када снясуть, яйца вынаю и в дом пат кравать, ф тёмнаю месту схараню. Када нанясли паболи, да и пятаплея на дваре, эт в апрели иль в майи, мы з бапкай фсе пирглядим на святу и тады паткладаю, гусыни садятца. Сидять и высижвають гусятка. Хажу гляжу, как паявилси, так ф хату занашу и в ящик сажаю, чиб ни замёраз гусёнак. Ани тепло любюють». Лексема **гусятник** имеет распространение и на территориях Смоленской, Псковской и Липецкой областей [Т. 7. С. 249]. Это слово употребляют в речи жители Новоусманского, Грибановского, Семилукского и Лискинского районов Воронежской области [4. Т. 2. С. 144].

Садок — место для откармливания гусей: «Па осини гусей дяржал ф сатку. На прут уже ни пускал, кармил и чиб ани многа ня двигались, салу наядали. Пашаницу давал, клёцти делал и пайил. Эт каких резать готовил, эти ф сатку сидели. А энти в гусятники так и были, каких на племя оставлял зимавать». В значении большая клетка, в которой держат птиц, слово **садок** отмечено и в Вятской, Волгоградской, Ивано-Вознесенской областях [Т. 36. С. 34–35].

Крольчатник — место для содержания кроликов: «Кролити ф клетти сидели па адном и па два. А клетти стаяли ф кральчатнити. У нас памнога йих была, да в адин гот фсе памерли. Кролити баятца инфекцаю. Ежли адин забалел, фсе пирядохнуть, ниhto ня выживя. Маркотныи ани. С таго времени боли йих ни дяржу. Кральчатник пустой стаить, клетти людям раздал, мне ани ня нужны типерича».

Амбар, анбар — помещение для хранения зерна, используемого в качестве корма домашних животных и птиц: «Када урожай плоханьтий был, амбары пустыя были... У мене в анбари лари стаять, в них зярно на гот засыпайим. Там йие ниhto ня троня, ана сухантия и харошантия ляжить». Лексема **анбар** имеет огромную территорию распространения [Т. 1. С. 255].

Конура, курень — постройка для собаки: «Саба ти фсяды у нас на дваре, рани была три: адна на гароди стириге, другая за домам, третья ва дваре ахраня. У ва фсех канура. Кабель у мене на привизи. Курень у няго дочтя дажа покрасила летам. Он диравяннай, я садяржу яго харашо. Чужога ня пустя, свайих зная. Кали тятло, ана на дваре скача, а кали дош иль халадно, ф кануре спить иль сидить».

Специфика строений соответствовала особенностям хозяйства, быта и образу жизни высочан.

Основным строительным материалом являлось дерево, лучшими породами считались сосна, ель и дуб, позже стали строить из кирпича и камня.

Названия крестьянских построек, помещений для скота и домашней птицы активно бытовали в речи представителей старшей возрастной группы в XX веке. Люди среднего возраста и молодое поколение понимают значение рассмотренных нами слов, но самих построек, помещений, которые обозначались этими словами, в их хозяйствах, усадьбах уже нет, в них отпала необходимость, изменились условия, характер трудовой деятельности. Многие лексические единицы сохраняют свое общенародное значение, другие остались диалектизмами, в которых отражаются особенности местного говора.

Литература

1. *Гриднева Л.Я., Гриднева Л.М., Бочарников М.И.* Высокий. Время, события, люди. 1922–2007. — Таловая: Таловская районная типография, 2007.— 44 с.
2. *Шубина Н.Г.* Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области // Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Елец, 2004. С. 2.
3. *Словарь русских народных говоров.* СПб., 1965.—
4. *Словарь воронежских говоров* / Под ред. Г.Ф. Ковалева. Вып. 1. А — Вячать. Вып. 2. Га — Жучок. Воронеж. 2004–2007.

Воронежский государственный технический университет

«Милый мой — моя утеха»

© Г. В. СУДАКОВ,

доктор филологических наук

Статья посвящена анализу имен существительных и прилагательных — именований любимого человека в частушках XX века. Оценивается употребительность разных именований, их лексико-семантические свойства и территория бытования. В качестве источников привлечены оригинальные тексты, записанные в Вологодской области и соседних регионах.

Ключевые слова: частушка, язык фольклора, именования любимого человека, лексико-семантическая группа, сфера употребления, семантика, этимология.

The article is devoted to the analysis of the nouns — names of a loved one in the chastooshkas of the twentieth century. There is estimated the use of different names, the territory of existence and lexical-semantic properties. As a source was used the original texts of chastooshkas that was recorded in the Vologda region and in neighboring regions.

Key words: chastooshka, the language of folklore, the names of a loved one, lexico-semantic group, sphere of use, semantics, etymology.

Частушка — песенный жанр, функционирующий преимущественно в сельской среде. Основные исполнители частушек — девушки и женщины, но пели и парни. Василий Белов посвятил восторженные слова частушке при описании ночных святочных гуляний в деревне: ребята пели

частушки под балалайку «согласно, неторопливо; ясно, красиво; приятно и по мужскому нежно», а у девушек частушки звучали «тревожно, ласково, счастливо, горько, весело, беззаботно» [1].

Частушка выросла на добротной основе фольклорной традиции: это любовная лирика, плясовая песня и песенки скоморохов. Частушки появляются впервые в пятидесятых годах XIX века и скоро начинают записываться и оцениваться специалистами, так в 1891 году была издана малоизвестная теперь брошюра И.Я. Львова «Новое время, новые песни», посвященная анализу текстов и мелодии частушек — коротких лирических песен [2]. Характерно такое признание современника в начале XX века: «Ныне эти коротенькие песни можно слышать повсеместно на крестьянских беседах, но лет 20—30 назад, по рассказам стариков, о них не было и помину» [3]. Уже первые изданные коллекции частушек поражают своим объемом, например, в сборнике В.И. Симакова 1913 года опубликована 3341 частушка, в нем, кроме ярославских, также есть вологодские частушки из Великоустюгского, Вытегорского и Грязовецкого уездов.

Главная тема первых частушек — отношения между девушкой и парнем, но частушки парней записывались составителями реже, поэтому меньше именований любимой девушки.

Здесь наблюдается особое богатство речевых презентаций любви как основы нравственной жизни человека [4]. Частушка была и средством реального искреннего любовного признания. Субъект любви не назывался, но зачастую угадывался. Возможность открытого публичного признания в любви сделала частушку популярной в конце XIX века, когда свободнее стали этические нормы в сельском сообществе.

Часто исполнение частушек носит игровой характер, форму театрализации. Частушки исполняются во время гуляний или пляски целыми сериями, что иногда влечет за собою повторение названий основных героев или наоборот — обязательную замену этих наименований синонимами в порядке творческого соревнования исполнителей.

В поле нашего внимания находятся именовании любимого человека в текстах частушек первой половины XX века, когда они были особенно популярны и более лиричны, чем поздние образцы. Этот фрагмент любовного словаря мало исследован. Лексика вологодских частушек ещё не была предметом изучения. В наши задачи входит установить круг именований любимого человека, выявить семантико-стилистический потенциал и особенности употребления этих слов в зависимости от степени близости влюбленных, проследить, как взаимообусловлены экспрессия названий любимого и содержание частушки. В работах по этой теме подобный комплексный анализ ранее не выполнялся, кроме того, не затрагивались вопросы времени появления и активизации некоторых названий: *дрюля*, *залётка*, *золотце*, *краля*, *ухажёр*, *ягодиночка*.

Небольшое семантическое поле частушки требует лаконичных и точных оценок героев. Именование любимого зачастую играло роль смыслового контрапункта в тексте частушки, ведь она наполнена личными переживаниями. Эмоциональная выразительность и драматизм ситуации усиливаются, когда название любимого человека выступает в качестве обращения и при этом повторяются близкие по семантике названия: «Дорогой мой, драгоценный, / *Дорогой забавушка*, / Давай расстанемся с тобой: / Надоела славушка» (Симаков. С. 200). Одновременное употребление нескольких любовных именований — не редкость в частушках. Именования чаще были однословными: «За *миленочком* гоняюсь, / Как привороженная»; «Погляжу я на окно: / Нет ли *ягодки* мово»; «Ты играй, гармошка нова, / Пока *любущка* здорова» (Гура. С. 121, 131, 148). Есть свои достоинства и в составных именованиях: они не только содержали описательную характеристику: «*дорогой ты мой забавочка*» (Симаков. С. 113), но усиливали образность и выразительность: «*Милый мой — моя отрада*» (Симаков. С. 160).

Любовные частушки воспроизводят всю драматургию развития чувства, поэтому с учетом семантики основных именований можно выделить шесть групп слов и словосочетаний (расположим их по количеству выявленных номинаций): 1) названия, содержащие оценку физических данных как основы любовного чувства: *кряля, красавица, конфетка, ненаглядный, цветок, ягодка*; 2) названия — характеристики душевных качеств любимого человека: *голубь, душечка, хороший*; 3) названия, связанные с игровыми переживаниями: *забава, игровая, куколка, утеха*; 4) названия — оценки иных качеств, значимых для любящего: *дорогой, друг, заветная, золото, кровочка, сударушка*; 5) названия, выражающие чувство сильного сердечного влечения: *дроля, любой, милый* (и однокоренные: *мил, милка, перемилка, миленок, миленочек, милашечка, милашка, милочка, милочек, миленький, милушка*); 6) названия, отражающие силу переживания любящего: *зазноба, ненаглядный, отрада, прияточка, радость моя, сухота*.

Если же расположить эти именования в соответствии с этапами развития любовного чувства, то вначале будет характеристика внешнего вида героя: «*Миленький, усатенький, / В рубашке полосатенькой, / Рубашка шита по канве. / Зачем ты ходишь не ко мне? »* (Елеонская. С. 14); «*Дроля в беленькой манишке, / Пиджак новый, голубой*» (Симаков. С. 81). Затем — оценка речи героя, что подтверждает примету: девушки любят ушами: «*Не за кудри полюбила, / Не за белое лицо. / Полестил на разговоры, / Полюбился золотцо*» (Симаков. С. 83). И наконец — выражение абсолютной влюбленности и драматичности переживаний: «*Тебя, дроличка, в солдатушки. / Мине, девочке, куда? / На реке широка прорубь — / Я голыушкой туда*» (Гура. С. 155).

Частушка — жанр фольклорный, её речевое наполнение — средства устной речи. Многие названия любимого человека — от глаголов: *дролиться*,

миловаться, забавляться, играть, ухаживать и т.д. При этом набор подобных глаголов неодинаков для разных территорий России: популярные в ярославских местах *залётка* — от *залетать*, *приятка* — от диалектного *приятъ* [5. С. 172] гораздо менее известны на Вологодчине. Вместе с тем частушки легко мигрируют, и в них, как правило, представлена в основном общерусская лексика.

Обратимся к двум наиболее употребительным корневым гнездам с вершинами *мил-* и *люб-*.

Корневое гнездо с вершиной *мил-* сложилось в русском языке в древности. В новгородских берестяных грамотах слова с этим корнем употреблялись как нарицательные и как собственные: Миль, Милята, Милка, Милко, Милость, Милошко, Милогость, Милонегъ, Милославъ [6].

С учетом логики словообразовательных цепочек выявленные лексемы в вологодских частушках располагаются следующим образом: *милка* — *милочка* — *милушка* — *милаша* — *милашка* — *милашечка* — *милаха*; *миленок* — *миленочек*; *миленок* — *милёнка*; *мил* — *милий* — *миленький*; *милая* — *милий* (*милый*). Слова на *мил-* часто сопровождаются ласкательными определениями: «Тебе врут, а ты и веришь, / Дорогой милёночек» (Устюжна 1941–45. С. 337).

Милаша, милашка, милочка, милушка — это названия общего рода, остальные имеют более четкую родовую дифференциацию: «Милка, милка, перемилка, / Милка, куколка моя» (Симаков. С. 448); «Полно, полно погуляла / Без меня милашечка» (Устюжна-4. С. 304); «Никому я не поверю, / Что не жаль миленочка» (Бурцев. С. 38); «Всем бы милушка хорош, / Только ростом маленький» (Гура. С. 141).

Слова с корнем *люб-* появились поздно и, вероятно, под влиянием авторской лирической песни. Первоначально же было только *любой, любушка* в значении «тот, кто больше всех люб, кто больше приглянулся» или в сочетаниях типа *любимый дряля*: «Я любее тебя, дрялочка, нигде не нахожу»; «До чего *любому* рада: / В избу двери отворю, / Он со мной не заговорит, / Так сама заговорю» (Симаков. С. 16, 26, 173); «Нелюбого-то чужого / Полюбить заставили. / А любого дорогого / Сиротой оставили» (Там же. С. 356); «И на ближнего товарища / Надеяться нельзя: / И мою красотку — *любущу* / Отбил он от меня» (Там же. С. 181). Слово *любуща* стало народно-поэтическим, оно употребляется для выражения особой привязанности. Не принятое в любовном этикете употребление слова *любимая* заменяется окказиональным *любовная*: «Я своему-то дорогому / Завсегда любовная» (Симаков. С. 30). Слово *любимый* вырывается в драматической ситуации, когда девушку против ее воли выдают за нелюбимого: «В сто раз лучше девушке / Выйти за любимого» (Симаков. С. 323).

Теперь обратимся к хорошо зафиксированным в течение первой половины XX века циклам устюженских частушек, чтобы сравнить употребление слов с корнем *мил-* в отношении к другим номинациям.

В 1908–1917 годах (Устюжна-4: 141 частушка). по употребительности первые места занимают слова с корнями *мил-*, *дрол-*, *дорог-*. По отношению к парню использовано 16 разных названий из них: *милый* – 27, *миленок* – 10, *милой* – 5. По отношению к девушке использовано 5 номинаций: *сударушка* – 2, по одному разу – *дорогая*, *милашка*, *милашечка*, *миленка*.

Сравним данные из вологодских частушек других уездов: великоустюгские, вытегорские, грязовецкие (записи Симакова 1880–1910 годов). Преобладают названия с корнем *–мил-*: мужские *милый* – 99, *миленок* – 17, *миленочек* – 14, *миленький* – 11; женские *мила* – 18, *милашка* – 9, по 8 – *милая*, *милушка*, *милашечка*, *милочка* – 6. Далее идут слова *дроля* – 92, *дролечка* – 38 (женские варианты *дроля* – 2, *дролечка* – 1). *Дорогой* – 15 употреблений, а *дорогая* – 5. На четвертом месте по употребительности *друг* – 13, отмеченное только в номинациях мужчин. Затем идут слова *игровой* – 8 (женская номинация *игровая* – 1 употребление). Слова с корнем *хорош-* занимают шестое место *хороший*, *расхорошенький* – по 3; *хорошая* – 5. *Любой* и *золотцо* употреблены по 9 раз.

В 1920–1930-е годы в частушках (Устюжна-1: 34 частушки; Устюжна-3: 128 частушек) наиболее употребительны слова с корнями *мил-*, *ягод-*, *дрол-*. Именования любимого парня: 39 употреблений приходится на слова *милый- милый*, *миленький*, *милёнок*, *миленочек*; *ягодиночка* – 9, *дорогой* – 6. Любимая девушка названа так: *мила* – 2, по одному разу *милая*, *милочка*, *милаха*, *милаша*, *милашечка*. В этой коллекции частушек преобладают слова с корнем *мил-* (24), слова с корневой доминантой *ягод-* занимают второе место (13), слов с корнем *дрол-* всего 3.

С этими данными можно сопоставить факты из рукописного «Частушечника» 1925 года, хранящегося в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике (зафиксировано 1075 частушек): здесь из мужских именований «...в большинстве частушек употребляются слова *милый*, *милёнок*, *миленка*, *игривенький*, *дроля*», а из женских – «*мила*, *мила*, *милашечка*, *сударушка*» [7. С. 153]. Кроме того, в кирилловских частушках отмечено отсутствующее в устюженских текстах мужское именование *игровой* (*игровый*): «У кого *игровых* нет, / Заявляйте в комитет. / В комитете разберут. / По *игровому* дадут» [Там же. С. 146]. Для восточной части Вологодчины *игровый* известен и в начале XX века: «Увижу серова кота, / Тебя, *игровый*, никогда» (Симаков. С. 168).

В 1941–45 годах (Устюжна-4: 134 частушки) и в 1940–1950-е годы, (Устюжна-3: 108 частушек) отметим наиболее частотные от корней: *мил* – 50, *ягод* – 49, *залёт* – 31. При назывании любимого использовано 18 номинаций, любимой – только *милая подруга*, *сударушка*.

Таким образом, в устюженских частушках с двадцатых годов начинают употребляться лексемы *ягодина* – *ягодиночка*, *дроля*, *забава* – *забавочка*; в годы Великой Отечественной войны активизируются именованья *ягодиночка*, *милаша* – *милушка*, *залётка* – *залёточка*, *ухажёр* – *ухажёрник*.

В вологодских частушках второй половины XX века преобладает пара *милый — милая* со своими однокоренными: «Без тебя, мой дорогой, / Без тебя, мой милый, / Без тебя, хороший мой, / Белый свет — постылый» (Ехалов. С. 4); «Мой милёнок, я — твоя, / Куда хошь девай меня»; «У меня милаша маленький, Как зернышко в овсе» (Там же. С. 10); «Милка — лебедь, милка — лебедь, / Милка — славный человек» (Там же. С. 13).

Рассмотрим несколько других именовании.

Слово *друг*, употребляемое чаще по отношению к мужчине, фиксируется в сочетании *друг сердечный* и в форме диминутива *дружок*: «Я сидела на лужку, Писала тайности дружку. / Я писала тайности / Про любовны крайности» (Гура. С. 155).

Употребляемые по отношению к парню и девушке (первоначально только о парне) слова *дроля*, *дролечка*, *дролёночек*, *дроле(и)нька*, *дролюшка* являются диалектными и значат «человек, к которому испытывают привязанность, любовь». Возможно отглагольное происхождение этих слов: *дролиться* — «иметь любовные отношения с кем-либо; гулять, проводить время с любимым» [5. С. 171; 5. Вып.8 С. 199], но допустимо и обратное соотношение: глагол возник из существительного. Основное в этом ряду *дроля* стало словом преимущественно «частушечным», обозначающим чаще всего любимого. Вот текст, где подчеркнуто, что *дроля* — это именование неженатого парня: «...у жен мужей, у девок дrolечек / В Германию увез» (Судаков). В другой частушке *дроля* — это девушка: «Я пришел на посиденку/ Моя дроля занята» (Симаков. С. 35). П.А. Дилакторский в 1902 году отмечал это слово в Вологодском, Кадниковском, Тотемском, Никольском уездах [9. С. 112]. Диалектологи фиксируют его появление в говорах в начале XX века, см. примеры: «Где мы с дrolечкой стояли, / Снег протаял до земли» [8. С 198–199]. «Дrolечка бессовестной / Подговаривал весной. / Теперь осень настает, / Дроля вовсе отстает» (Елеонская. С. 101). В вологодских текстах нет производных *дролька*, *дроха*, зафиксированных в ярославских говорах. Однозначной этимологии корень *drol-* не имеет: в русских говорах это «любимый — любимая», у южных славян слово негативно характеризует женщину [10. Вып. 5. С. 124–125].

Забава, *забавочка* входят в ряд именовании, в которых учитывается семантический компонент игры «тот, кто развлекает, веселит»; судя по текстам, употребляется чаще при номинации парня: «Посидела бы с забавочкой, / Да смелости-то нет» (Симаков. С. 85); «Забава, серые глазёночки, / Люби, не обмани» (Устюжна, 1941–45: С. 337). По Дилакторскому, уже в 1896 г кадниковское *забавочка* — это «девушка, которая пришлось парню по сердцу» [9. С. 137], в этом значении отмечено в Новгородской, Псковской, Ленинградской областях [8. Вып. 9. С. 240].

Сюда же примыкает и родовая пара *игровой — игровая*, но с преобладанием мужского варианта: «Был игровой в посиденке, / Посидеть не удалось»; «Дроля, аленький цветочек, / Я — игровая твоя» (Симаков. С. 17, 21, 82),

отмечен и уменьшительный вариант *игровенький* (Бурцев. С. 22). Эти слова зафиксированы в вологодских, новгородских, псковских, тверских и ярославских говорах [8. Вып. 12. С. 73].

Слова *кровинка*, *кровочка*, *кровиночка*, *кровинушка* подчеркивают взаимность любовных чувств, особую близость героев друг к другу. Силу переживания влюбленного выражает слово *зазноба* — *зазнобушка*. Слово стало просторечным и устаревшим, оно обладает высокой экспрессивностью, ср. исходный глагол *знобить* «болезненно ощущать холод, лихорадить» [11. С. 25]. С той же целью употребляются лексемы *сухота*, *сухотинка*, *сухотиночка*, близкие по семантическому компоненту «болезненное любовное переживание»: «Сухота ты моя, золото, / Оставил на кого» (Бурцев. С. 28); «Сизый, сизый голубочек, / Научи меня летать. / Не высоко, не далёко — / Сухотинку увидеть» (Гура. С. 150).

При обращении к женщине употребляются подчеркивающие красоту возлюбленной слова *кряля*, *крялечка*. *Кряля* «*королева*» — слово западнославянского происхождения. Польское *krala* «королева». См. примеры: «Уж ты милая моя, / Кряля дорогая» (Симаков. С. 131); «Ах ты, милая моя, / Кряличка червонная» (Елеонская. С. 120). Русские *красавица*, *красотка* подчеркивают внешнюю красоту более выразительно: «Ты играй, гармошечка, / Играй, раззолоченная. / Ты встречай, красоточка, / Красотка чернобровая» (Симаков. С. 2; Елеонская. С. 121). *Цветок* — *цветочек* также выражают идею красоты любимого человека: «Не говори, цветочек, дома, / Что я тоненька горазд» (Симаков. С. 201).

Промелькнули и редкие *фартовый* — *фартовая*, модные в криминальном жаргоне с начала XX века: «Закури, фартовый мой, / За спичкам сбегаю домой, / Для такого молодца / Спичек много у отца»; «У него фартовая / На примете новая»; / Милый новую припас, / А мне, девушке, отказ» (Симаков. С. 85, 291).

Отглагольные образования просторечного характера *ухажёр* — *ухажёрки* [11. С. 538], проникшие в частушки в годы Великой Отечественной войны, чаще относятся к мужскому полу и употребляются только в описательных конструкциях, в качестве обращения не употребляются: «Скоро наши ухажёрики / С победушкой придут» (Устюжна. 1941—45. С. 330); вариант женского рода: «Задушевная подруга, / ему нечего искать, / ему стара ухажёрка / стала снова напевать»; «Поиграй повеселее, / неужели тебе лень? / Неужели ты боишься / ухажёрочки своей?» (Устюжна, 1940—1950 гг. С. 469). А вот лексемы *сударка*, *сударушка* (от *сударь*) имели отношение только к женскому полу: «Знаю, Колину сударушку / Ориною зовут» (Устюжна, 1941—45. С. 336); ср. отмеченное еще Симаковым в 1913 году: «Разбужу свою сударку, / Старопрежнюю свою» (Симаков. С. 4).

Названия *прияточка*-*приятка* «возлюбленный, возлюбленная» носили диалектный характер: «Чем-нибудь перефоршу / прияточку игровую» (Симаков. С. 135). Они были более характерны для ярославских говоров:

«Ты, пряточка, пряточка, / Расподлая душа, / С другой девочкой гуляешь, / Чем же я не хороша» (Елеонская. С. 17).

В частушках используются не только традиционные модели с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*судар-ушк-а, дrol-ечк-а, мил-ёночек, хорош-еньк-ий*), с усилительными приставками (*рас-хороший,*), но и неологизмы: *сухотинка, пряточка*.

Анализ основных именовании любимого человека позволяет говорить об иерархии жизненных ценностей молодых людей, живших в России в первой половине XX века. Взаимоотношения героев частушки хранят отпечаток народной этики, соответствуют православной концепции любви и дружбы. Так, герой частушки — *друг (сердечный друг), дружок (миленький дружок), дружочек*, а слово *любимый* встречается редко и вообще появляется позже, во второй половине XX века. Влюбленные не *встречались* (это слово отсутствует в первых частушках), а *гуляли*, что значило «вместе проводить время на гуляньях»; влюбленные называли друг друга *игровый — игровая, забава, утеха, отрада. Милый* из частушки — *любый, ненаглядный, дорогой, хороший* и т.д. Большинство лексем семантического поля «любовь» соотнесены с динамикой развития любовного чувства и культурными традициями эпохи.

Источники

- Бурцев А.Е.* Народный быт великого Севера. М., 1898.
- Ехалов, Анатолий.* Как у наших у ворот. Вологда, 2005.
- Зеркало нравственной жизни народа (публикацию подготовил Ю. Максин) / Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1992. Вып. 1. С. 176—184.
- Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.
- Симаков В.И.* Сборник деревенских частушек. М., 1913.
- Сказки, песни, частушки / Под ред. В.В. Гуры. Вологда, 1965.
- Судаков Г.В.* Записи частушек: Кадуйский район, 1960 г. (из архива автора).
- Устюженская частушка 1920-х-1930-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 445—461.
- Устюженские частушки в записи Арапова (1908—1917 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 301—318.
- Устюженские частушки периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 319—340.
- Частушки 1940—1950-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 462—490.

Литература

1. Белов В.И. Кануны // Василий Белов. Собр. соч. В 7 т. М., 2011. Т. 3. С. 124–125.
2. Львов И.Я. Новое время, новые песни. В. Устюг. 1891.
3. Балов А. Что поет наш народ // Северный край. 1902. № 133. С. 38.
4. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. С. 242.
5. Гурская С.Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. Ярославль. 2009. № 1.
6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 759.
7. Смирнов И.А. Кирилловская частушка начала XX века как транслятор народной жизни // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда. 2002. С. 139–153.
8. Словарь русских народных говоров. М. – Л., СПб., 1965 –.
9. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
10. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). М., 1978. Вып. 5.
11. МАС – Словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 4.

Вологодский государственный университет

«Железный занавес»: От технического термина до политической метафоры

© Л. А. БАРАНОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается история становления устойчивого словосочетания «*железный занавес*» в русском языке. Возникшее более 200 лет назад, оно использовалось вначале в своем прямом терминологическом значении. Метафорический смысл в политическом контексте данное выражение приобретает (как в европейских языках, так и в русском языке) в первые десятилетия XX века. Вопрос об авторстве данного выражения в его новом смысле остается спорным.

Ключевые слова: железный занавес, технический термин, политическая метафора.

The history of formation of the set expression «*iron curtain*» in Russian language is considered in the article. It appeared more than 200 years ago and at first it was used in its direct terminological meaning. The metaphorical meaning in the political context this expression acquires (both in European languages and Russian language) in the first decades of XX century. The question about authorship of this expression in its new meaning is disputable still.

Key words: iron curtain, technical term, political metaphor.

Кому не знакомо выражение *железный занавес*, активно использовавшееся и в антисоветской, и в советской пропаганде для описания продолжавшихся долгие годы противостояния и взаимной изоляции двух политических систем. Это устойчивое словосочетание существует и в других языках: *Der eiserne Vorhang* — нем., *the iron curtain* — англ., *le rideau de fer* — фр. Однако далеко не все знают, когда возникло это выражение и кому оно принадлежит в его современном метафорическом значении. Между тем, возникло оно более 200 лет назад, когда еще не было изоляции политических систем, да и самих этих систем, противостоявших в XX веке, тогда не существовало, а выражение это имело только прямое, вещественное значение. Железный занавес разделял в тогдашних театрах, использовавших свечное освещение, сцену и зрительный зал

в противопожарных целях. Впервые примененный во Франции, в Лионе на рубеже 80–90 годов XVIII века, в следующем столетии до внедрения электричества он был обязательным элементом всех строящихся театров. Это исходное терминологическое значение словосочетания *железный занавес* отмечено в публикациях ряда авторов [1. С. 218–219; 2. С. 116–117; 3. С. 194–197; 4. С. 56]. «Почти одновременно с появлением технического термина *железный занавес* в ряде европейских языков (первоначально в театральной среде) развилось и его переносное значение. Сначала выражение *железный занавес* фигурально применялось для характеристики психической изолированности, отрешённости от жизни. Во время Первой мировой войны это выражение проникло и в публицистику. Им стали обозначать политическую изоляцию страны, политические и идеологические барьеры между народами» [3. С. 195].

Еще в 1904 году в книге «Пища богов» Герберт Уэллс использовал это выражение для описания «принуждения к конфиденциальности» (*enforced privacy*). Но кто же первым использовал это выражение в его современном переносном смысле? И вот тут мнения авторов значительно расходятся — и по поводу авторства, и по поводу времени проявления нового смысла.

Так, М.Д. Аксёнова указывает на использование данного выражения русским философом В. Розановым в его книге «Апокалипсис нашего времени», написанной в революционном 1917 году: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над русской историей *железный занавес*. Представление окончилось. Публика встала. Надо надевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось» [1. С. 219]. Курсив здесь и далее наш. — Л.Б.]. Следует отметить, однако, что в данном контексте это выражение использовано отнюдь не в политическом, а, скорее, в историческом смысле. «Розанов умер 80 лет назад, 5 февраля 1919 года, в самом начале новой, советской истории, *железным занавесом* (выражение Розанова 1917 года) закрывшей старую русскую культуру. Розанов остался там» (Лит. газета. 1999. № 6).

Но политический оттенок данное выражение начинает приобретать уже в этот исторический период. В отдельных работах указывается на первое его использование премьер-министром Франции Жоржем Клемансо в 1919 году: «Как “фигурой речи” в публичных выступлениях первым блеснул выражением *железный занавес* премьер-министр Франции Жорж Клемансо. На Парижской мирной конференции в 1919 году он произнес фразу: «Мы желаем поставить вокруг большевизма *железный занавес*, который помешает ему разрушить цивилизованную Европу» [1. С. 219–220]. Это выражение использовала также жена британского политика Этель Сноуден в 1920 году в книге о своем путешествии в Советскую Россию «Через большевистскую Россию»: «Наконец-то, мы очутились за *железным занавесом*».

В СССР это выражение также было известно еще до Второй мировой войны. Так, в «Литературной газете» была опубликована статья советского писателя Льва Никулина под названием «Железный занавес», где он писал: «Когда на сцене пожар, сцену отделяют от зрительного зала железным занавесом. С точки зрения буржуазии, в Советской России двенадцать лет кряду длится пожар. Изю всех сил нажимая на рычаги, там стараются опустить железный занавес, чтобы огонь не перекинулся в партер... Буржуазия пытается опустить *железный занавес* между Западом и нами» (Лит. газета. 1930. 13 янв.) В данном случае метафорическое использование данного выражения поддерживается отсылкой к его прямому терминологическому значению для создания более выразительного, емкого образа.

В конце Второй мировой войны это выражение использовал министр пропаганды фашистской Германии Йозеф Геббельс. В своей статье «2000 год» (Das Jahr 2000) в журнале «Das Reich» от 23.02.1945 года он утверждал, что в случае победы в войне Советский Союз разделит Европу *железным занавесом*. Поэтому А. Тарханов, автор статьи «Письмо европейскому другу о русском искусстве», считает его автором этой политической метафоры: «Страна была нежно укутана "*железным занавесом*". Как известно, метафора эта принадлежит доктору Геббельсу, который писал: "Если Германия не уничтожит Советский Союз, *железный занавес* опустится на континент, отделив древнюю и славную цивилизацию от остального мира» (Столица. 1993. № 13. С. 51). Подобная трактовка встречается и в некоторых словарях [5].

Но наиболее распространенным является мнение, согласно которому авторство данной метафоры принадлежит премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю. Выступая 5 марта 1946 года в США, в Вестминстерском колледже в Фултоне, он сказал: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на наш континент опустился *железный занавес*». Годом ранее это выражение было употреблено им в письме президенту Трумэну: «Понятие "*железный занавес*" Черчилль впервые употребил не в Фултоне, а раньше, в письме президенту Трумэну 12 мая 1945 года: "*Железный занавес*" опустился над их фронтом. Мы не знаем, что за ним происходит. Но письмо прочитал один Трумэн, а фултонская речь прогремела на весь мир» (Российская газета. 2016. № 48). Данное мнение отражено в основных американских и британских словарях английского языка, его можно встретить и в некоторых словарях русского языка: «Железный занавес — режим изоляции социалистического лагеря. Идея принадлежит Черчиллю, выступившему 5 марта 1946 г. в Фултоне (США) с предупреждением об угрозе коммунистической экспансии в Европе» [6. С. 47]. Хотя, говоря о данном мнении, следует отметить, что речь здесь идет скорее не об авторстве, а о широком распространении, популяризации рассматриваемого выражения. Употребленное в контексте приведенной речи, которая, как принято считать, обозначила начало «холодной войны», оно

приобрело уточненное, созвучное своему времени значение, стало «у всех на слуху». В этом значении, отраженном в современных словарях [4], оно употребляется и поныне: «Несмотря на десятилетия, прошедшие после падения *железного занавеса*, Россия для иностранца — по-прежнему *terra incognita*» (Московский комсомолец. РРЕ. 2016. 13–20 янв.).

Таким образом, мы имеем возможность проследить, как стараниями идеологов всех мастей нейтральный технический термин за последнее столетие превратился в весьма экспрессивную идеологему, которая приобретала ту или иную политическую окраску в зависимости от того, кто ею пользовался.

Литература

1. Аксенова М.Д. Знаем ли мы русский язык? Истории происхождения слов увлекательнее любого романа и таинственнее любого детектива! Книга первая. М., 2016.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1988.
3. Костомаров В.Г. Железный занавес // Вопросы культуры речи. М., 1961. Вып. 3.
4. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005.
5. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987.
6. Дергачев В.А. Геоэкономический словарь-справочник. Одесса, 2004.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» — Медицинская академия имени С.И. Георгиевского

Л. П. КРЫСИН. Статьи о русском языке
и русских языковедах

Культурное пространство родного языка как безбрежное море не имеет границ и находит выражение в творчестве лингвистов, которые не мыслят стандартными формулами и схемами, а создают своими исследованиями образ эпохи. Он закрепляется в сознании посредством живого слова, речи, функционирующих во всех формах языкового выражения — нормативной, диалектной, социально маркированной. И здесь на первом плане возникают новые проблемы: как соотносятся регулируемые и «стихийные» сферы функционирования в рамках литературного языка, какие этностереотипы есть в современном обществе, что такое толерантность как фактор речевого общения и многие другие. Эти важные вопросы освещаются в книге крупного специалиста по социолингвистике и истории отечественного языкознания Л.П. Крысина «Статьи о русском языке и русских языковедах» (М., 2015). Впервые собранные вместе публикации ученого по актуальным аспектам изучения современной разговорной речи и лексической семантики интересны не только самой постановкой проблемы стандарта — субстандарта в языке, но и изучением так называемых скрытых смыслов, фиксацией новых явлений, анализом нарушений прагматических условий употребления слова. К таким относятся, по мнению автора книги, например, групповые шаблоны речи, распространённые в определенных социальных коллективах и отражающие

«коммуникативный опыт данной группы» (С. 36). «При этом шаблон, — пишет Л.П. Крысин, — вопреки своему названию — используется, как правило, в эмоциональном контексте, специально (шутливо, иронически, с пародийными целями и т.п.) обыгрывается; тем самым к нему привлекается внимание окружающих...» (С. 37). В такой аудитории, как обоснованно говорит Л.П. Крысин, большое значение имеет роль *языковой игры*. Это своеобразные «клубы по интересам», неформальные коллективы, причем необязательно молодежные — могут быть и научные, творческие и т.д. Показательны в этом отношении «прозвища, дразнилки, любимые присловья (типа *наше вам с кисточкой, бонжур-покедова* и т.п.), переделки слов и выражений (*большое пожалуйста* — по аналогии с *большое спасибо, калёной метлой* — как объединение двух фразеосочетаний: *калёным железом* и *новая метла*), бытующие как раз в устном речевом общении малых групп и являющиеся шаблонами, отличающими данную группу от всех других» (С. 37).

По сути дела решается высокая антропологическая задача: словесными средствами выражения автор определяет человека и его место в зеркале повседневной речи, рисует портрет изменчивой культурной традиции, показывает ориентиры нормативной практики в использовании языковых единиц, исследует факты филологического и антифилологического «карнавального» языка, захлестнувшего «виртуальное» общение на интернет-форумах и часто изменяющего параметры варьирования и игры со словом в сторону дешифровки его смысла и жаргонизации культуры речи.

Значительное место в современной разговорной практике имеют профессиональные жаргоны, которые, по мнению Л.П. Крысина неоднородны. В их составе ученый выделяет две группы коммуникативных средств: «1) средства, совпадающие с единицами общенационального языка и составляющие основу лексического и грамматического строя профессиональных жаргонов; 2) арготические слова и обороты, отчасти дублирующие официально принятые в соответствующем специальном подязыке термины, отчасти именующие то, что не имеет официально принятого терминологического обозначения» (С. 96). Они появляются чаще всего при метафорическом переосмыслении слов, придании им специфического колорита, образности, эмоциональной окраски. Эти случаи, приведенные Л.П. Крысиным в своей книге, ярко демонстрируют возможности семантической игры со словом, например: *вспухать* «резко набирать высоту» (о самолете); *нога* «опора шасси»; *морда* «лобовая часть самолета»; *пиджак* «пассажир деревенского вида»; *меняла* «сменщик» (С. 97).

В речевой практике, как верно подметил автор книги, часто присутствуют так называемые этностереотипы. Эта проблема, безусловно, имеет лингвистический акцент и в языкознании изучена слабо. Ученый выделил характерные языковые единицы, которые можно характеризовать как «средства обозначения этнических стереотипов». Среди них он обращает

внимание на такие: «слова, в свернутой форме содержащие в своих значениях оценку свойств типичного представителя другого этноса» типа *выцыганить*; «атрибутивные словосочетания, где определение — прилагательное, образованное от этнонима, а определяемое — имя какого-либо свойства человека: *американская деловитость, английская чопорность, с немецкой аккуратностью...*, *русский размах* и т.п.»; «генетивные словосочетания, где в позиции подчиненного генитива — этноним, а в позиции синтаксического хозяина — имя какого-либо человеческого свойства: *Он добывается своего с упорством китайца*»; «сравнительные обороты: *точен, как немец; холоден, как англичанин; молчалив, как финн* и т.п.» (С. 209 и далее).

Из множества других интересных идей, высказанных в данной книге, обратимся к обзору еще одной проблематики, получившей в последние десятилетия сильный импульс в лингвистических исследованиях разного плана. Л.П. Крысин ее обозначил так: «человек в зеркале русской повседневной речи». Это большой проект, связанный с изучением разговорной речи, который в академической лексикографической традиции предпринимается впервые и дает объективную характеристику роли некодифицированных подсистем языка, уже включенных в коммуникативное поле его носителей не как чужеродное явление, а как повседневная практика. К таким лексемам, получившим анализ в исследованиях Л.П. Крысина и его коллег, можно отнести, например, номинативные единицы, обозначающие человека по внешнему виду или умственным качествам типа *амбал, верзила, жеребец*; слова с негативной оценкой вроде *дурень, дуралом, чурбан* и др.; слова, «обозначающие употребление спиртных напитков и состояния человека в результате такого употребления», как такие: *вмазать, дербалызнуть, захорошеть* и т.п. (С. 408–409). Оценочная характеристика очень разнообразна и так или иначе вплетена в речевую культуру и нашла выражение в литературных источниках. Подобные слова и «антислова» являются приметами нашего времени, отражают языковую картину социума и во многом формируют словесный рисунок человека. Значит, такие компоненты речевой деятельности должны получить компетентный анализ и оценку.

Эти и другие проблемные явления современного языкотворчества нашли отражение в работах Л.П. Крысина, посвятившего более шестидесяти лет изучению материи языка в его социальной оболочке. Опыт учебного важен не только с научной точки зрения, но и с учебной: уже давно назрела необходимость включить в школьные и вузовские программы курсы, связанные с изучением активных процессов современного русского литературного языка, и сделать нынешних студентов и педагогов подлинными пропагандистами чистого русского слова, его культурных традиций и норм. Этого принципа придерживались легендарные ученые Московской лингвистической школы, идеи которой продолжают развиваться и в наше время.

Заключительные разделы книги посвящены очеркам о русских языковедах, оставивших заметный вклад в истории науки не просто как выдающиеся лингвисты и творцы филологической традиции, но и незаурядные личности — яркие, ироничные, мужественные, преданные словесной культуре. Это статьи о современниках и старших коллегах Л.П. Крысина: об академике В.В. Виноградове как основоположнике социостилистики, А.А. Реформатском, М.В. Панове, Д.Н. Шмелеве, Е.А. Земской, Т.Г. Винокура, а также об их предшественниках — Н.В. Крушевском, Е.Д. Поливанове, С.И. Карцевском, Д.Н. Ушакове, Г.О. Винокуре.

Книга Л.П. Крысина соединяет в себе редкие качества научного исследования: глубину проникновения в проблематику, живость авторской интонации, провидческую наблюдательность и в то же время системность изложения, концептуальность, культурно-историческую направленность и нацеленность на аудиторию вдумчивых, равнодушных к родному языку читателей.

© **О.В. Никитин,**

*доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет*

Л. Л. БЕЛЬСКАЯ. «Стихи мои! Свидетели живые...» Три века русской поэзии

Автор книги ««Стихи мои! Свидетели живые...» Три века русской поэзии» (М., 2016) — доктор филологических наук, литературовед и литературный критик. В одной из своих статей Л.Л. Бельская вспоминает, как и когда по-настоящему увлеклась поэтикой и стиховедением, она училась в одном из высших учебных заведений Алма-Аты — КазГУ, где в то время преподавал молодой и строгий Жовтис Александр Лазаревич, которого студенты по первым буквам его фамилии, имени и отчества, а также за его принципиальность и ироничность называли «ЖАЛО». Лилия Леонидовна восхищалась лекциями этого ученого, а в конце четвертого курса попросила Александра Лазаревича стать руководителем ее дипломной стиховедческой работы. Так она сделала свой профессиональный выбор и, по ее словам, стала ученицей А.Л. на всю оставшуюся жизнь.

В дальнейшем судьба сложилась так, что А.Л. Жовтис и Л.Л. Бельская стали работать на кафедре русской и зарубежной литературы Казахского педагогического института им. Абая, который в настоящее время носит другое название: Казахский национальный педагогический университет. И многие из нас, кому посчастливилось преподавать на этой кафедре, могли бы сказать о себе, что они — «жовтисово племя»; мы, ученики Александра Лазаревича, принадлежащие к разным поколениям, в первую очередь ощущаем себя «птенцами одного гнезда», которое создал А.Л. Жовтис.

В предисловии «от автора» Л.Л. Бельская поясняет, что это как бы третья часть трилогии, посвященной анализу поэтических произведений. Двадцать лет назад вышел сборник статей «Анализ поэзии и поэзия анализа» (Алматы, 1997), в котором доказывалось, что анализировать стихи — это увлекательное занятие, и читать литературоведческие статьи не только полезно, но и очень интересно, если, конечно, исследование текста не представляет собой простую инвентаризацию художественных приемов.

Через десять лет последовала вторая книга: «От слова — к мысли и чувству» (Алматы, 2008), и в ней было показано, что «путь исследователя и читателя поэзии идет от слова и образа к эмоциям и раздумьям, а у поэтов — наоборот» (С. 5).

В третьей книге, то есть в последней части трилогии, «ставятся проблемы традиций и новаторства и прослеживается развитие тем и мотивов,

образов, стилей, стихотворных размеров в трехвековой истории русского стихотворства». (С. 5)

Книга собрана из статей и эссе, публиковавшихся в разных изданиях (Л.Л. Бельская постоянный автор журнала «Русская речь») и в разных странах в течение тридцати лет. Раздел «Стиховедческие штудии» хотя и внесен в сборник одним из последних, но состоит из заметок, написанных еще в Алма-Ате в 1983–1993 годах в русле «жовтисовской школы». В поздних своих работах Л.Л. Бельская чаще всего предпочитает обращаться не к отдельному анализу рифмы или ритма, но к целостному исследованию того или иного текста. Со временем в ее творчестве все больше отдается предпочтение сопоставительным исследованиям, анализу «сквозных тем» в русской лирике. В книге восемь разделов.

Первый представляет собой сравнительный анализ поэтических текстов. Исследование, посвященное «Песне о собаке» Сергея Есенина, написано еще в 1983 году, а последующие статьи созданы уже в 2008–2015 годах, то есть в то время, когда Л.Л. Бельская переехала на жительство в Израиль.

После распада Советского Союза много изменилось, и «жовтисово племя» рассеялось по всему свету: многие из коллег уехали в Россию, многие – в Израиль, иные в США и разные страны Европы. Место проживания в какой-то мере определяло выбор авторов, к которым обращались теперь исследователи. Л.Л. Бельская заинтересовалась поэтами Израиля, как первостепенными, так и поэтами «второго ряда», о которых ничего или почти ничего не знали советские читатели.

В первом разделе книги – «Стихотворения чудный театр» – (сравнительный анализ поэтических текстов) – есть заметки, созданные в результате личного общения и споров с А.Л. Жовтисом. Именно он познакомил Л.Л. Бельскую с творчеством поэтессы – эмигрантки Ирины Кнорринг, подарил ей изданную по его инициативе в Алма-Ате в 1993 году книжку избранных стихотворений И. Кнорринг «После всего: Стихи 1920–1940 гг.», с собственным предисловием, в котором рассказывал о творчестве и трагической судьбе этой поэтессы.

Тогда же, в 1993 году, возник разговор о том, как по-разному показан молодой фашистский солдат, захвативший Европу и напавший на Советский Союз в стихотворениях Ирины Кнорринг («Уверенный, твердый, железный...» (1942) и Михаила Светлова («Итальянец», 1943), хотя оба текста были созданы почти в одно и то же время. Свои мысли на эту тему Л.Л. Бельская оформила в эссе «Прощение или возмездие» (2015), которое помещено в первом разделе книги.

В книге автор иногда обращается к лирике XVIII века, но основной объем исследований посвящен «золотому веку» и творчеству поэтов второй половины XIX столетия, однако самой любимой эпохой Лилии Леонидовны с давних пор является «серебряный век». Во всех разделах сборника появляются исследования лирики С. Есенина, А. Блока, Ф. Сологуба,

Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Ходасевича и О. Мандельштама. В разделе «Стихотворения чудный театр» размещены статьи «Я ухо приложил к земле» (Ф. Сологуб и А. Блок), «Колодец двора» (метафора А. Блока и В. Ходасевича).

Однако Л.Л. Бельская отдает дань и творчеству поэтов XX столетия, и даже отдельным авторам начала XXI века. В первом разделе книги есть такие «сквозные» исследования, как «Я в детстве заболел» (русские поэты о своих детских болезнях) и «Весь день хлопчет Золушка» (образ Золушки в русской поэзии XX века).

Второй раздел книги — «О поэтическом языке, слове и образе» посвящен поэтам — новаторам XX века, и, конечно, не случайно, что именно им пришлось эмигрировать из советской России в США. Лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский, иронический Лев Лосев, эмигрант «второй волны» Иван Елагин все они взрывали устои поэтики социалистического реализма и были, казалось, неприемлемы в то время в нашей литературе. В этом же разделе появляются заметки о поэзии почти неизвестного русскому читателю Николая Моршена (псевдоним Николая Марченко), который тоже эмигрировал в США в 40-е годы XX столетия. В России в 2000 году вышел только один сборник его лирики «Пуше неволи».

Л.Л. Бельская предполагает, что «интерес к поэтической лингвистике берет начало в творчестве футуристов» (С. 43), но у поэтов, о которых пойдет речь во втором разделе книги, не было, очевидно, той четкой политической позиции, благодаря которой В. Маяковскому и В. Хлебникову удалось на первых порах принять не только созидательные, но и разрушительные последствия революции 1917 года. В творчестве Н. Моршена, Л. Лосева, И. Бродского как-то слишком много для СССР было иронии и самоиронии. «Сезаумь, откройся!» — шутит Н. Моршен, обозначая своих литературных учителей. Он же признается: «Я с дыр — бул — шилом шел в руках...» (С. 50) А заканчивает горько: «И оказался в дураках!» (С. 50).

И. Бродский меньше увлекался выдумыванием новых слов, но, как пишет Л.Л. Бельская, «использовал русский лексикон в таком широком объеме, что неполный словарь его поэзии почти в три раза превышает ахматовский» (С. 55).

Среди своих поэтических учителей он тоже называет В. Хлебникова, В. Маяковского, Б. Пастернака.

Лев Лосев причислял себя к «неофутуристам». В раннем творчестве у него проскальзывали словечки, прямо взятые из поэзии «Председателя Земного Шара» и «под Хлебникова»: «было жарко и болконскиймо», «крылышка, кошунствуя, рукося» (С. 59). Лев Лосев, как и И. Бродский, любил игру слов и игру со словом, переделывал классические тексты и сюжеты, пародируя и модернизируя их. Мы помним стихотворение «Я Вас любил...» по Бродскому. Переделки в таком духе интересовали и Л. Лосева. «А. Пушкин прекрасный кривится во мне», — признавался он (С. 65).

Л.Л. Бельская справедливо отмечает, что практически все постмодернисты широко обращаются к чужим текстам и интертекстуальным связям. Реминисценции, сквозные цитаты, сплошные контаминации, иногда переходящие в центоны тексты, сплошь состоящие из цитат, — это особенность «новой поэтики». Автор книги «Стихи мои! Свидетели живые...» приводит очень интересный пример такой контаминации в творчестве Л. Лосева: «Версты, белая стая да черный бокал, / Аониды да желтая кофта»...

Л.Л. Бельская расшифровывает подробно: «Первые две строчки — знаки для любителей поэзии Серебряного века — отсылают к М. Цветаевой (версты), А. Ахматовой (белая стая), А. Блоку (черный бокал), О. Мандельштаму (аониды) и В. Маяковскому (желтая кофта) (С. 70).

Так поэты-новаторы шли от чужих слов к поискам своих, пытаясь найти «лица необщее выражение».

Одна из статей, помещенных в третьем разделе (Тематические вариации и лирические циклы), где рассматриваются принципы циклизации лирических произведений, могла бы завершать предыдущий раздел, так как в статье о поэзии Дмитрия Быкова рассматриваются, в первую очередь, особенности его идиостиля. И для него, как и для других постмодернистов, оказывается интересной переработка чужих творений, фантазии на темы русской классической литературы, «перелицовка» истории.

В двух других статьях из этого раздела анализируются собственно лирические циклы: «Персидские мотивы» С. Есенина (из работ Л.Л. Бельской 1980 года) и «В пригороде Содомы» И. Лисянской (2013 года).

Одним из самых больших по объему разделов книги является четвертый. Он озаглавлен «Общей лирики лента» и состоит из статей разных лет, посвященных «сквозным» темам: осень в русской поэзии XVIII—XX века, образы ласточки, качелей... Рассматривается мотив «Вновь посетил...», а также тема кинематографа, которая, конечно, имеет более узкие хронологические рамки. Следует отметить, что Л.Л. Бельская вспоминает не только классические тексты А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Фета, Ф. Тютчева, Н. Некрасова, знаменитостей «серебряного века», но обращается и к поэтам второго ряда — Апухтину, Случевскому, Надсону... Среди упоминаемых современных авторов есть имена, практически неизвестные русскому читателю.

Хотя первооткрывателем почти любого мотива в русской поэзии мы привыкли считать А. Пушкина, автор книги приводит интересные факты, показывающие, что великий классик не только дарил образы и идеи, но частенько и продолжал, развивал чужие сюжеты, обычно при этом полемизируя с ними, так Л.Л. Бельская утверждает, что толчком для создания пушкинского стихотворения «Вновь я посетил...» (1835) послужило написанное за год до него произведение Баратынского «Я посетил тебя, пленительная сень...» о его приезде в родительское имение в Тамбовской губернии, где он родился и провел детские годы. Чтобы подтвердить свою

гипотезу, Л.Л. Бельская дает подробный сопоставительный анализ этих двух текстов (С. 164–166).

Раздел «Вспоминая предшественников» включает в себя три статьи. Раздел открывается этюдом о Белле Ахмадулиной, о ее кумирах и предшественниках. Самый глубокий «диалог», как показывает автор книги, Ахмадулина вела всю жизнь с «солнцем русской поэзии»; другими ее собеседниками также были классики — чаще всего М. Лермонтов и А. Блок. Л.Л. Бельская пишет: «Если с ушедшими из жизни классиками Ахмадулина беседовала в своих фантазиях и снах, то с еще живыми Борисом Пастернаком и Анной Ахматовой ей довелось встретиться...» (С. 203). Заканчивает Л. Бельская разговор об Ахмадулиной, высказывая убежденность, что «теперь, когда Белла Ахмадулина ушла от нас в мир иной и присоединилась к своим великим собеседникам, кто-нибудь из новых стихотворцев выберет и ее в качестве образца...» (С. 206).

Следующий этюд — тоже благодарный поклон поэтов XX века великому А. Пушкину. Заметки Л. Бельской о творчестве Н. Горбаневской и Б. Кенжеева так и называются «Повторяю за Пушкиным вслед...» Хотя оба поэта эмигрировали из Советского Союза, но продолжали себя ощущать наследниками русской классической поэзии.

Замыкает раздел «Вспоминая предшественников» статья о лирике Бориса Рыжего. Этот автор почти неизвестен русскому читателю, поэтому Л.Л. Бельская дает здесь биографическую справку, подробно рассказывает о становлении поэтического «голоса» этого интересного поэта, который добровольно ушел из жизни в возрасте 27 лет. Борис Рыжий поражает автора книги своей литературной эрудицией, но, как справедливо заметила Л.Л. Бельская, «любовь к чужим стихам приводила к нелестным сравнениям со своими, к постоянным сомнениям в себе...» (С. 220) Но все-таки и он — часть «общей лирики ленты», хотя и «приемный, но любящий сын поэзии русской» (С. 220).

Раздел «Стиховедческие штудии» рассчитан на довольно узкий круг читателей, эти статьи будут понятны только филологам, тогда как остальные разделы, содержащие этюды и эссе, могут заинтересовать ценителей настоящей поэзии, от старшеклассников до педагогов гуманитарных университетов.

Особенно хочется порекомендовать любителям лирики раздел «Этюды о поэтах и поэзии», в котором Л.Л. Бельская знакомит читателя с разными авторами и своим отношением к ним. Рената Муха, Елена Аксельрод, Лев Лосев, Борис Рыжий, Инна Лиснянская предстают здесь живыми людьми, со своими житейскими проблемами, которые они пытаются преодолеть в творчестве и с помощью творчества. Хочу особо выделить этюд об одной из моих любимых детских поэтесс, Ренате Мухе, хотя эти заметки как раз и начинаются словами самой Ренаты: «Детским поэтом я себя не считаю...» Конечно, талантливая детская поэзия многослойна. Можно не считать детским

поэтом и соавтора Мухи — Вадима Левина, хотя его стихотворный сборник «Глупая лошадь» обогатил духовную жизнь многих советских детей.

Так получилось, что именно автор этой статьи познакомила Вадима Левина с этюдом о его ушедшей из жизни подруге, и мой любимый с детства поэт передал Л.Л. Бельской огромную благодарность за точное и яркое представление личности и поэзии Ренаты Мухи.

Последний (восьмой) раздел книги называется «Будь всякий при своем», и здесь о своем творчестве стихами вновь говорят знакомые уже читателю поэты: от Ломоносова и Державина до Дмитрия Быкова и верлибриста В. Куприянова. Все они гордятся тем, что являются русскими авторами или хотя бы «русскоязычными», проторили свой путь или были хотя бы «приемными сыновьями», оставившими свой след в истории русской лирики.

Л.Л. Бельская работала и в высших учебных заведениях, где открывала тайны поэзии русским, казахским, уйгурским студентам, и в средней школе, где так трудно идет изучение именно поэтических текстов. Лилия Леонидовна является соавтором учебников «Русский язык как иностранный» (Хайфа, 2005—2013), которыми пользуются учителя в разных странах. Поэтому одно из главных достоинств книги — авторская манера изложения сложнейшего материала, доступная и понятная всем, кто любит поэзию и хочет понять ее лучше. Не случайно в предисловии к книге Л.Л. Бельская отмечает, что ее статьи предназначены не только для преподавателей и студентов-филологов, но для всех «вдумчивых читателей».

© Н.В. Мадигожина,
кандидат филологических наук,
Гимназия № 3. Дубна
Московской обл.

**Тематический указатель статей,
опубликованных
в журнале «Русская речь»
в 2017 году**

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Астафьев А.Ю. Окказиональные прилагательные в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается».....	2
Бельская Л.Л. Поэт эпитетов В. Набоков (Сирин).....	5
Бельская Л.Л. «Поэзии чудо босое...» (Новелла Матвеева о поэтическом искусстве).....	1
Бельская Л.Л. «Чужое слово» в поэзии Сергея Гандлевского	4
Борисова Л.М., Белова Е.А. Авангардное в поэтике «Жизнь Клима Самгина» М. Горького	1, 2
Борисова Л.М. Водная стихия в символике романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина».....	4
Быкова О.С. Звуковые и музыкальные образы в повести И.С. Тургенева «Фауст».....	5
Ван Лэй. Религиозно-философские мотивы и образы «Стихотворений Юрия Живаго» в романе Б. Пастернака.....	6
Воронова О.В. Традиции акафистной молитвы в духовной поэзии С.А. Есенина	5

Галай К.Н. Вещная деталь в прозе И.А. Бунина.....	4
Григорьев В.П. Поэт и норма (Статья опубликована в «Русской речи» в 1967 г. № 1)	1
Дзыга Я.О. «Образы страстей» в романах «Обрыв» И.А. Гончарова и «Пути небесные» И.С. Шмелева	1
Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. «Жомини да Жомини!..» (О значениях крылатой фразы Дениса Давыдова)	2
Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. «Покойся, милый прах, до радостного утра!» (о семантике и литературной судьбе эпитафии Н.Н. Карамзина)	5
Иванова Е.С. Функциональность гоголевских цитат в прозе М.А. Булгакова.....	2
Каргашин И.А. «Под скальпелем природы и искусства...» (Поэтика прозы Михаила Тарковского)	2
Кожин А.А. Роль художественного текста в «защитительных речах» С.А. Андреевского	4
Кладова Н.А. <i>Брат и сестра</i> в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка»	6
Мадигожина Н.В. Ключевые слова в трилогии А.К. Толстого.....	4
Мадигожина Н.В. Ностальгические реминисценции в «Парадоксах жизни» Дон-Аминадо	3
Макарова С.А. Миф русских символистов о «музыке» стиха	3
Макарова С.А. «Я ночного певца не спугну...» (Мотив пения и образ ночи в лирике А. Фета и А. Блока)	1
Никитин О.В. О письмах князя Н.С. Трубецкого	6
Петров А.В. Арктический пейзаж в прозе Ивана Меньшикова.....	3
Попова Т.Г., Мальчивецкая Ю.В. Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр»	5
Серафимова В.Д. «А все-таки жизнь хороша...» (Поэтический язык Арсения Тарковского)	3
Скуридина С.А. Именованье хроникера в романе Ф.М. Достоевского «Бесы».....	2
Шунейко А.А. Интертекстуальные связи поэмы Иосифа Бродского «Посвящается Ялте» с «Феерией» Виктора Сосноры	5
Щедрина Н.М. Концепт «фатум» в эпосе А.И. Солженицына «Красное Колесо»	4
Щедрина Н.М., Шаховская Н.Н. «Язык и есть Россия...» Русский язык в художественном сознании А.С. Кушнера	6

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Кошемчук Т.А. О «загадочной власти слова» в переписке М. Волошина и М. Сабашниковой.....	4
---	---

Никитин О.В. О письмах князя Н.С. Трубецкого	6
--	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Левчук Л.К. Языковая модель мира	2
Хроленко А.Т. Лингвофольклористика: перспективы развития	6

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Барсукова-Сергеева О.М. «Битый небитого везет» (русские фразеологизмы с глаголом <i>бить</i>)	4
Буре Н.А. «Глаза —зеркало души» (Фразеологизмы со словом <i>глаза</i>)	5
Головина Э.Д. Кого почитают, того и величают. «Профессиональная элита» в современном русском языке	4
Головина Э.Д. <i>Кушает</i> ли <i>супруг</i> <i>щи</i> ?	6
Головина Э.Д. От «респекта» до «уважухи»	3
Гун Цзинсун. Причинные предлоги в разных стилях речи	3
Доронина П.Д. <i>Хайпнуть</i> и <i>фикснуть</i> : новейшие слова интернет-общения	6
Калинин А.Ф. «Как не согласиться?» Вопросительные фразеологические предложения	5
Клушина Н.И. О городской речевой среде	1
Крылова М.Н. «Молчит как партизан» (Прецедентные сравнения из сферы истории)	6
Милославский И.Г. О ключевых словах современного российского политического дискурса	4
Милославский И.Г. Человек: пол неизвестен, а род мужской, и это не сексизм	1, 2
Панова М.Н. Русский язык в сфере государственного управления и литературная норма	3
Преображенский С.Ю., Коновалова Д.Г. Языковая игра в интернет-общении	2
Розенталь Д.Э, Теленкова М.А. Словоупотребление и норма (Статья опубликована в «Русской речи» в 1967 г. № 3)	1
Ручимская Е.М. Спряжение односложных глаголов на <i>-ать</i>	2
Ручимская Е.М. Спряжение односложных глаголов на <i>-еть</i>	5
Ручимская Е.М. Спряжение односложных глаголов на <i>-ить</i>	4
Ручимская Е.М. Спряжение односложных глаголов на <i>-ять</i>	6
Тарелкина Т.И. Модальная функция глагольных междометий	4
Хроленко А.Т. Какой видится экологическая филология?	5
Черникова Н.В. <i>Мужчина</i> : лексикографический портрет	3
Чупашева О.М. <i>Акация</i> , <i>Греция</i> , <i>Евдокия</i> (О склонении существительных, оканчивающихся на <i>-ия</i>	2

Шунейко А.А. <i>Рейд, рейдер, рейдерство</i>	3
---	---

Язык прессы

Сегал Н.А. Метафоризация пространства в политическом тексте	6
Ястребов-Пестрицкий М.С. Ошибки бывают разные	2

Язык рекламы

Игнатъева Т.В. На рынке недвижимости.....	3
--	---

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Никитин О.В. Григорий Осипович Винокур (1896–1947)	1, 2
---	------

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Баранкова Г.С. Оригинальное и заимствованное в творчестве Кирилла Туровского	5
Денисова В.Е. Библейские тексты в Житии Анны Кашинской	6
Денисова В.Е. Евдокия Московская — идеальный женский образ Древней Руси	3
Дорофеева К.В. Преподобный Авраамий Галичский и его Житие	3
Кривко Т.Н. «Пучок цветков из моего садику» (О языке детских повестей А.С. Шишкова)	1
Осокин М.Ю. «Элоквенции не обучен» (Федор Эмин как «соавтор» Матвея Комарова)	6
Пауткин А.А. Два взгляда на чудо. Игумен Даниил и Фулькерий Шартрский	5
Подчасов А.С. Почему мы скорбим?	
Смирнов П.Л. «...И не послуша ихъ...» (Судьбоносные советы, обращенные к князьям в «Повести временных лет»)	6
Столярова Н.В. Библейские цитаты в «Памяти и похвале святому князю Владимиру»	4
Тарланов З.К. Структура слова и норма	4
Трофимова Н.В. Похвала в древнерусском воинском повествовании	1
Турилова М.В. Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «безумие»	2
Щемелинина И.Н. <i>Дом</i> в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»	6

ОНОМАСТИКА

Довгий О.Л. Лаура	5
--------------------------------	---

Довгий О.Л. Полина	1
Довгий О.Л. Прасковья – Параша.....	2
Измestьева И.А. Варвара Лопухина (Бахметева или Бахметьева?).....	4
Капустин Н.В. Загадки антропонимики А.Н. Островского: Хлынов	5
Карташова Е.Н. Женские имена в прозе Василия Шукшина	2
Ковалев Г.Ф. Истоки именика Н.В. Гоголя	2
Скуридина С.А. В ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского	6
Степанова Л.В. Какие обращения бытуют в семьях	3

ТОПОНИМИКА

Гордова Ю.Ю. Из топонимии России	1
Михайлова Л.В. Ладога–Нево	3
Михайлова Л.В. Сакральные топонимы Русского Севера	6
Пукиш В.С. Основал ли князь Темрюк город Темрюк?	5

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Грачев Н.А. Лингвистические аспекты русской игры в <i>бабки</i>	3
Захаров Б.Ф. Происхождение некоторых диалектных фразеологиз- мов	4
Недоступова Л.В. Названия крестьянских построек, помещений для скота и домашней птицы в Воронежской области	6
Недоступова Л.В. Свадьба в селе Кутки Воронежской области	4
Никифорова О.В. Названия молодежных вечерних собраний в ниже- городских говорах	4
Черенкова А.Д. От <i>картофеля</i> до <i>картошки</i>	4

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Кожаева Ю.А. « <i>Душечка-сударушка и миленький дружок...</i> » (Димину- тивы в лирических песнях).....	3
Судаков Г.В. «Милый мой – моя утеха»	6
Черванёва В.А. Границы достоверности мифологического рассказа <i>делал – видел – слышал – был</i>	5
Черноусова И.П. « <i>Заиграл в гусельшки яровчатые...</i> », « <i>Играют в шаш- ки-шахматы...</i> » (Игра в былинах)	3

ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

Бобунова М.А. <i>Чудным-чудно</i> . (Конструкции на -ым в фольклоре и поэзии)	4
Павлова И.Б. « <i>Вышнего града взыскупя</i> » (Народные утопические леген- ды в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина)	1

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Баранова Л.А. «Железный занавес» (От технического термина до политическая метафоры)	6
Баранова Л.А. <i>Рена</i> и ее «родственники»	2
Вознесенская М.М. О внутренней форме выражения в <i>темпе вальса</i>	5
Горячева Т.В. Этимологические связи славянской метеорологической лексики	2
Левашов Е.А. Вермишель	1
Улуханов И.С. Любитель	5
Шунейко А.А. Мерлезонский балет	1

СРЕДИ КНИГ

Бельская Л.Л. «Стихи мои! Свидетели живые...» Три века русской поэзии	6
Крысин Л.П. Статьи о русском языке и русских языковедах	6
Смоленские говоры	3

ПОЧТА РУССКОЙ РЕЧИ

Ручимская Е.М. Последний куплет «Коробейников»	3
---	---